

Переводчик: М. А. Фархатшина
Редакторы: Т. Б. Соколова, Е. Н. Федотов (г. Москва), Г. П. Владимирова
Роман-хроника для молодежи

Похитители Истины

Битва добра против зла

Джош Макдауэлл и Боб Хостетлер

Благодарность

Хотим выразить признательность Дэвиду Н. Вейсу за профессиональную помощь в разработке сюжетной линии романа. Его проницательность и опыт послужили нам руководством в создании этого произведения. Благодарим Элиз Лоунсберри за ее ценные издательские навыки и подготовку рукописи к печати. Благодарим Дейва Беллиса, нашего коллегу на протяжении семнадцати лет, за его творческое оформление книги, разработку и совершенствование сюжетной линии произведения, а также за осуществленную им корректорскую работу и за общее руководство компанией «Добро против зла», частью которой является данный роман.

Джош Макдауэлл
Боб Хостетлер

1. Зловещие ночи в Весткасле

Пятнадцатилетняя Бритни Марш дрожала от страха при тусклом свете, падающем из окна гаража, на аллее в местечке Весткасл. Дождь моросил на траву и кусты, окружавшие трехэтажный гараж. Холода уже не чувствовалось (кстати, был конец мая), и до конца учебы оставалось всего несколько дней. Она пришла сюда с родителями и сразу уединилась, найдя для этого подходящий предлог. Она договорилась о встрече в гараже еще раньше, но теперь сожалела об этом, не только из-за подростков в модных куртках с капюшонами, время от времени проходивших мимо нее и бросавших нелестные замечания в ее адрес, но и потому что поняла свою ошибку.

Бритни вздрогнула, нервно всматриваясь в темные углы парковочного гаража. На ее красивом лице отразилось беспокойство и нервное оживление. Она откинула назад прядь русых волос, спадавших до плеч, и задумалась о ситуации, в которой оказалась.

Она стояла перед выбором: пройти все до конца или же убежать, нырнуть в аллею и вернуться к родителям прежде, чем свершит трагическую ошибку. Она уговаривала себя быть молодцом — оставить и мысль о тайной встрече, но вырывающееся из груди сердце призывало ее исполнить то, что было задумано.

Она замерла. Фары автомобиля осветили гараж и место, где она стояла.

Вглядываясь сквозь свет, Бритни пыталась определить, не был ли автомобиль серым «Понтиаком». Но, не доехав до нее, машина

повернула в гараж на верхний уровень. Бритни расслабилась, уже более не намереваясь бежать. Скрестив руки на груди, она глубоко вздохнула и мысленно перенеслась в то время, когда у них с Мэттом все только начиналось. Он предложил встретиться в первую неделю учебы в сентябре прошлого года, через две недели после ее пятнадцатилетия. Ему было шестнадцать и ей польстило внимание темноволосого парня, у которого уже были водительские права.

Их первую встречу трудно было назвать свиданием. Она сказала маме, что идет после школы в библиотеку Весткасла (что было полуправдой — она просто не упомянула, что идет туда не одна). Они с Мэттом работали в отдаленном крыле огромной библиотеки. Вообще-то математика была ее любимым школьным предметом, но она попросила его помощи в домашнем задании по геометрии, чтобы пообщаться с ним, ощутить, как он наклоняется к ней, прикасается к ее руке или плечу. Она улыбалась, слушая его сбивчивые объяснения, и наслаждалась оказываемым ей вниманием, которое было для нее чем-то новым. С каждым днем они с Мэттом становились ближе друг к другу. Они проводили вместе почти все свободное время. И их отношения становились все более захватывающими. Благодаря Мэтту, она чувствовала себя красивой и достойной внимания. Не нужно было спрашивать, какова она — настоящая любовь, Бритни знала это сама.

По мере того как ее любовь к нему становилась сильнее, она все более уступала его настойчивому стремлению к физическому сближению. Сначала она пыталась противостоять его пылу, но жажда любви уверенно одерживала верх над убеждениями. Каждое свидание превращалось в поиск уединенного местечка. Всего через два месяца с начала их встреч в отношениях Бритни и Мэтта были нарушены все допустимые границы. Они вступили в интимные отношения.

Однако физические отношения не привели к эмоциональной разрядке, столь желанной для нее, но только усилили ощущение одиночества и пустоты. Часто она пыталась вернуть время на несколько месяцев назад, когда они болтали и веселились вдвоем. Им было достаточно компании друг друга, чтобы чувствовать себя счастливыми, когда от одного прикосновения руки захватывало дух. Все было безрезультатно: ни она, ни Мэтт не могли что-либо изменить в ходе событий. В конце концов, она решила порвать с ним.

Она встретила его после школы, и они направились к машине. Бритни душили слезы, когда она призналась Мэтту, что решила расстаться.

Он побледнел.

— Почему? — спросил он. — Почему ты так поступаешь?

— Я тебе все объяснила, — ответила она, прижав к груди стопку книг.

— Но я же люблю тебя, — возразил он, подойдя ближе и понизив голос. Он смотрел на нее в упор, и она увидела, что его глаза покраснели. — Что плохого в том, что мы любим друг друга?

— Я не хочу, чтобы все это продолжалось, — сказала она, пряча от него глаза.

Мэтт отстранился и развел руками.

— Хорошо, — сказал он, — хорошо, мы не будем больше это делать. Мы можем вернуться к тому, что было раньше, да?

— В том-то все и дело, Мэтт, что мы *не можем*. Мы пробовали, помнишь?

— Да, но на этот раз все будет по-другому.

— Ничего не выйдет.

Он положил руки ей на плечи, и наклонил ближе свое лицо.

— Не надо, — сказала она. Ее губы задрожали.

— Я не хочу тебя терять, — прошептал он.

Бритни покачала головой. Она знала, что, если сейчас не убежит, то упадет в его объятия. *«Чем дальше от него, тем легче»*, — говорила она себе. Она медленно повернулась и пошла прочь, оставив Мэтта стоять рядом со своим серым «Понтиаком».

Все это было пару недель назад, и хотя она не говорила об этом Мэтту, ее чувство к нему несколько не остыло. Они по-прежнему разговаривали друг с другом в школе и иногда по телефону.

Мэтт решил не сдаваться. Он убеждал ее в своей любви. Но она не признавалась ему, что не могла не думать о нем.

Когда в субботу вечером ее родители решили пойти за покупками в Весткасл на рынок, Бритни сразу набрала номер Мэтта и договорилась с ним о встрече. *«Просто скажу ему, что нам нужно поговорить, — подумала она, — может быть, это время разлуки послужило нам на пользу. Может быть, можно начать все сначала»*.

Теперь же она стояла на обочине около запылившегося паркового гаража и дрожала от нахлынувших чувств. Она отлично знала, что они с Мэттом вернутся на тот же уровень отношений, как и раньше; знала, что никто не может остановиться, что их отношения приведут к тем же поступкам и чувствам, какие были прежде. Без Мэтта она была несчастной, но при этом помнила, что чувствовала себя грязной и виноватой, когда была с ним.

Она услышала звук мотора. Устремив взгляд к въезду в гараж, она прищурилась от света фар. Она поняла, что это Мэтт, когда свет фар качнулся на ухабе. Застыв в нерешительности, она закрыла рот рукой, затем повернулась и, плача, побежала обратно в глубь аллеи.

Бритни обогнула угол за видеоаркадой Зоркс Касл. И услышала, как кто-то ее окликнул. Обернувшись, она подняла глаза вверх и закричала. Она закрыла рот обеими руками, отпрянув назад.

Джейсон Видерс стоял около аркады, улыбаясь.

Бритни изумленно вскрикнула.

— Что случилось? — спросила она визжащим голосом, указывая на бритую голову Джейсона.

— Нравится?

Она быстро протерла глаза, надеясь, что Джейсон ничего не скажет о ее жалком виде.

— Что с твоими волосами? — спросила она. Она перевела взгляд с голубых глаз Джейсона к его когда-то светловолосой голове.

— Вот уж задал я задачу Тоду Маркуму, — сказал он о нападающем бейсбольной команды высшего дивизиона Эйзенхауэра «Генералы». — В прошлом году дела у них были совсем неважные, — он неуклюже ухмыльнулся.

— Я пообещал ему, что если «Генералы» выиграют, тогда я обреюсь.

— Не может быть! — засмеялась Бритни и снова закрыла рот рукой.

— Выглядит так... чудно. — Она уставилась на его лысую голову, будто пытаясь прочесть на ней некое послание.

— Ну, спасибо, — ответил он с сарказмом.

— Ты знаешь, что я имею в виду. — Она опустила взгляд и повернула золотой браслет вокруг кисти. Джейсон бросил оценивающий взгляд на Бритни, восхищаясь правильными чертами ее лица и ее изящными формами. Он съезжился при мысли, что был тем парнем, который обрил себе голову и вызывал этим насмешки красивых девчонок. Зная, что он далеко не красавец, тем не менее, считал себя достаточно симпатичным парнем: высокий, без шрамов, угрей или гнойных болячек. Он понимал, что его проблема заключалась в том, что он всегда совершал глупости; девушки никогда не воспринимали его всерьез. Они думали, что он веселый парень, даже порой этакий старший братец, но никогда не смотрели на него, как на возможного кавалера.

Вдруг глаза Бритни расширились, и она снова подняла глаза.

— А что сказали твои родители?

Лицо Джейсона порозовело.

— В эту субботу мы должны были фотографироваться, но мама мне ничего не сказала. Когда она увидела это, — он указал на свою голову, — она страшно разозлилась. Он понизил голос и серьезно сказал:

— Она просто вышла из себя, и мне пришлось не сладко.

— Ты теперь на мели?

Джейсон покачал головой.

— Но маме пришлось отменить поход в фотоателье.

Она покачала головой.

— Какой же все-таки ты смешной, Джейсон!

Он съезжился и попытался сменить тему разговора.

— Ой, — воскликнул он, — ты не слышала о Шейне Ричардсоне?

Бритни было знакомо это имя. Она не знала Шейна лично, но он присутствовал вместе с ней на одном из уроков. Она покачала головой.

— Уилл сказал мне, что его убили, — сказал Джейсон, упоминая имя своего лучшего друга Уилла Макконнела, от которого он услышал эту весть. — Его застрелили на вечеринке в доме Тома Мефьюза.

Бритни в изумлении раскрыла рот. Джейсон пожал плечами.

— Я так думаю, что они с Томом баловались с ружьем, а оно случайно выстрелило.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— На самом деле я почти не знала Шейна, — сказала Бритни задумчиво.

— Я тоже. И все ж...

— Да, — согласилась она.

Разговор снова прервался. Пока они болтали, Бритни крутила свой браслет вокруг кисти. Мысли ее снова вернулись к Мэтту. Она посмотрела в сторону въезда в гаражную зону за аркадой. За то время, пока они разговаривали с Джейсоном, Мэтт так и не появился в парке. Она думала: там ли он еще, ждет ли ее в своей машине?

Джейсон тайком любовался Бритни. Он осторожно отводил глаза, когда их взгляды встречались. Он знал о разрыве Бритни с

Мэттом, — вся школа знала об этом — ему хотелось занять его место, но он не находил повода сказать ей о своих чувствах.

Хотя Джейсон Видерс имел, казалось, миллион друзей, многие из них легко поверяли ему свои тайны. Однако сам он всегда скрывался за шутками и проделками, никогда ни с кем не секретничал, никогда никому не давал возможности увидеть настоящего Джейсона. Но все это изменится, решил он, по возвращении из летней миссионерской поездки в Израиль с молодежной командой церкви.

— Эй! — вдруг воскликнул он, прищелкнув пальцами, — ты, случайно, не надумала ехать с нами в Израиль? Это будет здорово: работать на настоящих археологических раскопках, за тысячу миль от дома, в другой стране!

Она посмотрела на Джейсона с неожиданным удивлением.

— Да, — ответила она. Мысль промелькнула в ее голове под сопровождение гремящей музыки, которая раздавалась от аркады. *«Это, может быть, как раз, то, что мне нужно»*, — подумала она. Затянувшийся роман с Мэттом совершенно вывел ее из равновесия, и она знала, что Мэтт не остановится ни перед чем, чтобы они снова были вместе, чтобы все было так, как прежде. Миссионерская поездка будет длиться шесть недель. Этого времени должно хватить, чтобы разобраться в себе и, возможно, окончательно порвать с Мэттом.

— Да, — повторила она Джейсону, — я думаю, что это отличная мысль. А что мне нужно сделать для этого?

Джеймс Милфорд, пастор церкви Весткасла, закрыв парадную дверь за выходящим полицейским, пошел поговорить с женой и сыном. Семнадцатилетний Филипп Милфорд сидел на забитом вещами кресле напротив кровати. Его мать стояла в дверях из гостиной в кухню. Она смотрела в пол, не поднимая глаз ни на мужа, ни на сына.

— Ты был на той вечеринке... — начал пастор. Лицо его побагровело от эмоций, которые он сдерживал все время, пока учтивый полицейский разговаривал с Филиппом. Офицер зашел к Милфордам в понедельник днем, объяснив, что ему надо задать несколько вопросов всем, кто присутствовал на той вечеринке, где был убит Шейн. Он беседовал с Филиппом в течение двадцати минут, расспрашивая о подробностях. Полицейского интересовало, как у Тома появился пистолет, и кто еще был тогда на вечеринке.

В субботу Филипп пришел домой поздно вечером. Никого еще не было. Он вспомнил, что его девятилетнюю сестру оставили ночевать у друзей, а родители должны вернуться с евангелизации, которая проходила в нескольких часах езды от дома, очень поздно. Он с чувством облегчения пошел спать, зная, что ему не придется рассказывать отцу о трагических событиях, которые произошли в доме Тома.

Сны Филиппа в последние две ночи были наполнены мрачными картинками, связанными с той ужасной вечеринкой. Картинами со стрельбой и кровавым трупом Шейна.

— Ты был на вечеринке, — повторил пастор, — на которой убили того парня.

Филипп заерзал и беззаботно закинул ногу на спинку кресла. Ему уже приходилось прослушать много подобных нравоучений от отца, особенно о своих друзьях. Он глубоко вздохнул, думая, что эта лекция будет одной из самых неприятных.

— Папа, — застонал Филипп и посмотрел на отца. — Послушай, я едва ли знаю тех ребят.

— В таком случае, что ты там делал? Зачем ты вообще общаешься с такими типами? — выпалил он, рассекая руками воздух, как будто колот дрова.

Филипп знал, что будет после этого. Он откинул голову на кресло и закрыл глаза. Отец пустился в страстные обличения Бобби Моузеса, Бо Шиффмана и всей остальной школьной компании приятелей Филиппа. За последние месяцы речи пастора Милфорда об опасных дружеских связях сына становились все более эмоциональными.

— Разве ты не видишь, что происходит, когда ты выбираешь себе таких друзей? — продолжал пастор Милфорд. — Разве не видишь, какие несчастья ходят по пятам за такими личностями? Сколько тебе раз повторять об этом, а? Сколько раз мы тебе говорили об этом сброде, с которым ты водишься?

— Ты никогда *ни о чем* мне не говорил! Ты никогда не говоришь, а всегда только кричишь! — Филипп встал. Его лицо покраснело от гнева.

— А это потому, что тебе бесполезно говорить. Я могу говорить до потери сознания и никогда не выбью из тебя твоего упорства! — Миссис Милфорд тихо звала его, но он не обращал на нее внимания. — С меня довольно! До тебя невозможно достучаться, Филипп! Хватит разговоров. Время перейти к действиям, чем я, собственно, и займусь. — Он мельком взглянул на жену, как бы ища поддержки только что принятому решению. Затем он быстро повернулся к сыну.

— Ты едешь в миссионерскую поездку, — сказал он медленно и твердо. — С молодежью из церкви.

— Нет! — закричал Филипп. У него были свои планы на предстоящее лето. Они включали, кстати, и работу на местной радиостанции. А отец своим решением все перечеркивал.

Когда Филипп открыл рот, чтобы возразить, пастор Милфорд поднял свою руку вверх, как полицейский на дороге, останавливающий движение.

— Спорить со мной не в твоих интересах, молодой человек.

Рот Филиппа так и остался открытым, а лицо покраснело еще больше. Он вылетел из комнаты, стремительно зашагал по коридору и захлопнул за собой дверь в спальню.

Милфорды на некоторое время застыли в молчании. Наконец пастор поднял голову и посмотрел на жену.

— Знаю, — сказал он, — снова я вот так себя повел... я просто думаю... эх, если бы мы только могли отвадить его от этих его приятелей...

Далеко от Весткасла, глубоко под землей, в лабиринте пещер и каньонов, в темном проходе рядом с толстой серой дверью, притаилась

одинокая фигура. Как и все адские демоны, это создание обитало в уродливом теле мутанта — мрачная и жестокая насмешка сатаны над теми ангелами, которые участвовали вместе с ним в восстании, и таким образом потеряли свое высокое положение в небесных сферах.

Демон, по имени Рэтсбэйн, обитал в шершавом теле гигантской жабы, на котором возвышалась укрупненная голова древесного муравья. Его огромные глаза отражали окружающую обстановку подобно выпуклым зеркалам из вулканического стекла — обсидиана. Передвигался он неуклюжей хромающей походкой, обусловленной значительной трудностью, которую он всегда испытывал при ходьбе в попытке согласовать движения непропорциональной головы и тела.

Рэтсбэйн перебирал перепончатыми пальцами грубую бумагу, которую держал в руках. Полученные указания оповещали его об освобождении от утомительной работы и назначении в прославленный отдел внешней разведки. Он еще раз перечитал поручение о его назначении помощником Маври (известного демона-гения, который возглавлял этот отдел) и открыв дверь, вошел в другой длинный туннель. В конце лежал свившийся в кольцо змей и сторожил дверь с начертанными инициалами «РЭЙД». Рэтсбэйн учтиво представился змеевидному стражу и вручил свой документ. Сторож прошипел ему, как добраться до лаборатории Маври.

Рэтсбэйн засеменил, переваливаясь с боку на бок, по тускло освещенному коридору, минуя дверь за дверью, находящиеся с обеих сторон. На дверях были изображены таинственные буквосочетания: ВНБ СКС, РВТ СБСТНЦ, ВРТЛ РЛТ, АЛТ ТНШ и так далее... Он повернул за угол в конце коридора и тут же оказался на стальном балконе, который находился в большом помещении, кипящем столь бурной деятельностью, что походило на Нью-йоркскую фондовую биржу. Помещение было наполнено жужжащими машинами, звенящими телефонами и светящимися мониторами. Демоны всех размеров и мастей скакали там и тут наподобие серебряных сфер, подпрыгивающих на поле для игры в теннис.

— Ты — Рэтсбэйн. — Мягкий тембр голоса удивил его. Рэтсбэйн был настолько зачарован бурлящей деятельностью демонов в помещении, что не услышал, как к нему кто-то подошел. Он обернулся и сразу узнал Маври, умного демона в облики зеленой черепахи. Большие круглые очки держались на носу Маври.

— Да, — ответил Рэтсбэйн. — Меня назначили твоим новым помощником. — Он протянул приказ, который держал в руках с тех пор, как покинул свою горку, покрытую тиной. Маври безразлично отмахнулся от бумаги.

— Одним помощником больше, одним меньше... У меня уже есть тридцать семь таких помощников, за которыми нужен глаз да глаз.

Тридцать семь помощников? Челюсть Рэтсбэйна отвисла. Он не слышал раньше, чтобы у какого-нибудь демона-бригадира было бы и два помощника, а у этой мелкой зеленой черепахи — тридцать семь? *«Даже когда я возглавлял важный проект по «предотвращению Суперсвязи», — вспомнил он, — у меня бывало всего лишь по одному помощнику, не говоря о том, что все они были не компетентны в своем деле».*

Когда Маври сопровождал Рэтсбэйна в экскурсии по РЭЙД'у, глаза его горели завистью. Активность демонов внизу напоминала Рэтсбэйну о пещерах ЯМЫ, где он раньше работал. Здесь он не видел ничего нового или исключительного: демоны обзревали деятельность человеческих существ на мониторах и транслировали свои демонические послания и идеи по радиоволнам, которые часто подхватывались частицами пыли или спорами плесени и принимались людьми в виде мыслей, идей или смутных ощущений.

— Должен заметить, я несколько разочарован, — прошептал Рэтсбэйн презрительно. — РЭЙД оказался не более, чем просто хорошо оснащенный аппарат ЯМЫ.

Маври украдкой взглянул через очки на Рэтсбэйна.

— Электроника — ничто; все дело в стратегии, — сказал он.

— В чем же *заключается* твоя стратегия? — Маври, кивнув, предложил Рэтсбэйну следовать за ним. Он медленно подполз к закрытой двери, громко произнес свое имя и, когда дверь распахнулась настежь, обернулся к Рэтсбэйну.

— Как ты это делаешь? — спросил Рэтсбэйн, указывая на дверь.

— О, ничего особенного. Мы имеем связи с первоклассной компанией по новейшим технологиям там, на поверхности, — ответил он.

— Затворись и закройся на замок, — скомандовал он, и дверь захлопнулась, почтительно подчиняясь команде Маври.

— Поскольку мы, демоны, ничего нового создать не можем, то нам остается красть все, что только мы в состоянии украсть. Также как поступил и наш начальник сатана с этими вот телами, в которых мы вынуждены обитать.

Рэтсбэйн и Маври стояли в хорошо оснащенной лаборатории. Там было несколько длинных столов, на которых стояли мензурки, горелки, бутылки, а также мебель с клавишными панелями, экранами и какими-то машинами.

— Вот здесь происходит самая важная работа РЭЙД'а, — сказал Маври.

— Столетиями были свободны делать все. Все возможное, чтобы удержать человеческий род в наших цепях и от создания Суперсвязи — линии связи между ними и Врагом, Который дает жизнь и силу их жалким душам. Также мы обладаем неограниченной свободой разрабатывать новые способы подрыва Суперсвязи по мере ее возникновения.

— За последние годы, — сказал он, гордо вытягивая свою черепашую шею из-под панциря, — мы практически усовершенствовали проект «Мишень».

— Проект «Мишень»? — эхом отозвался Рэтсбэйн.

Маври медленно закрыл свои глазки-бусинки и вздохнул.

— Ты разве не слышал о проекте «Мишень»? — Он открыл глаза и угрожающе уставился на Рэтсбэйна.

Рэтсбэйна передернуло. Маври сделал глубокий вдох и продолжал:

— Проект «Мишень» — это название моей стратегии, стратегии, которая реально удваивает вероятность того, что эти несчастные людишки — в особенности молодежь — напьются

накануне субботы или будут распускать сопли под какой-нибудь порнофильм или сгоряча заедут кому-нибудь в глаз.

Дыхание Маври участилось. Он показался Рэтсбэйну похожим на акулу, которая почувствовала кровь.

— Мой проект, — и не забудь, Рэтсбэйн, что это творение *моего* гения, — гарантирует с удвоенной вероятностью, что детишки стащат деньги из папиного бумажника, с утроенной вероятностью, что они свяжутся с наркотиками и с шестикратной вероятностью, что они вообще постараются вышибить свои скользкие мозги. Благодаря мне, мы обладаем стратегией, удваивающей вероятность того, что подросток будет разочарован, сердит или обижен на жизнь.

— Так в чем же стратегия? — спросил Рэтсбэйн.

— Не все сразу, уважаемый, — хитро ответил Маври.

Потребовались столетия для достижения нынешнего уровня эффективности и я не намерен подвергать это риску. Ты не можешь рассчитывать на то, что я просто так выложу секрет моей заслуженной стратегии, — для пушей убедительности он прищелкнул пальцами. — Да и вообще, я тебя еще не знаю: может быть, ты шпион? Откуда мне знать, могу ли я тебе доверять?

— Я — демон, ты, черепашье отродье! Конечно, можешь не доверять мне, но ты должен объяснить то, что нужно знать мне для выполнения моей работы.

— Громы и молнии, уважаемый, — ответил Маври, — огрызаться вовсе не стоит. Ты скоро будешь знать стратегию. А пока что тебе нужно научиться ориентироваться в РЭЙД`е.

По ту сторону рассказа: секретная информация

Каждый хочет знать подноготную истории. Один ищут особой скрытой информации о том, какие покупать акции. Другие сенсационных подробностей о последнем нашумевшем убийстве. Третьи стараются напасть на след потаенного престижного рабочего места.

Книга, которую вы держите, задумана таким образом, чтобы дать вам такого рода секретную информацию. Это не обычный роман. Этот проект, созданный специально для хроник Суперсвязи, который позволяет вам получить важную информацию в разделе под названием «По ту сторону рассказа». Ведь эта книга не только о Бритни Марш, Джейсоне Видерсе, Филиппе Милфорде и остальных членах молодежной команды церкви Весткасла — она о тебе, дорогой читатель. «По ту сторону рассказа» приоткроет завесу над тем, что происходит и также поможет понять схожие ситуации, которые происходят в вашей жизни, и применить на практике эти знания.

Если вы читали первые две книги из хроник Суперсвязи: «Под прицелом» и «Убийца любви», то вы уже знакомы со многими ребятами из команды Весткасла.

Читая эти страницы, вы узнаете их еще лучше, а также познакомитесь с новыми героями, такими, как Брайан Роудс и Дарсел Девис. Еще вы узнаете об обитателях подземного царства демонов, которые пытаются осуществить коварный замысел, рассчитанный не только на то, чтобы похитить радость и успех у молодежи Весткасла,

но, в конечном счете, погубить ребят. Что самое важное, — предполагаемыми жертвами злого умысла выбраны отнюдь не только юные персонажи нашего повествования. Силы тьмы пытаются также осуществить его и в вашей жизни (*Еф. 6:10–20*)! В будущих главах вы откроете для себя основной план действий сатаны, направленный на то, чтобы вы чувствовали себя утомленными, изнуренными, обозленными на жизнь, на то, чтобы отнять у вас чувство удовлетворения, самореализации. Это плохая новость. *Хорошая новость* заключается в том, что вы узнаете, как обезвреживать и противостоять умыслам ада и сатаны.

2. В высоте небес

Бритни сидела у окна в салоне большого реактивного авиалайнера и наблюдала за тем, как наземные службы аэропорта подготавливали самолет к вылету. Большая группа членов церкви Весткасла пришла в аэропорт проводить Бритни и еще четырех членов молодежной команды в шестинедельную поездку в Израиль. Она покачала головой, вспомнив неуместное замечание, которое Джейсон отвесил Крайстел Уэйн после того, как они вместе, помолившись, отправились к металлическим детекторам перед входом.

— Думаю, мне придется здесь *покопаться*, — сказал он. Крайстел дала ему по затылку вполне заслуженную затрещину.

Бритни подняла глаза. Люди продолжали подниматься на борт самолета. Место рядом с ней, которое должен был занять Филипп Милфорд, пустовало. Филипп и Брайан Роудс стояли в проходе самолета. Брайан был симпатичным молодым человеком, который переехал в Весткасл в середине учебного года. Он сразу влился в коллектив молодежной группы и стал хорошо известен в церкви и в школе высказываниями о своих христианских убеждениях.

— Слушай, — сказал Брайан Филиппу. — Перелет будет долгим — целых четырнадцать часов, ведь так? — На лице Филиппа не проявилось никаких признаков заинтересованности к словам Брайана.

— В моем тетраесе заряжены батарейки и с полдюжины игр. Если согласишься поменяться со мной местами — он твой на все время полета.

— Забудь об этом, — сказал Филипп. Он отвернулся от Брайана и шлепнулся на сиденье рядом с Бритни. Глаза Брайана блеснули. Он наклонился к Филиппу, чтобы что-то сказать ему, но увидел, как за ним наблюдает Бритни. Он улыбнулся ей и посмотрел на места по другую сторону от прохода. Дарсел Дэвис, афроамериканка с открытой улыбкой, излучающая спокойную уверенность, сидела в крайнем кресле у самого прохода. Именно она предложила идею об участии молодежной группы в археологических раскопках в Израиле. Об этой возможности она узнала от профессора государственного колледжа, в который она только что поступила. Она спланировала большую часть поездки и считалась негласным лидером команды.

Рядом с ней сидел Джейсон, а за ним женщина средних лет, читавшая журнал. Брайан протиснулся по узкому проходу, минуя Дарсел и Джейсона, и плюхнулся на сидение в центре секции. Самолет

отъехал от трапа и с ревом вырулил на взлетную полосу. Спустя примерно двадцать минут, после того, как все пассажиры, пристегнув ремни, прослушали инструкции безопасности, воздушный корабль оторвался от земли и взмыл ввысь. Так начался четырнадцатичасовой перелет в Израиль.

Дарсел откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Джейсон с Брайаном наклонились над видеоигрой. Джейсону быстро наскучила «Кварк» — повторяющаяся видеоголоволомка со смыкающимися фигурами, которой Брайан бывал так зачарован, что мог сидеть за ней часами напролет. Джейсон достал журнал из кармана кресла перед ним, перевернул страницу, но вскоре его мысли вернулись к сцене прощания в аэропорту. Пастор и миссис Милфорд были там вместе с Дуэйн и Лиз — лидерами активной молодежной группы церкви, и Уилл Макконнел, Амбер Локвуд, Крайстел Уэйн, которые были членами этой группы. Там также присутствовали мамы Дарсел и Бритни. Родители Брайана подросли как раз к моменту прощания перед вылетом. Джейсон попрощался со своими родителями рано утром, когда они уходили на работу. Он слегка покачал головой, положил журнал в карман кресла и подумал о том, что мама и папа неплохие родители (что само по себе весьма вероятно), просто они слишком заняты — у каждого из них по-настоящему ответственная работа, которая заставляет их проводить много времени вне дома. Он внушал себе, что они все же любят его, хотя и не особо часто проявляют свою любовь.

Джейсон тяжело вздохнул и посмотрел на Бритни, которая сидела с другой стороны прохода. Он не видел ее лица, поскольку она смотрела в окно.

Бритни наблюдала за тем, как внизу проплывали облака. Она предприняла несколько попыток завести разговор с Филиппом, который всем своим видом ясно показывал, что он не в восторге от путешествия. В конце концов она решила оставить его в покое.

Бритни знала Филиппа достаточно продолжительное время и часто видела его в церкви и в школе. В школе он учился в старшем классе, а в воскресной школе они часто занимались в одном классе и от случая к случаю встречались на перемене в буфете. Они всегда находили друг с другом общий язык, но не больше того. В последнее время Филипп начал резко меняться. Бритни знала, что он был занят чем-то таким, что его родители никак не могли одобрить. Ни он, ни она до последнего времени не были вовлечены в молодежную команду церкви Весткасла. Филипп начал посещать церковные собрания в качестве уступки своему отцу, который был пастором, и Джейсону, который постоянно звал его в церковь. Бритни присоединилась к команде недавно, когда осознала, что нуждается в поддержке своих сверстников, почувствовав возрастающую тревогу из-за отношений с Мэттом.

Самолет вошел в гряды облаков, белая дымка легла на окно Бритни будто шелковое одеяло, отражая ее внутреннее смятение. Она начала побаиваться своего шестинедельного отсутствия в Весткасле еще задолго до взлета самолета. Размышляя над тем, где мог быть Мэтт и что он может делать, она начала ощущать почти физическую боль. Он звонил несколько раз в тот день, когда она заставила его ждать в аллее, но она попросила маму снимать трубку и потом

передавать ей, его слова. Он даже написал ей письмо. Бритни подумала было выкинуть его, но вместо того бросила в рюкзак, так и не распечатав его.

Самолет находился в воздухе уже около часа, и стюардессы начали разносить напитки для пассажиров. Филипп взглянул на Бритни. Она подумала, что он начнет говорить, но его взгляд проскользнул мимо, и он не сказал ни слова.

— Не хотите ли заказать что-нибудь? — спросила Филиппа светловолосая стюардесса.

— А что у вас есть? — спросил он, глядя на поднос с напитками.

Стюардесса начала перечислять наименования того, что было на подносе. Филипп остановил ее.

— Мне, пожалуйста, кока-колу, — пробормотал он.

Девушка наполнила пластиковый стаканчик и поставила перед Джейсоном. Затем она спросила Бритни, которая тоже заказала кока-колу. После этого стюардесса обратилась к Дарсел и другим пассажирам, которые сидели по другую сторону прохода между креслами.

Воспользовавшись моментом, Филипп украдкой взглянул на Бритни. Она смотрела в окно. Он незаметно сунул руку в тележку стюардессы, извлек две бутылочки ликера и спрятал их в карман кресла перед ним. Бритни краем глаза подметила быстрые движения Филиппа, оборачиваясь к нему.

— Что ты делаешь? — спросила Бритни. Она точно видела, как он наспех прячет напитки.

— Ничего, — ответил он, даже не взглянув в ее сторону.

— Ты не должен этого делать.

— Что сделал, то сделал, — отрезал он.

Он повернулся и злобно взглянул на нее. Стюардесса покатила тележку дальше, а Бритни слегка наклонилась, чтобы посмотреть на Дарсел и Джейсона, которых от нее заслонял Филипп. Они были чем-то заняты, не обращая внимания на Филиппа и Бритни.

— У нас могут быть неприятности.

— Да нет. Никто кроме нас не знает. Я никому ничего не скажу.

А ты?

Она неодобрительно покачала головой.

— Это нехорошо.

— Не-а. — Он прищелкнул языком.

— Это называется воровство.

Она понизила голос до шепота.

— Кроме того, это алкоголь.

— Не волнуйся. Проповедей я дома выслушиваю в достаточном количестве, — отпарировал он. — Да и в любом случае, самолет не окажется в убытке. Таких склянок у них море.

Бритни молча посмотрела на Филиппа. Тот пожал плечами.

— Послушай, может быть для тебя это и трагедия, но не для меня. Хорошо? Ты так это все представляешь, будто я совершил преступление или что-то такое страшное.

Бритни поправила свои густые русые волосы.

— Филипп, — сказала она возмущенным голосом. — Ты лучше не создавай нам неприятностей!

— Если ничего не скажешь, неприятностей не будет. Порядок?

У Филиппа на коленях лежал поднос с колой. Ерзя на своем сиденье, он едва не выплеснул содержимое стакана. Тогда, взяв его, он поспешил выпить напиток.

Филипп все еще был «не в себе» из-за того, что его заставили ехать с церковной молодежью в Израиль. Его отец сделал несколько шагов к примирению, но отказался переменить свое решение. Филипп и не надеялся на это, потому что считал, что его отец слишком неуступчив. Он всегда диктовал Филиппу, что ему нужно делать и каким образом. Он дал понять Филиппу, что не одобряет ни его дружеских привязанностей, ни его музыкальных вкусов, ни каких-либо других наклонностей.

Даже после того как Филипп торжественно объявил, что нашел престижную работу на местной радиостанции «З-103», все, что отец нашелся ответить ему на это, было:

— Это радио, передающее тяжелый рок.

Это был не вопрос, а скупое замечание, подтвердившее его неодобрение. Вот и все. Ни слов поздравления, ни любопытства по поводу того, в чем будут заключаться его обязанности...

И так бывало всегда в отношениях с отцом. Тот видел все в черно-белых тонах, в свете правил и ограничений. И эти правила выводили Филиппа из себя. *«По сути, — думал Филипп, — если бы я не упустил ту возможность подработать на радиостанции, я был бы даже рад случаю выбраться из дома на целых шесть недель. И чем дальше, тем лучше».*

Вдруг мысли Филиппа были прерваны раздававшимся шумом. Он повернулся, чтобы посмотреть назад. Задняя часть самолета наполнилась людьми в черных халатах. Это были *хасиды* — иудеи-фундаменталисты. Нараспев читая молитвы по маленьким черным книжечкам, они качались взад-вперед. Свисавшие из-под шапочек локоны, качались в ритм с их молитвами.

Среди них находился Брайан Роудс, и, пытаясь превозмочь гул, раздававшийся от их молитв, громко выкрикивал что-то и размахивал блестящей брошюрой. Рядом стояла стройная белокурая стюардесса и что-то шептала ему с умоляющим видом. Сцена становилась все более оживленной ввиду неумной активности Брайана вопреки молитве иудеев и мольбам стюардессы. Все это продолжалось бы и дальше, если бы Дарсел не вскочила со своего места и не устремилась решительно по проходу. Из-за того что все говорили сразу, невозможно было разобрать ни слова, но подошла Дарсел и отвела Брайана от группы иудеев в переднюю часть салона.

— Дарсел, им Иисус нужен ничуть не меньше, чем нам, — сказал Брайан.

— Понравилось бы тебе, если кто-то прервал бы твою молитву? — настаивала Дарсел.

— Это не молитва, — сказал Брайан, продолжая озираться назад, когда проходил мимо Джейсона, который наблюдал за происходящим широко раскрытыми глазами. — Это всего лишь пустое многословие, против которого предостерегал Иисус.

Дарсел вздохнула и с облегчением плюхнулась на свое место, когда Брайан наконец понизил голос и продолжил разговор, теперь уже с Джейсоном.

Филипп снова обернулся и начал рассматривать в хвостовой части самолета группу мужчин, одетых в черные халаты с черными шапочками на головах. Их форма молитв была не знакома Филиппу, но он подметил для себя их религиозный пыл. Они все распевали свои мелодичные молитвы, качаясь и озираясь по сторонам. Он снова повернулся вперед и взглянул на Бритни, которая сидела с открытыми глазами, откинувшись на высокую спинку кресла. Филипп спрашивал себя: «О чем бы она могла сейчас думать..?»

* * *

— Замечательно, — прошипел Маври. — Дела продвигаются успешно. Как ты думаешь?

Два демона стояли в лаборатории Маври и напряженно всматривались в компактный экран, на котором в рамке были отображены Филипп и Бритни. Маври взглянул на Рэтсбэйна через огромные очки, которые крепко сидели на его носу, будто вросли в переносицу. Он держал своими покрытыми чешуей лапами толстую папку, похожую на школьный доклад. Рэтсбэйн прочистил горло, издав пронзительный скрежещущий писк.

— Ты думаешь, что этот молодец выдует бутылку ликера? — спросил он осторожно.

— Хм-м-м, — протянул Маври.

— Что ж, вас легко позабавить. Когда я был прорабом в ЯМЕ, у меня «детиски» занимались сексом, «залетали» и даже заражались СПИДом, не успев опериться.

Его глаза навывкате заблестели в демоническом оживлении при мысли о нанесенных людям ущербе и страдании на протяжении всех столетий.

— Ты не считаешь важным то, что сейчас произошло?

Рэтсбэйн пожал плечами.

— Стащил пару микроскопических бутылок с выпивкой. То-то будет кутеж. Я полагал, что ваша работа здесь отличается несколько большим размахом, — сказал он с едкой ноткой в голосе.

Маври шлепнул Рэтсбэйна толстой папкой по голове.

— Ты дурак! — закричал он. — Открой глаза! И уши! Это одно незначительное действие показало кое-что важное относительно этого парня и девчонки, сидевшей рядом с ним. Ты слышал, что тот ответил, когда она сказала ему, что он неправильно поступает?

— Он сказал, что это не так.

— Да, но что он сказал после того?

Рэтсбэйн склонил голову на бок.

— Не помню.

— Он сказал: «Это может быть для тебя и трагедия, но не для меня». И девчонка перестала спорить именно в этот момент и заткнулась. Разве не видишь, о чем это нам говорит?

— О да, — ответил Рэтсбэйн. — Конечно.

Маври снова с размаху ударил докладом его по голове.

— Ты лживый бес! Да те двое просто играют мне на руку! — Он помахал папкой перед муравьиной мордой Рэтсбэйна. — Видишь это? Это специальный доклад о том, что РАЗРУШИТЕЛЬ... а ты знаешь, что такое РАЗРУШИТЕЛЬ?

— Конечно, — кивнул Рэтсбэйн. — Еще бы, знаю.

— Ну, как адский демон может быть одновременно таким страшным лгуном? — изумился Маври. — РАЗРУШИТЕЛЬ — это адская сверхсекретная шпионская служба. Они перехватили этот доклад от одной из вражеских организаций, и он подтверждает все то, над чем я трудился! Он показывает, что сосредоточение наших усилий на одной области, только лишь на одной области, практически обеспечивает победу во всех остальных сферах. Через акцент на этой единственной области мы можем существенно увеличить нашу эффективность во всех остальных — наркотики, ранняя беременность, насилие, воровство, ложь... да хоть что назови.

Маври помахал папкой в свободном пространстве между ними.

— А знаешь ли ты, Рэтсбэйн, что это за область?

— Э-э-э... да, конечно... безусловно, — пролепетал Рэтсбэйн более, чем обычно, визгливым голосом. — Да... Ну... вообще-то, думаю, что нет.

— Это об истине, Рэтсбэйн! О том, как убить истину. Как сделать ее относительной!

— Относительной? — провизжал Рэтсбэйн.

— Вот в чем суть проекта «Мишень», жабья твоя душа! Филипп говорил: "...Что плохо для тебя, для меня вполне приемлемо". Я заставил его оправдать свой поступок, и он подумал, что кража в той ситуации не была серьезным проступком. То есть, он верит, что истина относительна. Понял?

— Ну, да. Да, понял, я думаю.

— Да неужели до тебя ничего вообще не доходит? — Маври шлепнул Рэтсбэйна папкой по уху. — Об этом-то и говорится в докладе. Прямо здесь — расследование. — Он постучал по папке чешуйчатым черепашьим пальцем. — Сие подтверждает мои мысли более убедительно, чем что-либо другое. Это подобно тому, Рэтсбэйн, что Сектор эпидемий проделал со СПИД'ом. Тысячи лет они мучили людишек простудой, гриппом, воспалением легких или меланомой — это все, конечно, забавно, но малоэффективно. Но, напав на след вируса СПИД'а, они обнаружили одно заболевание, разрушающее иммунитет, которое делает все эти хвори смертельно эффективными.

— Вот что сделал я, Рэтсбэйн! Это гениальная изюминка моего проекта «Мишень»! Я нашел нечто, разрушающее моральную иммунную систему! Я нашел моральный эквивалент СПИД'у! Я научился побуждать людей к тому, чтобы они оправдывали свое плохое поведение так, чтобы это убивало истину в каждом отдельно взятом индивидууме... ты видишь, Рэтсбэйн? — спросил он, криво ухмыляясь. — Мы стали истребителями истины! Ха! Ха-ха-ха! Ха-ха-ха-ха! — Маври истерично захохотал, размахивая докладом РАЗРУШИТЕЛЯ, будто флагом, а потом ускользнул, как второклассник из школы в последний день учебы.

Рэтсбэйн задумчиво смотрел, как демон-гений покидает хорошо оснащенную лабораторию, которая произвела на свет его дьявольский план. Он подождал, пока дверь в лабораторию закроется.

— Истребители истины? — прошептал он и покачал головой. — Я работаю на величайшего идиота в аду!

По ту сторону рассказа: клуб

Представьте, что к вам приходит школьный приятель.

— Привет, — говорит он. — Не слышал о клубе?

— Ты имеешь в виду противоугонное устройство, которое блокирует руль?

— Да нет, я говорю о новом клубе — новой организации, о которой все говорят.

— Не слышал, — отвечаете вы.

— Где ты был? Это же класс! Кстати я тебя внес в списки членов этого клуба.

— Постой, — отвечаете вы. — Что мне это даст?

— Во-первых, только одним вступлением ты удваиваешь свои шансы стать алкоголиком, грабителем, и еще более вероятно то, что ты загремишь за незаконное хранение наркотиков.

— Зачем это мне? — говорите вы в ответ. Но ваш друг как будто вас не слышит.

— У тебя повышаются шансы на то, что ты будешь в обидах и разочарованиях, собьешься с верного пути; более, чем наверняка, будешь пытаться совершить самоубийство!

Вступили бы вы в такой клуб? Нет? Что ж, верите вы тому или нет, но вы, возможно, уже являетесь его членом.

Например, «пустяковая» кража Филиппа на самолете может и не показаться страшным преступлением. В конце концов, стащить какую-то бутылку ликера — это не убить кого-нибудь! Да и каждый ведь время от времени поступает не совсем правильно.

Но что обрадовало того демона, Маври? Вовсе не ликер, и даже не воровство. Его оживление было вызвано не самим поступком, но тем, что этот поступок и разговор Филиппа с Бритни показал успешность его замысла в отношении молодежи Весткасла.

Сказав Бритни: «Это может быть для тебя и является трагедией, но не для меня», — Филипп выразил таким образом свое неверие в существование абсолютной истины. Его слова отражают «реалистичный» взгляд, рассудочное мышление, которое извиняет его поведение, поэтому ложь стала допустимой для него. Сама Бритни, хотя и чувствовала, что он поступает неправильно, не была вполне уверена в этом. Как объяснил Маври Рэтсбэйну, ключ к успеху проекта «Мишень» состоит в том, чтобы представить людям истину не абсолютной реальностью, а как нечто относительное или ситуативное (зависимое от случая).

Видите ли, некоторые люди верят, что истина абсолютна, то есть они верят, что есть то, что истинно для всех людей везде, во все времена. Другие люди, конечно, не принимают существования абсолютного стандарта для определения истины. Они извиняют себя под тем предлогом, что бывают такие обстоятельства, когда зло для одного человека обращается в добро для другого. Когда человек придерживается подобного взгляда, он начинает полагать, что общепринятое зло можно счесть законным, поскольку таковы обстоятельства. Люди с подобным образом мышления заявляют, что не существует абсолютных добра и зла, которые влияют на человеческую жизнь, и таким образом истина вместе с преимуществами, которые она дает, упраздняется.

Маври знает, что в отличие от тех, кто верит в абсолютный стандарт добра и зла, молодые люди, не верящие в существование абсолютной истины и в возможность ее определения, более склонны к неподобающему поведению, потому что они с легкостью могут найти извинения своим плохим поступкам. Кроме того, он знает также, что недостаток твердой веры в истину увеличивает вероятность того, что они будут несчастливы и не удовлетворены своей жизнью.

Другими словами, если вы не верите в существование абсолютных стандартов истины и морали, то вы уже являетесь членом того клуба, о котором мы говорили выше. Доклад, полученный Маври от РАЗРУШИТЕЛЯ (агентство адской контрразведки), являлся статистическим отчетом, проведенным исследовательской группой Барна из миссии Джоша Макдауэлла. Опрос затронул 3795 детей прихожан церкви. Исследование, проведенное среди подростков из тринадцати различных деноминаций, показало, что отношение подростка к истине отражается на его (ее) поведении и ощущении счастья.

Например, дети, которые не верят в существование объективного стандарта истины, составляют следующую статистику:

— на 36 % вероятнее, что они солгут родителю или другому взрослому;

— на 48 % более вероятно, что будут списывать на экзамене;

— в 2 раза вероятнее, что будут драчунами;

— в 2 раза, что будут увлекаться спиртным;

— в 2 с половиной раза, что будут воровать;

— в 3 раза вероятнее, что будут употреблять наркотики;

— в 6 раз, что будут пытаться покончить жизнь самоубийством.

Однако взгляды людей на добро и зло сказываются не только на их поведении; они также влияют на их жизненную ориентацию. Например, подростки, которые не признают истину мерилom в жизненных ситуациях, более склонны:

— испытывать недоверие к людям — на 65 %;

— испытывать разочарование — в 2 раза;

— быть «не в ладах» с жизнью — в 2 раза;

— вести бесцельный образ жизни — в 2 раза;

— быть обидчивыми — в 2 раза.

Видите ли, когда вы верите в неизменный стандарт для различения добра и зла, что есть нечто, верное **всегда и везде для всех**, тогда вы признаете, что существуют основополагающие моральные и этические нормы, независимые от вашего личного мнения. В таком случае вы соглашаетесь, что такое разграничение добра и зла:

1. объективно (существует независимо от вас — отношение к чему-либо или кому-либо и действие не может быть оправдано субъективно, то есть вами лично);

2. универсально (для всех людей и везде — оно не может меняться в связи со «смягчающими обстоятельствами», от человека к человеку или от места к месту) и

3. постоянно (оно одинаково на все времена — нельзя «отвертеться», что оно не имеет отношения к вашему поколению).

Когда вы принимаете объективный стандарт истины, то вы встаете на такую моральную и этическую позицию, которая руководит

вами в выборе верного пути и в решении отказаться от того, что является злом. Ваш взгляд «сквозь истину» действует, как своего рода очки, через которые вы воспринимаете жизнь с ее разнообразными возможностями выбора.

Смотря на жизнь сквозь призму истины, вы в большей степени способны отличить настоящую истину от подделки, вы быстрее определяете, какие истины являются абсолютными и что их делает абсолютными... и вы сможете постоять за свой правильный выбор.

Поэтому-то и является истина ключом к адской стратегии, ведь ваше отношение к истине определяет производимый вами выбор — выбор между добром и злом, выбор между радостью и разочарованием.

3. Человек по имени Шебтай

— Джейсон, мы приземляемся, — сказала она. Джейсон поднял голову и захлопал глазами. Дарсел продолжала:

— Не понимаю, как ты можешь здесь спать. Я, например, вообще не спала.

Они летели больше двенадцати часов. Стюардесса объявила, что самолет приземлится приблизительно в 11 часов утра по местному времени.

Дарсел протянула руку через проход и постучала по коленке Филиппа, который спал, растянувшись в своем кресле так, что ноги его загораживали проход, а голову он уронил на плечо Бритни. Он застонал, не открывая глаз. Бритни, наблюдавшая за посадкой самолета, дала знак Дарсел, что поможет разбудить Филиппа.

После того как Бритни удалось растормошить своего соседа, она вернулась к созерцанию вида в иллюминаторе. Узкая полоска пляжа отделяла от современного города Тель-Авива искрящиеся синезеленые воды Средиземного моря. Обозревая распростершийся снизу город, экономический и социальный центр Израиля, Бритни пришла в изумление. По мере приближения самолета к аэропорту, который располагался на восток от города, она могла рассмотреть все больше интересных подробностей. Ее внимание привлекли многочисленные глинобитные постройки с тупыми белыми куполами, которые виднелись тут и там на крышах.

Взглянув чуть выше, она увидела зеленые склоны, уступающие бурым горным вершинам вдаль, и при повороте самолета перед ней открылась равнина, показавшаяся бесконечной. В первый раз она видела Израиль — землю, где жили Иисус, Авраам, Исаак и Иаков. Полет над этой чудесной землей на самолете казался ей чем-то диковинным.

Джейсон, находившийся с другой стороны от прохода между кресел, повернулся к Дарсел.

— Как моя прическа? — на лице Джейсона появилось выражение притворной озабоченности. Дарсел мельком взглянула на лысую голову Джейсона. — Заставил тебя посмотреть! — быстро сказал он, показывая на Дарсел пальцем и победоносно улыбаясь.

Дарсел закатила глаза вверх, но улыбнулась в ответ.

— Где Брайан? — она кивнула в сторону пустого места рядом с Джейсоном.

Он пожал плечами.

— Наверно опять во что-нибудь влип, мне это безразлично.

— Джейсон! — с упреком проговорила Дарсел.

— Мы еще даже не в Израиле, а он уже успел вывести из себя всех в самолете.

— У нет никакого злого умысла, Джейсон, — серьезно заметила она.

— Может, купим ему футболку с надписью «Я не с ними»?

Дарсел хотела ответить, но тут появился Брайан и протиснулся мимо пассажиров прямо к своему месту рядом с Джейсоном.

Тридцать минут спустя гигантский авиалайнер шумно оповестил о своем появлении в воротах № 47 аэропорта «Бен Гурион», что на востоке от Тель-Авива.

Когда группа из Весткасла забирала багаж, к Бритни подошел Брайан Роудз и снял ее сумки с конвейера. Прижав их к своим бокам, он взял свои сумки за ручки и намеревался идти так дальше.

— Брайан, я сама понесу свои сумки, — стала протестовать Бритни. Он выглядел довольно смешно, и ей казалось нелепым, что он несет столько сумок, в то время как она семенит за ним налегке. Однако Брайан настаивал на своем, говоря, что иго его не тяжело, а бремя его легко. Бритни подняла глаза к небу и встала в очередь туристов, медленно продвигавшихся через таможню.

Высокие, похожие на изгородь, разделители огораживали прилегающую территорию; вокруг стояли мужчины и женщины в униформе с оружием. Выцветшие вывески с надписями на немецком, иврите, английском и французском были установлены в разных местах в тускло освещенном пространстве. Гул неразличимых языков и наречий доносился до Дарсел и ее друзей. Тела и одежда путешественников, казалось, источали множество незнакомых ароматов — еды и тканей, различных масел и человеческого пота.

Бритни последней предъявляла свой паспорт служителю таможни. Ответив на ряд вопросов, она прошла через контрольно-пропускной пункт. В это время Брайан с Джейсоном ждали ее на выходе. Затем они присоединились к Филиппу с Дарсел и влились в причудливый караван туристов, идущих прочь из суматохи аэропорта.

— Дарсел, — прошептал Джейсон, когда они приблизились к дверям. Он кивнул головой в направлении выхода из аэропорта. — Там у одного типа картонка, на которой написано твое имя.

— Где? — спросила она.

Джейсон повернулся, не кладя своего багажа на пол, и указал головой на мужчину средних лет, который был одет в джинсы цвета хаки и рубашку в сине-белую полоску. Его лицо обрамляла седая борода; седые волосы стояли дыбом над его высоким лбом. Дарсел поблагодарила Джейсона и подошла к мужчине.

— Я, Дарсел Дэвис, — представилась она.

Брайан, Бритни, Джейсон и Филип выстроились за ней полукругом.

— Добро пожаловать в Эрец Израэль, — сказал мужчина. Его сильно загорелое лицо расплылось в улыбке. — Меня зовут Шебтай Левит. В предстоящие шесть недель я буду рядом с вами. Он наклонился и, подхватив обе сумки Дарсел, вручил одну из них

Филиппу, а другую сунул под мышку Джейсону. Потом он повернулся и быстро зашагал, миновав стеклянные двери, ведущие из аэропорта.

Джейсон и Филипп помогли Шебтаю загружать сумки в багажник пыльного грузовика, который был похож на военный джипом. Дарсел села на переднее сидение, а остальные уместились на заднем. Брайан, не без хитрого умысла, предложил Бритни место рядом с ним, но она втиснулась рядом с Джейсоном.

Грохоча и подпрыгивая, машина выехала на трассу. Шебтай Левит повернул из аэропорта на автомагистраль номер сорок — двухрядную автостраду, которая напоминала окружные дороги в окрестностях Весткасла. Окна у автомобиля были опущены, поэтому Левиту приходилось чуть ли не кричать из-за шума на трассе. Управляя автомобилем, он умудрялся обращать внимание ребят на достопримечательности сельской местности Иудеи, связывая каждую из них с определенной страницей истории Израиля. Указывая на скалистые безжизненные склоны и пики Иудеи, на горы с восточной стороны, он живописно рассказывал о Давиде, который скрывался со своим войском от царя Саула в этой местности. Чуть не задев Дарсел, он махнул рукой в сторону городов **Ашдод и Ашкелон**, которые располагались на плоской прибрежной равнине. Это были древние города филистимлян, в которых во времена Самуила находился Божий ковчег. Шебтай вспомнил, что, когда ковчег поставили в храме филистимского бога Дагона, его статуя все время падала вниз лицом перед ковчегом Бога Израилева. А когда люди **Ашдода** стали страдать от нарывов, то они отправили ковчег в Геф, где история повторилась. В свою очередь жители Гефа послали ковчег в Экрон. В конце концов филистимляне «поумнели» и переправили ковчег завета обратно в Израиль.

Глаза рассказчика сверкали, когда он вел повествование об удивительных событиях истории Израиля. Он говорил так увлеченно и эмоционально, что молодые люди слушали его со огромным вниманием, забыв про мысли, которые занимали их в самолете.

В следующие четыре часа Шебтай рассказывал легенды древнего и современного Израиля. За это время они успели проехать города **Кириаф Гат, Беер Шеба** и бурый засушливый **Негев**, оказавшийся узким клином земли, отделяющим Египет от Иордана. Наконец Шебтай вывел автомобиль на обочину и выключил двигатель. Не говоря никому ни слова, он пошел по песку по направлению к скалам. Филипп, Брайан, Джейсон и Дарсел, наблюдавшие за ним из машины, обменялись озадаченными взглядами. Походив пять минут или больше, он остановился. Было похоже, что он качается из стороны в сторону, как те иудеи-хасиды на самолете, правда никто не мог в точности определить, что он там вдали делает.

Он неторопливо вернулся и забрался в машину. Никак не объяснив свое поведение, он включил двигатель, и они продолжили езду по двухрядной дороге. Так они подъехали к городку **Мицпа Рамону**. Шебтай остановил машину, чтобы заправиться топливом и купить пакет с продуктами в крошечной арабской бакалейной лавке. Затем они отправились дальше по каменистой сельской местности.

Наконец, Шебтай свернул с дороги и вырулил автомобиль на скалистую тропу, на которой путешественников швыряло и трясло как мячи в пинболе.

— Ух! — закричал Брайан. — Здорово!

— Весьма сожалею, — Шебтай попытался перекрыть рев двигателя и хруст камней и гравия. — Когда я впервые приехал в Хар-Карком несколько лет назад, выючные животные были единственным доступным мне видом транспорта. Эти следы от джипа несколько расширили наши возможности.

Машину кидало из стороны в сторону на неровной дороге, и пассажирам приходилось держаться то за трясущуюся крышу, то за боковые стенки, а иногда и друг за друга.

— Пустыня Паран, — начал Шебтай, указав стремительным жестом на выжженную солнцем равнину на юге, — это то место, где израильтяне блуждали тридцать восемь лет перед тем, как войти в землю, обещанную им Богом.

Его загорелое бородатое лицо выражало гордость, как будто он показывал свое собственное достижение.

Наконец группа подъехала к скоплению джипов и палаток, и Шебтай направил машину в узкий промежуток между палаткой и большой серой цистерной. Он провел ребят к палаткам, которые должны были теперь стать их пристанищем на предстоящие шесть недель. В каждой палатке, вмещавшей три кровати, места хватало только для того, чтобы разместить багаж. Для Бритни и Дарсел, как и для троих юношей предназначалась одна палатка. Шебтай рассказал им о том, что в других палатках разместились волонтеры со всего света: иудеи из Эфиопии, студенты итальянских колледжей и несколько израильтян. Он сообщил, что у них очень мало времени для того, чтобы обустроиться на своих местах, а потом он должен будет сопроводить их на собрание для знакомства в общую палатку.

Шебтай дал группе знак заходить и открыл дверь-завесу большой палатки.

Бритни, Джейсон, Филипп и Дарсел шагнули внутрь и осмотрелись вокруг. В палатке стояло шесть или семь столов, непрочных с виду.

Шебтай всех усадил и начал объяснять правила, процедуру и график раскопок.

— Я являюсь руководителем работ по раскопкам здесь в Хар Каркоме уже почти два десятилетия и за это время имел возможность работать со многими волонтерами, — пояснил Шебтай с изысканным израильским акцентом. — Правила, которых здесь придерживаются, появились в результате приобретенного за много лет опыта, и все устроено так, как есть, потому что данная система работает. — Он поднял свои густые брови и обвел группу вопросительным взглядом.

Филипп нахмурился и наклонился к Бритни.

— Зануда, — прошептал он ей на ухо.

Джейсон бросил быстрый взгляд на Бритни. Она посмотрела на него, и он тут же перевел взгляд на Шебтая.

— Правил немного, но они важны, — продолжал Шебтай. — Первое. Лица разного пола не должны входить в палатки друг друга...

ни при каких обстоятельствах. Второе. Рабочий день начинается в четыре часа каждого утра, а в девять часов вечера звучит сигнал отбоя.

— Девять часов?! — воскликнул Филипп. — Да вы шутите!

— После нескольких дней работы, — ответил Шебтай, — вы будете радоваться звуку этого сигнала.

Бритни с интересом перевела взгляд с Филиппа обратно на Шебтая.

— Третье. Уносить с собой какой-либо инструмент или находку, даже незначительную, запрещается. Четвертое. Обувь и футболки должны быть всегда надеты. Пятое. Завтрак будет подаваться прямо на место работы, обед — в час дня, ужин — в шесть часов вечера. Если опоздаете — останетесь голодными.

— Таковы заповеди Шебтая Левита, вашего руководителя раскопок, — протянул он нараспев, улыбаясь. — Блаженны вы, если соблюдете их.

— А что будет при нарушении правила? — спросил Филипп.

— Вы получаете замечание, — ответил Шебтай. — Три замечания... — вы отправляетесь домой. — Произнесенные Шебтаем слова прозвучали, как гром с ясного неба.

Филипп опустил голову.

— Я думал, что мой отец остался дома, — сказал он.

Шебтай продолжал объяснять график: каждый четверг — день стирки и закупок.

В следующее воскресенье он собирался взять всех новичков в пеший поход на гору, кроме того, он намечал провести за время последующих шести недель экскурсионные туры в Иерусалим, Вифлеем, **Масаду** и на Мертвое море.

Вдруг из кухни вышла рыжеволосая и темноглазая девушка. Джейсон, Филипп и Брайан тут же вытянулись в полный рост и начали прихорашиваться: один пальцами причесывать волосы, а остальные — разглаживать штаны.

Шебтай представил шестнадцатилетнюю еврейскую девушку. Ее звали Авитар, сокращенно — Ави. Он пояснил, что она работает на кухне, и начал, запинаясь, представлять ей каждого члена команды. Она открыто улыбнулась, кивнула каждому из представленных и удалилась на кухню. Мужская часть команды с интересом глядела ей вслед.

Затем Шебтай повел группу на экскурсию к месту раскопок, указывая по дороге места, где работа была уже завершена. Он обратил их внимание на плодородную скалу, которая являлась достопримечательностью Хар Каркома. Также он показал им скалу, на которой было изображено подобие человеческого глаза со множеством исходящих из него лучей.

— Его называют Оком Божьим, — пояснил он. Подобно большинству образцов наскального творчества в Хар Каркоме и его окрестностях, изображения имели определенное духовное значение для древних жителей. Особое внимание Шебтай уделил большой кремниевой скале, которая изображала вьющуюся змею рядом с шестом, и скале с изображением решетки, разделенной на десять промежутков, как в игре в классики.

Он показывал им различные места, где они должны будут работать. Работа их, по крайней мере, в первые дни будет состоять из

сбора грязи и осколков в ведра, в которых затем мусор необходимо вынести в специально отведенное для этого место.

Прогулка завершилась подъемом на высшую точку **Хар Каркома**, место, иначе называемое **Гора Сафрон**.

Они стояли на высоте 800 метров над уровнем воды и смотрели на **Южный Негев**.

— Это особенное место, — сказал Шебтай. Восхождение было утомительным, но, казалось, что Шебтай запыхался гораздо меньше всех остальных. Команда обзревала с восточной части горы панораму засушливой местности внизу. Брайан втиснулся между Бритни и Джейсоном и взял ее под руку.

— Правда, красиво? — сказал он, смотря ей в глаза.

Бритни неловко улыбнулась. Она вовсе не считала это место красивым. Попытки Брайана завоевать ее расположение напоминали ей о Мэтте. Она чувствовала сожаление о предпринятом путешествии. Она высвободила свою руку и бросила на Брайана раздраженный взгляд.

— ...Оно сурово и пустынно, — продолжал Шебтай, смотря вниз с горы, напоминающей по форме ломоть хлеба, на широкую равнину под ней. — Но все же это необыкновенное место, и вам очень повезло, что вы сюда попали.

4. Нарушение правил и разбитые сердца

Следующий день начался в четыре часа утра.

Дарсел и Бритни уже были в столовой лагерь. Они стояли у стола и готовили походные завтраки, одновременно разговаривая с Ави. Эта юная израильтянка провела с ними вместе всего несколько часов, а уже вся команда — и в особенности, Брайан и Филипп — относилась к ней, как к давно знакомой.

Пока они говорили, Джейсон, спотыкаясь, вошел через дверь-завесу общей палатки.

— Не могу в это поверить, — угрюмо пробормотал он, — мы что, будем копать при свете свечи? — Джейсон встал по другую сторону стола.

Дарсел положила ложку джема на кусок хлеба и протянула его через стол.

— Брайан и Филипп уже встали? — спросила она.

— Да. — Джейсон быстро проглотил кусок хлеба. — Но они по утрам не так жизнерадостны, как я.

— Ну да, — кинула ему Бритни. — Ты просто вулкан смеха. — Она «мило» улыбнулась ему, а он сразу пожалел, что не смог произвести на нее более хорошего впечатления.

В этот момент вошел Брайан, и заметил игривый обмен взглядами Бритни и Джейсона. Он ответил серьезным кивком на их веселое приветствие, обошел вокруг стола и втиснулся между Бритни и Ави.

— Что на завтрак? — спросил он, обращаясь только к девушкам по обе стороны от него. — Что видишь, то и получишь, — ответила Бритни, показала на еду на столе и невозмутимо отошла от него.

— Ави поможет тебе приготовить завтрак, — сказала Дарсел Брайану. Девушки обменялись улыбками. — В пять часов мы идем работать, через три часа — завтрак. Потом работаем до половины первого или до часа дня и возвращаемся в лагерь до завтра.

Джейсон с ужасом наблюдал за поведением Брайана. Тот всегда чувствовал себя свободно в обществе девушек. Он вел себя так, будто был уверен в своей неотразимости и в том, что обязательно им понравится, хотя, чаще всего, так и случалось. Джейсону же это давалось с трудом. Если он не шутил, то просто не знал, что сказать. Он всегда боялся сделать или сказать не то, что нужно, всегда боялся открыться, боялся быть отвергнутым.

У входа в палатку появился Филипп и с улыбкой на лице подошел к остальным.

— Привет, Ави, — сказал он. Рыжеволосая красавица улыбнулась.

Дарсел с Бритни переглянулись.

— А как насчет нас? — спросила Бритни. Он ответил на ее замечание добродушной улыбкой. — Сегодня ты выглядишь веселее, чем вчера, — добавила она.

Глаза Филиппа снова «упорхнули» к рыжей девушке. Он ухмыльнулся.

— Археология — это моя жизнь, — не обращая внимания на остальных, он обратился к Ави. — Могу я Вам чем-то помочь?

Через несколько секунд появился Шебтай. Он повез группу на раскопки. Там он представил их различным сотрудникам, отвечавшим за проведение разных работ таких, как, например, непосредственно раскопки или датировка. Затем он начал объяснять технологию кропотливого процесса проведения археологических раскопок. Он вручил юношам ведра, а Дарсел и Бритни — киркомотыги, и наглядно продемонстрировал работу, которой они должны были теперь заняться.

Солнце и пыль — наиболее характерные признаки Негева — поднялись над песчаными просторами.

Бритни и Дарсел сгребали камни и песок в ведра, а Филипп и Джейсон носили их сразу по два на отдаленную свалку. Шебтай, который был одет в рубашку с короткими рукавами и в длинные коричневые штаны, регулярно появлялся и снова исчезал, наставляя, ободряя, а иногда даже хватаясь за инструмент и работая рядом с одним из волонтеров. Казалось, что он мог быть везде одновременно, ответить на зов о помощи до того, как он прозвучит.

Весткасльская молодежь охала и стонала под тяжестью работ, и очень скоро ребята начали потирать разболевшиеся руки и распрямлять ноющие спины. Но все трудились усердно, и, несмотря на усталость, ощутили в себе прибавление сил. Пот, который стекал с их лиц и лился по спине во время работы и грязь, обосновавшаяся у них под ногтями, наполняли их загадочным чувством удовлетворения.

Атмосфера раскопок заряжала оптимизмом: работающие чувствовали, что они открывают цивилизации, а не просто раскапывают песок и грязь. Каждый думал о том, как следующий взмах мотыги или очередной ковш с землей может явить с собой бесценный остаток древней культуры — стоящую находку, которая мгновенно сделает обнаружившего ее всемирно известным героем.

Дарсел с Бритни, высвобождая грунт и копая рвы мотыгами, успели переговорить обо всем на свете. Брайан, Филипп и Джейсон лишь обменивались отрывистыми замечаниями, встречая друг друга на пути от свалки и обратно.

Возвращаясь однажды с пустым ведром, Джейсон подбежал к Дарсел и Бритни.

— Эй, девушки, — прошептал он и обернулся назад. — Посмотрите сюда.

Они посмотрели и увидели Шебтая, неподвижно стоявшего недалеко от места раскопок и устремившего взор к вершине горы.

— На что он смотрит? — спросила Бритни, сосредоточив взгляд на силуэте Шебтая.

— Не знаю, — ответил Джейсон, не смотря на Шебтая, а изучая черты Бритни. — Он пребывает в этом состоянии уже пять минут.

— Просто так стоит? — спросила Дарсел. Бритни повернула голову и встретилась взглядом с Джейсоном. Он покраснел, застигнутый врасплох за созерцанием красивой девушки, и отвел глаза, вернувшись к наблюдению за Шебтаем.

— Станный он человек, правда? — сказала Бритни.

Все трое молчали, пока Дарсел ни сказала:

— Да, но есть что-то в нем такое...

— Да, что-то такое... — сказала Бритни, подражая тону Дарсел, выражавшему восхищение. — Что-то, что заставляет тебя желать быть рядом с ним, знать, о чем он думает.

Грязные и потные, они возвратились в лагерь после семи часов тяжелой работы. Ави встретила их в общей палатке, и они вместе отобедали.

— Я рада вашему приезду, — сказала Ави, когда они вместе ели. Обращаясь ко всем, она всегда смотрела только на Дарсел и Бритни. Она говорила на превосходном английском языке. — Волонтеры, в основном, — это студенты колледжей или люди более старшего возраста. Приятно встретить своих ровесников. Обычно я разговариваю только с отцом.

— Твоим отцом? — спросил Филипп.

Ави нахмурила брови, которые мгновение спустя опять удивленно взметнулись вверх. Она поняла.

— Он не сказал вам, когда представлял меня, — сказала она, вспоминая. — Я — Авитар Левит, дочь Шебтая.

— Ты хочешь сказать, что этот чудаковатый тип — твой о..., — слова застряли у Брайана в горле, когда он понял по выражению лица девушки, что его слова ее задели. Он неуклюже закашлялся и что-то забормотал. В разговор вступила Дарсел.

— Шебтай — твой отец, — сказала она, улыбаясь.

Ави кивнула и в ответ улыбнулась Дарсел.

— Я провожу каждое лето в **Хар-Каркоме** с раннего возраста. Моя мать умерла, когда я была маленькой, и с тех пор мы с папой остались вдвоем. Она уронила нож в грязь и попросила подать ей чистый. Дарсел достала нож из ящика, но Ави быстро поправила ее.

— Не из того ящика, — сказала она, указывая на похожий столовый набор. — Мне нужен один из тех ножей.

Дарсел достала нож с полки и подала ее Ави.

— А в чем различие? — спросила она.

— У нас кошерная кухня, — ответила она (это значит, что одни приборы были предназначены для приема пищи, включая блюда с мясом, другие — для обедов, в которых использовались молоко, сыр или масло). Ави стала намазывать джем на питу.

— Как вы здесь соблюдаете все эти правила? — спросил Филипп.

Ави пожала плечами.

— Это не трудно, — сказала она. — Это наш образ жизни.

— Ты не устаешь от постоянного пребывания в этом месте? — спросил Филипп. — Не устаешь ли от того, что здесь нечего делать, разве не скучно только есть, спать и работать?

Ави покачала головой.

— Как говорит папа, это особенное место. Кроме того, есть и другие занятия. — Она посмотрела вокруг себя и понизила голос до шепота:

— Здесь неподалеку есть водоем для купания, — сказала она.

— Да! — воскликнул Филипп, представляя Ави в купальном костюме. — Когда мы пойдем?

Ави пообещала взять их как можно скорее в течение недели, после стирки в четверг и похода по магазинам. Они собрали крошки после обеда, выбросили их и, выстроившись в шеренгу, вышли из палатки. Джейсон открыл дверь перед Бритни и Дарсел, тогда как Брайан и Филипп соперничали за место рядом с Ави.

— Ты ходишь в город всегда вместе с отцом? — спросил Брайан у Ави.

Ави ответила, не оборачиваясь к Брайану.

— Я люблю помогать отцу делать закупки.

Брайан самодовольно улыбнулся и мельком взглянул на Филиппа до того, как полностью переключиться на Ави.

— Я думаю, что мы могли бы пойти... вместе. Знаешь, ты показала бы мне что-нибудь.

Ави и оба юноши остановились.

— Я уже подумала, — медленно сказала она и обернулась с улыбкой к Филиппу, — пойти с Филиппом... в город. — Филипп с удивлением посмотрел на нее. Ави пожала плечами и повернула улыбающееся лицо к Брайану.

— Извини, — сказала она.

Лицо Брайана порозовело, но на нем ничего нельзя было прочесть.

— Нет проблем, — пожал он плечами и пошел дальше один, оставляя их у общей палатки.

— Ой, надеюсь, ты не возражаешь? — сказала она Филиппу и посмотрела на Брайана. — Что-то есть в этом парне...

— Нет, нет, я не возражаю. — Он широко улыбнулся. Глаза его были прикованы к рыжеволосой красавице.

Бритни и Дарсел плюхнулись в постель немногим ранее девяти часов того вечера, ощущая на себе физические последствия долгого перелета и дня изыскательских трудов.

— Я тебе говорила, что нам будет не до сигнала отбоя, — сказала Дарсел. — Мы здесь всего лишь день, и я уже чувствую истощение.

Она растянулась на своей койке и начала читать Библию при свете шипящей керосиновой лампы, стоявшей на деревянной тумбочке между ее кроватью, которая стояла дальше от входа, и койкой Бритни.

Бритни достала из рюкзака конверт и извлекла находившееся в нем письмо.

— Письмо от мамы? — спросила Дарсел, смотря на листки почтовой бумаги, которые Бритни держала в руках.

Бритни покачала головой.

— От Мэтта.

— Я думала, что у вас все закончилось. — Голос Дарсел был тихим и мягким, вызывающим доверие.

— Я порвала с ним, — сказала Бритни дрожащим голосом, глаза ее наполнились слезами. Какой-то момент она боролась со своими эмоциями, а потом тихо продолжила:

— Я не хотела... поступать так, как он хотел.

— Правильно, молодец, — сказала Дарсел. Она закрыла свою Библию и положила ее на тумбочку рядом с лампой. — Надеюсь, ты расставила все на свои места.

Она наклонила голову, чтобы посмотреть в глаза Бритни.

— Хочешь об этом поговорить?

Бритни покачала головой. Она не хотела признаться Дарсел в своих чувствах. Она помнила, как трудно было заглушить чувство вины из-за близости с Мэттом. Но все-таки как ужасно она чувствовала себя в последствии, не только в первый раз, но каждый раз когда это случалось. Восторг шел на убыль, а чувство вины и пустоты все возрастало...

Ей казалось, что она не сможет преодолеть боль от разрыва с ним. Она не могла сказать своей подруге Дарсел, что в глубине души предпочла бы быть сейчас там, в Весткасле, с Мэттом.

Шипящая лампа рядом с ее койкой настолько нагревала воздух, что вскоре Бритни вспотела. Дарсел после их краткой беседы повернулась на другой бок и быстро заснула. Бритни несколько раз прочла письмо Мэтта и почувствовала, как ее глаза наполняются слезами сожаления и тоски по дому. Вдруг она услышала шум. Она села на кровати и приготовилась при первом сигнале тревоги разбудить Дарсел.

Проходили минуты. Ничего не происходило. Она засунула письмо обратно в пыльный рюкзак и встала. В палатке было невыносимо душно.

Бритни склонилась над тумбой и повернула крошечный диск на лампе. Свет потускнел до слабого мерцания. Она подождала, чтобы убедиться, что лампа не потухнет совсем. Затем подняла треугольную дверь-завесу и шагнула в ночные сумерки.

Прохладный воздух вселил в нее бодрость, как стакан холодной воды для бегуна на финишной полосе. В лагере было тихо. Какое-то мгновение она стояла у палатки, пытаясь сориентироваться и давая зрению привыкнуть к темноте. Наконец, она стала различать дорогу, и отправилась в направлении общей палатки.

Не успела она пройти больше десяти шагов, как что-то пронеслось по земле перед ней. Она отскочила назад. Все ее тело конвульсивно сжалось в тугий узел.

— Не знаю, что это было, — произнесла она про себя, — но хотелось бы, чтобы этим все и закончилось.

— Кто ты?

Мужской голос за спиной заставил ее выпрямиться. Она вздрогнула.

— Пожалуйста, повернитесь, — сказал голос.

Она медленно обернулась. Мужчина, ростом чуть выше ее, стоял в нескольких метрах. Он направил на нее ружье.

— Кто вы? — повторил он. — Что вы делаете?

— Я — Бритни. — Она нервно закашлялась. — Бритни Марш. Я... я одна из волонтеров. Я просто гуляю.

— Уже был отбой. — Он помахал ружьем. — Я проведу вас к вашей палатке.

Бритни неподвижно стояла, пока мужчина не отступил в сторону и не дал ей знак идти вперед. Так под охраной человека с ружьем она вернулась к своей палатке.

— Вам нужно поспать. — Он стоял у входа в ее палатку. — Утро в **Хар Каркоме** приходит рано.

Она нырнула в палатку. Дверь-завеса, всколыхнувшись за ней и запахнулась. Она подошла к мерцающей лампе и повернула диск, свет погас. Затем она разделась и легла в постель. Дарсел так и не проснулась.

— Все это несколько странно, — вслух прошептала она.

Она посмотрела на светящийся циферблат своих часов — было далеко за полночь.

— Да за кого он себя выдает? Мне уже почти шестнадцать! Никто не должен объяснять мне, могу ли я пойти прогуляться одна. Во всяком случае, в этих палатках жарко и душно, и я не обязана сидеть взаперти в одной из них, как какое-то животное!

Она свесила босые ноги с края кровати и была уже готова встать, как вдруг вспомнила о странном существе, перебежавшем ей дорогу несколько минут назад. Она быстро убрала ноги под одеяло.

— Я просто не намерена... вот и все, — прошептала она.

Рэтсбэйн сидел в полукруглом центре управления перед миниатюрным экраном в тщательно оборудованной лаборатории Маври. Его жабы лапы упирались в искрившийся и переливавшийся разными цветами командный консоль.

Он установил большую панель с клавиатурой поближе к себе и начал неторопливо вводить команды в компьютер, но тут внезапно распахнулась дверь, и внутрь просочилась зеленая черепашня фигура Маври. Он отдал двери приказ закрыться на замок и пошел вперевалку в направлении центра управления.

При появлении Маври Рэтсбэйн быстро снял свои лапы с консоли и поставил панель с клавиатурой обратно на подставку.

— Каково положение этих детей? — спросил Маври.

Рэтсбэйн потянулся к клавиатуре и нажал несколько клавиш: началась обратная перемотка записи. Рэтсбэйн и Маври молча наблюдали за процессом, затем Рэтсбэйн нажал одновременно две клавиши, и начался просмотр в обычном режиме.

— Вот, — заявил Рэтсбэйн, — я добился этого. Всего несколько минут назад. — Он воспроизвел на экране происшествие около палатки Бритни. Маври заинтересовался.

— Итак, она пошла прогуляться, — сказал Маври, — и нарушила правило, касающееся отбоя. И что?

Рэтсбэйн повернул свою муравьиную голову и уставился на Маври своими мраморно-черными глазками.

— Что значит «и что»?

Маври укоризненно взглянул на коллегу-демона и издал свистящий звук своим черепашьим клювом.

— Надеюсь, у тебя есть что-то позначительнее.

— Что ты имеешь в виду? Разве ты не видишь? Я заставил ее сделать то же, что сделал парень на самолете. Теперь **она** совершила противозаконный поступок.

— Не смотри на то, что она **совершила**, жабья морда, посмотри, как она оправдывает свои действия, убеждает себя в том, что противозаконное является на самом деле законным для нее. Необходимо самое малое, типа неудобства душевой палатки, чтобы она стала оправдывать нарушение правил. — Маври отпихнул Рэтсбэйна в сторону и начал активно нажимать на клавиши клавиатуры.

— Теперь послушай внимательно. Вот мысли той девчонки, — сказал он.

По большому экрану пробежала лента движущихся букв: «Никто не должен объяснять мне, могу ли я пойти прогуляться одна. Во всяком случае, в этих палатках жарко и душно, и я не обязана сидеть взаперти в одной из них, как какое-то животное!»

— С таким отношением, — заявил Маври, — мы сможем уничтожить ее.

Он обратил к Рэтсбэйну свой блестящий глаз.

— Я это знаю, — заскулил в свою защиту Рэтсбэйн.

— Может, знаешь, а может быть, и нет. Запомни, ты, гнусная жаба, понемногу, по чуть-чуть ты должен убедить ее оправдывать свои предосудительные представления, извинять свое нехорошее поведение, убедить в том, что она, и только она сама, может решать, что хорошо для нее, и что никто, **никто**, — зарычал он, — не имеет права навязывать ей свои убеждения. Ты должен убедить ее, что общих стандартов не существует, что нет ничего абсолютного и неизменного, на что нужно было бы опираться, кроме тех стандартов, которые она выбирает себе сама.

— Я знаю об этом, — повторил Рэтсбэйн.

— Может, знаешь, а может быть, и нет, — ядовито повторил в ответ Маври.

По ту сторону рассказа: семья Адама.

У Бритни проблема. Она раздражена потому, что существуют правила, установленные кем-то, правила, которые, как она считает, отнимают у нее право делать то, что она для себя сочла верным.

Ее проблема не нова. В действительности, она стара, как сама борьба демонов с людьми.

Все началось с вражеской стратегии змея в Эдемском саду. Змей подкрался сзади к женщине.

— Эй, мамаша, — сказал он (хотя она и не была тогда еще матерью). — Как же это ты еще не успела попробовать плодов с того деревца в центре сада?

— Бог не велел это делать.

— А правда ли Он сказал, что вы не можете есть плодов со всех этих фруктовых деревьев? — он, кажется, вот-вот сделал бы широкий взмах рукой, чтобы показать на обилие деревьев, окружавших их, да у змей рук нет.

— Нет, — ответила она, — Он сказал, чтобы мы не ели только с того дерева, даже и не трогали его, а иначе умрем.

— Ой, да ты, наверное, меня разыгрываешь! От того, что ты дотронешься до этого несчастного дерева, ты не умрешь. Бог просто не хочет, чтобы вы подходили к нему. Ведь Он знает, что если вы съедите этот плод, то станете такими же, как Он.

Должно быть, Ева выглядела очень озадаченной, услышав такие слова.

— Слушай, мамаша, давай я тебе все расскажу. Ведь все предельно просто. Бог говорит, что Он один может решать, что поистине хорошо и что плохо. Но, что хуже всего, Он еще смеет навязывать вам свои правила. Не хорошо это, мамаша, ты заслужила, чтобы скушать плод с того дерева. Ты и сама прекрасно определишь, хороший ли это плод или плохой. От того, что Он называет его плохим, хуже он не становится. Ты не обязана принимать Его представления. У тебя есть право самой решить, что для тебя хорошо, а что — плохо, так же, как это делает Бог. Тебе понравилось, как я тебе все обрисовал?

Лепет змея возымел надлежащее действие: Ева съела тот плод. Змей уверил ее, что она сама отлично может рассудить, где добро и где зло, что правильно и что неверно. Он заставил ее поверить в то, что она не нуждается в Боге для того, чтобы разобраться в этих вопросах. Он убедил ее в том, что ей не нужен внешний объективный стандарт для определения добра и зла, но что **она сама** и есть свой стандарт.

Позже она убедила своего мужа, Адама, чтобы он съел плод. Они были изгнаны Богом из Эдемского сада, и потом стали продолжать человеческий род и умерли, как все грешники, хотя в планах Бога для них была задумана вечная жизнь.

Все мы ныне являемся частью семьи Адама и Евы, и стратегия сатаны ничуть не изменилась. Он хочет помешать мужчинам и женщинам смотреть на Бога, как на образец справедливости — объективный и единственный стандарт для всего. И вместо этого сатана побуждает их оправдывать свои поступки.

На протяжении столетий этот план имел не очень большой успех: большинство мужчин и женщин обращались к Богу, как к объективному праведному Судье. Они считали Бога Тем, Кто называет хорошее благим и плохое злым. Говоря словами одного автора: «Они были уверены, что откровение Бога... истинно. **Бесприкословно истинно.** Истинно не только для них, истинно не только в их время,

истинно полностью, а не “приблизительно”. То, что дал Бог, считалось истинным в универсальном, абсолютном и непоколебимом значении».

Последние же столетия, особенно последние несколько десятилетий, привнесли с собой значительный сдвиг в мировоззрении многих мужчин и женщин. Наше общество во многом отвергло понятия истины и нравственности; оно потеряло способность (или готовность) учитывать реальность существования абсолютного добра (равно, как и абсолютного зла), которое существует вне зависимости от того, что вы или я думаем об этом или во что верим.

Многие государственные школы проводят в жизнь дешевое образование, безразличное к общечеловеческим ценностям. «Мы не можем указывать вам, что хорошо и что плохо, — говорят учителя и заявляют на страницах учебников. — Вы должны сами решить это для себя». Политики, не желая обидеть какие-то группы своих избирателей, боятся вставать на сторону строгой морали. Средства массовой информации пропагандируют идеи и образ жизни, бросающие вызов всем традиционным канонам нравственности.

Как следствие, последние поколения во все большей степени полагаются на свои собственные представления о добре и зле. Люди становятся богами для себя (что произошло с Филиппом Милфордом), устанавливая нормы морали и поведения в соответствии со своими корыстными интересами.

Когда же они так поступают, они подобны моряку в плавании, который, пытаясь определить свое местонахождение, просто выбирает любое направление и называет его «севером». Если он будет измерять положение корабля по своему усмотрению (вместо того, чтобы смотреть на небо и направлять свой курс по северной звезде), то, в конечном счете, он потеряется, потому что направление сторон света, и частности севера, не зависит от чьего-либо вкуса или мнения.

Подобным образом и мы, если будем пытаться определить хорошее или плохое в поступке, судя по себе, то в результате впадем в заблуждение. Все мы принадлежим адамовой семье, но не стоит повторять ошибку Адама и Евы. Мы имеем возможность обратиться к небесам, к Судье неба и земли и научиться, и осознать то, что Он один является эталоном и примером добра и зла.

5. Ошибки и проказы

На крик Дарсел подбежали Брайан, Филипп и Джейсон. После нескольких дней копания в земле с помощью киркомотыг и вытаскивания грунта ведрами, их вместе с Бритни определили на новый участок. Теперь они работали с маленькими кистями и пиками, счищая грязь и обломки пород с образцов наскального искусства на периметре участка земли, размеченного на квадраты.

— Мы что-то нашли, — заявила Бритни, затаив дыхание. — Это рисунок! Уже через секунду рядом появился Шейбтай. Он встал над раскопанным участком, где внизу работали девушки, и время от времени давал им инструкции, то приседая, то показывая жестами, следя за каждым их движением с напряжением, которое могло бы зажечь огонь, как луч солнца, направленный сквозь увеличительное стекло. Юноши столпились у балочного ограждения — стены вокруг

квадратного участка, где проводились археологические раскопки. Они наблюдали, как Дарсел и Бритни работали вместе маленькой пикой и кистью, очищая участок темной песчаной скалы, на которой был высечен простой рисунок, напоминающий трость.

Наступал день, становилось все жарче, а они терпеливо трудились и к полудню обнаружили то, что оказалось цельной высеченной на скале картиной. Дарсел выпрямилась и вылезла наверх. Бритни повернулась, взглянув на свою подругу.

— Как ты думаешь, что это? — спросила Бритни, показывая на стилизованные фигуры на скале.

Дарсел пожала плечами.

— Тот, — сказала она, указав на фигуру-трость слева, — похож на прыгуна с шестом или что-то похожее. Она склонила голову набок. — А это, — нерешительно сказала она, — я даже и не знаю. Ни на что не похоже.

— Скорее всего, — вставил Шебтай, — это изображение человека, который молится, воздев руки к небу.

Бритни качнула головой в знак согласия.

— Да, я тоже вижу это.

— Это общепринятое среди иудеев положение во время молитвы.

— А что это за полоска рядом с человеком? — спросила Дарсел.

— Подобное изображение здесь в **Хар Каркоме** находили много раз — человек молится рядом с простой вертикальной линией или с другой... — Он задумался, подбирая подходящие слова, — ...абстрактной фигурой.

— Что это означает? — спросила Бритни.

— Возможно, это попытка древних людей, а этой резной работе может быть четыре-пять тысяч лет, описать поклонение Богу, Который не может быть изображен в виде человека или животного... или, Который запретил людям это делать.

Команда созерцала рисунок рыжего цвета, высеченный на черной скале.

— Ух ты! — воскликнула Бритни. Она посмотрела на Дарсел, которая гордо улыбалась.

— Вы думаете, что это дело рук израильтянина? — спросил Джейсон. — И эта прямая линия представляет Бога?

Шебтай пожал плечами, как будто то, что он думал на этот счет, не было важным.

— Может быть.

Он протянул руку Бритни, которая все еще была занята работой внизу в траншее, пересекавшей участок экскаваций по всей длине. Она сжала в левой ладони свою лопатку и кисть, а правой ухватила за руку Шебтая и поднялась из траншеи.

— Я должен с тобой поговорить, — серьезно сказал Шебтай.

Все остальные замолчали. Бритни нервно улыбнулась.

— У тебя замечание, — мягко сказал он, сжимая ее тонкие пальцы своими жесткими загорелыми руками.

— Что? — сказала Бритни.

— Доран сказал, что прошлой ночью ты нарушила правило отбоя, — сказал Шебтай. Он говорил тихим, успокаивающим тоном.

Другие члены команды, стоя на расстоянии несколько футов, внимательно их слушали.

— Доран? Кто такой Доран?

— Он солдат. Он ведет ночной дозор в **Хар Каркоме**.

(Бритни уже забыла о своей ночной прогулке и о вооруженном человеке, сопровождавшем ее обратно до палатки.)

— Я не нарушала правила, — отпарировала она, — Я просто вышла погулять.

— Когда это было? — спросил Джейсон.

— Прошлой ночью, — ответила ему Бритни, не сводя глаз с Шибтая. — Не могу в это поверить, — продолжала она, — я не сделала ничего плохого. Мне стало душно в палатке. Вы хотите сказать, что я должна сидеть там взаперти, как какое-то животное?

— Гулять после наступления темноты очень опасно. — Голос Шибтая звучал мягко.

В памяти Бритни вспыхнуло воспоминание о скользком создании, которое пересекло ей дорогу, но она постаралась быстро его забыть, и продолжила протестовать.

— Я должна иметь право получить глоток воздуха, когда мне почти нечем дышать!

Шибтай провел рукой по бороде. Все время, пока она говорила, он внимательно смотрел ей в глаза.

— Не могу поверить, что вы так поступаете со мной, — продолжала она. — Какая разница, в девять часов я буду в палатке или в девять тридцать?

— Бритни, — сказал Джейсон, утешая ее, в надежде стать для нее рыцарем в сияющих доспехах. — Не переживай. Это всего лишь одно замечание.

— Дело не в замечании, Джейсон. — возразила она — Просто все так глупо. Ведь я не совершила ничего плохого. Они, может быть, и привыкли к этой духоте, а я нет. Я не должна быть невольницей в своей собственной палатке.

— Послушай, — сказала Дарсел ласково. — Мы знали, что будут правила, и находясь здесь, мы согласились придерживаться их.

— Я могу ее понять, — сказал Филипп. Он вспомнил о своем отце и множестве разногласий между ними.

— Нельзя наказывать человека за глоток свежего воздуха.

— Она знала, что поступает неправильно, — сказал Брайан по существу разговора. — И все равно делала по-своему.

— Убирайся отсюда вместе со своим лицемерием, — крикнула Бритни в ответ. Она часто задумывалась над тем, что в Брайане вызывало у нее такую неприязнь. Вдруг она осознала, что это было: он обращался со всеми так, будто он всегда во всем должен быть прав, а остальные виноваты.

Шибтай аккуратно повернул Бритни, чтобы она посмотрела в сторону границы Израиля с Египтом, которая лежала менее чем в 10 милях на запад через голую пустыню.

— Ты знаешь историю о **песах**?

— Что? — Бритни взглянула в его искрящиеся глаза. Лицо ее выражало одновременно недоумение и гнев. Ребята переглянулись удивленными взглядами.

— Ты, возможно, называешь это «Пасхой», — сказал он. — Еврейский народ был в рабстве в Египте, где людей жестоко угнетали.

— Чувствую себя снова в воскресной школе, — шепнул Филипп Джейсону.

— Шш-ш-ш! Я хочу послушать. — Сказал Джейсон.

— Бог послал язвы на египтян, чтобы посрамить их богов и убедить фараона, властителя Египта, что он должен отпустить народ Израиля. Десятая язва грозила смертью первенцам: каждый сын-первенец, начиная с сына фараона и заканчивая сыном молодой рабыни, даже первородные из скота должны были умереть в полночь. Бог обещал, что по всей земле будут громкий плач и рыдание, более скорбные, чем были прежде и когда-либо еще будут. — Шебтай говорил немного приглушенным, но сильным и ровным голосом. Он смотрел только на Бритни, как будто все, что было (и кто был) вокруг, перестало существовать. Лицо Шебтая было близко к ее лицу.

— Потом Бог отдал несколько странных повелений. Он повелел Своему народу, чтобы глава каждого семейства убил ягненка и помазал его кровью косяки двери в своем доме. — Он тепло улыбнулся. — Что за странная задумка, а? — Лицо его вдруг стало серьезным. Он нахмурился. — Но все, кто послушался повеления Бога, были спасены от ужасов предстоящей ночи. Только тот, кто не послушался, пострадал.

— Правила пребывания в **Хар Каркоме** служат для твоей, Бритни, безопасности, — продолжал Шебтай. — Опасностей много в Негеве: змеи, скорпионы, внезапные бури — это пострашнее душной палатки. На этой территории часто проводятся ночные маневры на военных вертолетах и танках. Кроме того, важно, чтобы мои волонтеры не засыпали на работе с мотыгой в руках. — Он потечески улыбнулся. — Понимаешь? Здешние правила должны обеспечить максимальную эффективность и безопасность рабочего времени. Они не сделают из тебя невольницу, но, как и заповеди Бога, они нужны для того, чтобы защитить тебя и дать тебе все самое лучшее.

Пока он говорил, его рука лежала на ее плече. Он обнимал ее не как парень, заметила Бритни, но так, как мог бы обнимать отец — любой отец, кроме ее отца, — решила она. Она чувствовала себя польщенной вниманием Шебтая, и ее гнев уже давно развеялся в теплоте его искренности. Выражение лица Бритни смягчилось. Она перевела взгляд с Шебтая на остальных и смущенно улыбнулась.

Шебтай хлопнул ладонями и посмотрел на часы.

— Итак, — сказал он, обращаясь к команде. — Нам нужно возвращаться в лагерь. Он подтянул джинсы и направился к машине. Бритни вместе с Дарсел, Джейсоном, Филиппом и Брайаном пошли вслед за Шебтаем. Она переложила пику и кисть из левой в правую руку и только теперь поняла, что забыла сложить их в ящик, который лежал в другом конце участка археологических раскопок под тонкой завесой, служившей укрытием для временного отдыха. Теперь, чтобы положить инструменты на место, ей нужно было отстать от других, возвращающихся в лагерь. На возвращение требовалось всего около пятнадцати минут, но решив не переживать из-за этого, она засунула инструменты в задний карман брюк и села в автомобиль, чтобы ехать обратно в лагерь.

* * *

— Дай мне это! — кричал Маври на Рэтсбэйна, вырывая клавиатуру гигантской консоли из рук своего помощника.

— Что? — запротестовал Рэтсбэйн. — В чем дело? У меня все шло хорошо.

Маври начал что-то быстро набирать. Когти его черепаших лап цокали как покрашенные ногти секретарши.

— У меня тут эта пташка, Бритни, ест прямо с ладони, — молвил Рэтсбэйн. — Слышал, что она сказала? Она говорит о **своих** правах и защищает себя тем, что **сама** называет нехорошим.

— Возможно, — огрызнулся Маври, не отрываясь от экрана. — Но затем ты испортил все это, позволив этой Седой Бороде рассказать одну из своих историй!

Рэтсбэйн направил один глаз прямо на Маври.

— Эту ерунду насчет Пасхи? Не вижу большой причины для беспокойств.

— Этот человек опасен! — Рывкнул Маври. — Он говорит о Враге и Законе, и давать людям слушать об этом вовсе не в наших интересах.

Он пристально посмотрел на экран: Бритни сидела между Джейсоном и Дарсел в машине Шебтая. Маври давил на одну и ту же клавишу дюжину раз или больше, и повернувшись, посмотрел Рэтсбэйну в глаз.

— Никогда не забывай, — зловеще сказал Маври, — мы, уввы, не одни работаем за кадром.

* * *

После умывания и обеда Джейсон, Филипп, Ави, Дарсел и Бритни собрались в машине Шебтая, чтобы совершить долгое и жаркое путешествие в **Мицпу Рамон**.

Дарсел обернулась к Филиппу, который постарался устроиться таким образом, чтобы Ави сидела не просто рядом с ним, но у него на коленях. Она собиралась спросить его о Брайане, который тут же оказался у машины вместе с темноволосой девушкой.

— А для нас найдется местечко? — спросил он с бодро.

Поначалу никто не ответил. Все с изумлением рассматривали Брайана и его новую знакомую.

Наконец Джейсон прервал тишину.

— Я сяду сюда, рядом с бельем для стирки, — сказал он. В голосе его не звучало радости: он не хотел отдавать своего тесного уютного местечка рядом с Бритни; но он переполз через заднее сиденье и устроился на мешках с бельем, которые занимали узкое пространство между задней дверью и сиденьем.

Брайан и его девушка забрались в машину и неуклюже втиснулись в освобожденное Джейсоном место. После того как машина тронулась в путь, Ави, преодолев неуверенность, заговорила.

— Ребята, — сказала она. — Это Сюзен Аренс. Ее мама — одна из штатных археологов здесь в **Хар Каркоме**.

Команда представилась Сюзен. Дарсел спросила Сюзен, откуда она. Та ответила на ломаном английском, что живет в Италии, где ее родители преподают в университете. Бритни спросила, сколько ей лет. Сюзен поведала, что ей совсем недавно исполнилось четырнадцать.

Появление Брайана и Сюзен вызвало у Бритни ощущение, что все вокруг собираются в пары. Филипп и Ави, казалось, неплохо ладили друг с другом, и Брайан умудрился где-то отыскать Сюзен... Соседство робеющих пар возвращало ее к мыслям о Мэтте, о том, как они везде были неразлучны. В первое время своего знакомства им было совсем не важно, что они делали или куда ехали. Даже поездка на старом дребезжащем автомобиле, как этот была бы для них веселым приключением. **«Было так прекрасно чувствовать себя влюбленной»**, — подумала она. Настолько здорово, что ничто другое не имело для нее значения.

Шум и пыль по дороге из лагеря к автостраде не располагали к беседе, но как только они повернули на двухрядную асфальтированную дорогу, которая вилась между пустыней **Паран** и пустыней **Син в Негеве**, Шебтай начал свой рассказ.

Он занял их внимание перечислением противоречий и смешных деталей, которые характеризовали современный Израиль. Шебтай объяснил, как в войне за независимость в 1948 году еврейскими поселенцами и иммигрантами было образовано единственное в мире Иудейское государство; как они одолели арабского противника, вооруженного лучше и имевшего позиционное преимущество.

— Отец был *саброй* и воевал в войне за независимость, — с гордостью заметила Ави.

— Что означает *сабра*? — спросила Дарсел.

— Сабра — это иудей, рожденный на этой земле, — сказал Шебтай. — Мне было столько же лет, сколько Ави, когда я в первый раз воевал за Израиль. — Он произнес «Израиль» тремя отдельными слогами.

Шебтай продолжил рассказ о том, как Израилю всегда приходилось бороться за выживание, но государство никогда не теряло территории в войне.

— История современного Израиля, — сказал он, — это история силового захвата стратегической земли, и позже — дипломатического возвращения ее противником Израилю и наоборот.

— Однако в Израиле, — продолжал Шебтай, — большинство арабов и иудеев мирно живут и работают вместе.

— Тогда почему мы дома постоянно слышим о возмущениях и террористических актах? — спросила Бритни.

— Из-за меньшинства страдает большинство, — сказал Шебтай. — Но все же они в меньшинстве. Разумеется, репортеры не заинтересованы в том, чтобы слышать о том, что иудеи и арабы живут вместе в мире.

Они подъехали к городу. Шебтай резко притормозил на обочине. Медленными и неуклюжими движениями компания выбралась из автомобиля и расположилась перед настезь распахнутой дверью крошечной бакалейной лавки. Они стояли на обочине,

разминая затекшие тела, как вдруг воздух пронзил плачевный стон, который, кажется, доносился сразу отовсюду.

— Что это? — спросил Филипп. — Что происходит?

— Такое впечатление, что кому-то плохо! — добавил Джейсон.

— Это призыв к молитве, — сказала Ави. Пока плач продолжался, ее отец вошел в бакалейную лавку. — Это сигнал, призывающий мусульман прекратить любую деятельность и совершить полуденные молитвы.

Ребята встали тесной группкой около маленького магазина и внимательно смотрели через узкий дверной проем на двоих мужчин, которые в задней части помещения склонились на цветном коврик, прислонившись головой к полу.

— Что они делают? — с удивлением спросил Брайан.

— Они молятся, — сказала Бритни с ноткой раздражения в голосе.

— Да, но как насчет их магазина? А, если я хочу что-нибудь купить?

— Тебе просто придется подождать, пока они закончат.

— А что если кто-нибудь зайдет и что-нибудь украдет?

— Это арабский город, Брайан, — сказала Ави. — Почти каждый здесь делает то же, что они.

— Меня от этого просто дрожь пробирает! — громко заявил Брайан.

— Это просто дьявольщина, вот что! — он показал на согнутую фигуру лавочника. Некоторые из ребят безуспешно пытались успокоить его. Через несколько секунд человек, находившийся в задней части магазина, встал, свернул свой коврик и вернулся к прилавку.

— Разве вы не видите? Он поклоняется лжебогам! — Брайан обратился к хозяину лавки:

— Я ничего не буду покупать в этом магазине, слышите? Однажды всякое колено преклонится и всякий язык исповедает, что Иисус Христос есть Господь!

Неожиданно рядом с Брайаном оказался Шебтай. Он заговорил с улыбкой на лице, но голос его был серьезен.

— Израиль — это нация многих религий, — сказал он медленно и как бы задумчиво. — Иудеи, христиане, мусульмане и другие верующие приезжают сюда, потому что им отведено священное место их веры. Мы берем на себя ответственность чтить и оберегать соблюдение обычаев всех религий. И к этому мы подходим очень серьезно. Любая угроза свободе одной религии является угрозой государству Израиль. Понимаешь, о чем я говорю? — Его голос стал жестким.

Брайан ответил кивком, поджав губы. Он взял Сюзен за руку и вывел ее из маленького магазина.

Следующие полтора часа группе пришлось провести в **Мицпе Рамон**, в ожидании возвращения постиранных вещей. В арабской бакалейной лавке они купили конфеты и сделали открытие. Оказывается, что шоколадные батончики, которые продают в Израиле, — даже те, у которых, судя по надписям на обертках, американские производители — ничего общего не имеют с шоколадными батончиками, которые они привыкли есть дома. А еще они узнали, что

бакалейный магазин и такой же маленький мясной рынок за углом, являются «супермаркетами» большинства израильских городов. Им довелось увидеть шести- или семилетнего мальчика, который вел стадо из трех блеющих овец по направлению к мясному рынку.

Наконец Шебтай загрузил сумки с одеждой в лэндровер. Джейсон, еще надеясь посидеть рядом с Бритни хотя бы на обратном пути в Хар Карком, ожидал, что Филипп или Брайан предложат ему занять свое прежнее место, но никто из них не проявил инициативы. В конце концов ему пришлось разрешить Шебтаю помочь ему обосноваться сзади таким образом, чтобы не нарушать порядок разложенных мешков с одеждой. Все остальные вернулись на свои тесные места и отправились обратно в лагерь.

* * *

— Удушил бы я эту надоедливую Седую Бороду! — пробормотал Маври. Рэтсбэйн в это время забавлялся с пауком недюжинного размера, которого он поймал, когда тот пробежал по полу лаборатории. Он занимался тем, что отрывал одну за одной ножки этому созданию. Опомнившись и поняв, что к нему обращается Маври, Рэтсбэйн засунул останки паукообразного в рот и ответил своему наставнику приглушенно:

— Хм-м-м?

— Ты должен во всю следить за ним, Рэтсбэйн. Он опасный человек. — Маври быстро прошелся по ряду клавиш, и огромный экран перед ним превратился в пять экранов меньшего размера, сфокусированных, каждый в отдельности, на Бритни, Дарсел, Джейсоне, Филиппе и Брайане.

— Видишь, каждому из этих человеческих созданий, — Маври указал на экран толстым черепашьим пальцем, — нужно внушить, что они сами могут решать, что хорошо, а что плохо. Я должен убедить каждого из них, что понятия добра и зла относительны, они зависят от их собственных стандартов, идей и представлений.

— О да, о да, — проверещал Рэтсбэйн. Его голос напоминал скрежет ногтей по стеклу.

— Я понял. Мы должны помешать им смотреть на Врага, как на свой нравственный эталон. Их надо подталкивать к оправданию своих представлений и поступков личными интересами.

Пока Рэтсбэйн говорил, Маври без остановки набирал команды и координаты в центр управления, и когда демон с муравьиной головкой закончил свою речь, он обернулся и кивнул ему.

— Именно так! — воскликнул он, не обращая внимания на нотку сарказма в голосе Рэтсбэйна. — Если мы добьемся, что они в это поверят, то детской игрой будет задача убедить их, что каждый сам должен решать, что для него правильно. Они также должны мириться с представлениями других о том, что кажется тем верным и справедливым.

Выпуклые глаза Рэтсбэйна тупо мигали, ничего не выражая.

— Не об этом ли говорил старый приятель?

— Нет, в том-то и проблема! — ответил Маври. — Седая Борода терпим к людям, обычаи и верования которых отличаются от

его взглядов, и при этом он все же верит, что некоторые вещи в равной степени истинны для всех. — Маври вздохнул с раздражением и указал на изображение Брайана на экране.

— Мы не можем мириться с таким видом терпимости. Мы должны пустить в ход извращенную терпимость. Ты думаешь, почему я надоемил вот этого юнца поразглагольствовать в бакалейной лавке?

Рэтсбэйн пожал своими лягушачьими плечиками.

— Потому что это было забавно, — ответил он.

— Нет! Для того, чтобы я смог это использовать однажды.

— Как ты собираешься это сделать? — спросил Рэтсбэйн.

— Ты что, ничего еще не понял, муравьиная морда, насчет абсолютной истины? — Он разочарованно вздохнул. — Хорошо, хорошо, дай-ка, я тебе все это объясню.

Он ткнул острым черепашьим когтем в грудь Рэтсбэйну.

— Если человек принимает идею, что истина относительна, что каждый должен сам разбираться, где добро и где зло, то принятие нашей извращенной терпимости становится неизбежной необходимостью.

— Абсолютной? — спросил Рэтсбэйн.

— Абсолютной, — с жаром ответил Маври. — Терпимость должна стать *единственной* абсолютной истиной для человека.

— И это хорошо? — спросил Рэтсбэйн.

— Нет, это не хорошо, а *превосходно!* — отпарировал Маври.

— Такое извращенное понимание терпимости потрясет само основание абсолютной истины Врага! Поскольку, видишь ли, если они согласны, что кажущаяся справедливость может вовсе не быть таковой для других, то они должны быть терпимы к абсолютно любому поведению! Иначе их позиция лишается всякого смысла.

— Но она и так не имеет никакого смысла, — бросил в ответ Рэтсбэйн. — Кроме того, а как ты собираешься трансформировать добродетель терпимости в извращенную идею?

Маври отошел от консоли и зашагал взад-вперед.

— Терпимость, скажу я, преимущественно становится человеческой добродетелью тогда, когда она открывает человеческие умы к новым идеям и удерживает их от того, чтобы судить друг друга, о чем и разглагольствовал Седаёя Борода. Потому что, как ты знаешь, существует только один абсолютный Судья — наш Враг, Святой.

Рэтсбэйн испустил такой стон, как будто его раздавили. Маври продолжал:

— Но помни, я раньше говорил тебе, если люди отвергают Святого, как абсолютного Судью и будут считать истину субъективной, то они ставят себя на Его место и каждый считает себя судьей и господином. Они становятся богами.

— Разве они не поймут все это?

— С Евой у нас все получилось, не так ли? — возразил Маври.

— Все равно, мы не даем им видеть результаты их поступков.

— Итак, человеческое право самостоятельно определять, что есть истина, будет преподнесено в качестве наивысшей формы добродетели, несмотря на то, что оно отвергает единственную истину, являющуюся абсолютной — истину нашего Врага.

— Ита-а-а-ак, — Рэтсбэйн начал медленно растягивать каждое слово, — если наше извращенное представление терпимости подорвет

абсолютную истину Врага, то люди должны будут стать *нетерпимы* к кому-либо, кто верит в эту абсолютную истину.

— Да здравствует сатана! До него дошло! — воскликнул Маври. — Поэтому нетерпимость Брайана придется нам кстати несколько позже, — продолжал он. — Терпимость должна быть провозглашена единственной неизменной добродетелью, и тогда мы сможем заставить их осуждать всякого, кто признает какую-либо другую абсолютную истину!

— Итак, — вставил Рэтсбэйн, — чем больше людей мы заставим быть, как Брайан, категоричными и осуждающими, тем больше наше ложное представление терпимости будет выглядеть добродетелью.

— Ты — грязный и презренный мерзавец! — Сказал Маври с воодушевлением.

Рэтсбэйн отступил на шаг назад и сделал легкий поклон.

— Благодарю тебя, Маври. От души благодарю.

По ту сторону рассказа: истина и терпимость

У демона Маври стратегия на самом деле дьявольская. Многие взрослые и подростки попались в ее западню.

Звучит-то это красиво. Наше общество гордо заявляет, что каждый имеет право решить для себя, что хорошо, а что плохо. «Религия, знаешь ли, дело сугубо личное и частное. И когда кто-нибудь принимает что-либо за истину, остальные должны уважать этот выбор. Никому не позволено навязывать свои собственные представления об истине другому».

Такое представление о терпимости стало в нашей культуре кардинально новым видом добродетели. Она воспринимается как синоним доброты и широты ума. Нетерпимость стала приниматься как фанатизм.

Проблема в том, что очень многие имеют неверное представление о терпимости, которое оно стало истиной, перемешанной с заблуждением. Но настоящая терпимость добродетельна, потому что она побуждает нас оказывать должное уважение тем людям, чьи обычаи отличаются от наших. Она требует вежливого и доброго отношения к тому, кто смотрит на мир не так как мы. И Маври не ошибся, говоря, что терпимость нужна для того, чтобы удержать каждого из нас от осуждения другого (человека). Почему? Потому что Бог Один совершенен и способен судить праведно. Писание ясно говорит нам, что мы не должны судить, но предоставить это Богу (Рим. 14:10–13; Пс. 9:3–10).

Тем не менее, оттого что мы не можем судить, ничего не меняется: абсолютная истина существует. Терпимость должна стоять на страже наших взглядов, но не надо превращать ее в культурный закон, возвещающий, что добро и зло является делом личного предпочтения. Нет ничего добродетельного в потворствовании взглядам другого человека, если он находится в явном противоречии с Божьими вечными истинами.

Бог дал всем нам свободу принять или отвергнуть Его так же, как принять или отвергнуть Его истину. Следовательно, мы должны

помнить, что когда человек отвергает Божью абсолютную истину, то он отвергает Его, а не нас. Судить — Божья работа. Наше дело — жить в соответствии с Его истиной и делиться этой истиной терпеливо, с любовью и состраданием.

6. Происшествие в палатке у Бритни

Тем же вечером Джейсон зашел в палатку к Бритни и Дарсел. Бритни стояла рядом со своей кровати, зажигая лампу, стоявшую на тумбочке. Дарсел не было.

— Ты одета? — спросил Джейсон.

— Привет, Джейсон, — ответила Бритни, перекладывая инструменты, принесенные с раскопок, которые сначала в спешке побросала на кровать и тумбочку. — Заходи.

— Ави сказала, что берет нас купаться завтра после обеда. Ты идешь?

— Да, — сказала она и утвердительно кивнула головой. — Это было бы здорово.

Джейсон был удивлен интонацией ответа. Он наклонил голову и заглянул ей в лицо.

— Что случилось, Бритни? — мягко спросил он.

В глазах Бритни стояли слезы. Она села на край кровати и прижала левую руку к глазам, чтобы вытереть слезы. Не отрывая руки от закрытых глаз, она сказала:

— Не работа... — сказала она, тяжело вздыхая.

— Что? — спросил он. — Что же тогда?

— Причина, по которой я сюда приехала — не работа, — объяснила она, всхлипнув, — а постараться забыть Мэтта.

«Хорошо, — подумал Джейсон, — мне нравится эта идея».

— Но я не могу перестать думать о нем.

Джейсон вздрогнул. Это было не то, что ему хотелось бы услышать. И он знал, что следующий его вопрос не был тем, какой ему хотелось бы задать.

— Почему ты ушла от него?

Она опустила руку, открыла глаза и посмотрела на Джейсона, который по-прежнему стоял у края ее кровати.

— Ты ведь не хочешь знать об этом... — сказала она, вздыхая и сдерживая рыдания.

Он сел на кровать поближе и взял ее за руку.

— Да, я хочу, — сказал он, думая про себя, что, наверное, сошел с ума. Он должен бы отвернуться от нее, а не помогать наладить отношения с Мэттом. *«Что со мной происходит? — думал он, — Мэтт за тридцать земель отсюда, а я здесь. Почему она не может забыть о нем и обратить внимание на меня?»*

Несмотря на бурю в душе, Джейсон выслушал излияния Бритни о ее отношениях с Мэттом, о чем она сожалела и о том, что все еще тосковала о прошлом.

— Я знаю, что мы не все делали правильно, — сказала она, не будучи вполне уверенной, что говорит правду.

— Но не знаю, *в какой момент* я оступилась. То есть я хочу той теплоты, которая была между нами, но я не хочу больше...ты сам понимаешь... всего остального.

После последних слов к ее горлу подкатил комок, но она старалась держать себя в руках.

Сердце Джейсона разрывалось от сострадания при виде боли, отразившейся на лице Бритни. Ему очень хотелось уменьшить эту боль и избавить от мучений.

— Послушай, Бритни, ты не можешь изменить прошлого, — увещевал ее Джейсон. — Никто из нас не может. Но ты можешь начать новые взаимоотношения на верном основании. Тебе просто нужно найти правильного парня, христианина, который будет помогать тебе оставаться в чистоте (он сжал ее руку, надеясь, что она поймет, о каком парне идет речь).

— Ты, наверное, думаешь, что я просто отвратительна, — сказала она. — Сама не могу поверить, что рассказала тебе про все это.

Джейсон покачал головой и обнял ее за плечи. Он с трудом подавил порыв восторга, вызванного своим смелым шагом, и мягко сказал ей:

— Бритни, я... — *я люблю тебя*, хотел он сказать. *Я хочу, чтобы ты забыла Мэтта и дала мне шанс.* — ...я совсем не считаю тебя плохой, — сказал он вместо того.

— Ты хороший друг, Джейсон. Хороший друг-христианин. Возможно, в этом-то и проблема, что Мэтт не такой хороший христианин, как ты, — сказала она, отирая слезы с глаз. Он съежился от ее слов. Они встали и обнялись. Джейсон крепко держал ее, втайне желая, чтобы и она обнимала его с таким же чувством.

Внезапно послышался голос Шейбта снаружи. Он попросил разрешения войти. Они разомкнули объятия и виновато посмотрели друг на друга. В ужасе вдруг они оба вспомнили о правиле, что юношам запрещено входить в палатку девушек. Через несколько мгновений гнетущей тишины, Бритни пригласила директора раскопок войти.

Он вошел через свисающую дверь палатки.

— Прошу прощения, что прервал вашу беседу, — сказал он и обратился к Джейсону, — но я должен попросить вас покинуть палатку этой молодой женщины.

— Это означает замечание? — спросил Джейсон. Шейбт кивнул.

— Равно как и то, — добавил он, указывая жестом на рабочие инструменты, лежащие на тумбочке рядом с кроватью Бритни. — Они твои? — спросил он Джейсона.

— Нет, не мои, — сказал Джейсон.

— Бритни взглянула на кисть и пику. Она открыла рот, чтобы сказать что-нибудь в свою защиту, но вместо слов у нее вырвался беспомощный вздох.

— Это мое, — сказала она. — Извините, Шейбт. Мне очень жаль.

— Мне тоже жаль, — ответил он. — Для соблюдения правил есть веские причины. — Его лицо выражало озабоченность, но не гнев. — Понимаешь?

Шебтай кивнул головой Джейсону, и тот, пробормотав на прощание несколько слов ободрения Бритни, нырнул через занавесь прочь из палатки.

Бритни снова упала на кровать и бросила взгляд на инструменты, лежавшие рядом.

— Я помню то, что вы сказали сегодня утром насчет сигнала отбоя и все остальное... Просто мне трудно было выполнять те правила, которые я не понимаю.

Подняв руки, она поправила волосы.

— Вы с Ави, наверное, привыкли ко всем этим правилам, я же нет. Ави рассказала нам о том, что вы используете два различных столовых набора. Я, например, просто не понимаю смысла всего этого.

Шебтай улыбнулся. Он сел на кровать Дарсел и взглянул на Бритни.

— Ты права, — сказал он. Его глаза поблескивали, как два светлячка, отражая свет лампы. — Легче подчиняться правилам, когда ты их понимаешь. Очень важно то, что стоит за правилами. Но существует нечто даже еще более важное.

Он сделал глубокий вдох и провел рукой по седовато-черной бороде большим и указательным пальцами.

— Когда Бог дал закон моему народу много столетий назад, — сказал он, — Он дал нам 613 заповедей и постановлений о том, как мы должны жить, что мы должны есть и как обращаться с другими людьми. Многие из этих правил могут показаться нелогичными, необъяснимыми, нелепыми, например, не смешивать различные виды тканей, разделять столовые приборы или не ставить разных животных под одно ярмо. Но в каждом из этих правил заключен определенный смысл, какой-то принцип. К примеру, цель сотен законов об отделении чистого от нечистого, хорошего от плохого, одного рода от другого рода заключалась в том, чтобы преподать Израилю урок о чистоте. Не важно, понимали ли мы каждый из этих законов или нет, важным являлось то, что они говорили нам о том, что чистота — важное, ценное качество. Все те законы свидетельствовали нам, что Бог ценит чистоту.

— Но есть нечто еще более важное, чем все это, Бритни, — продолжал Шебтай. Он наклонился к ней, как будто готовился сделать прыжок.

— Ведь Бог дал Закон не просто для того, чтобы мы знали, что мы должны и что не должны делать. Закон был дан для того, чтобы явить людям саму природу и характер Бога. Закон «не убивай», «не кради», «не обманывай» являет нам, *каков есть Бог*. И все постановления о еде и тканях показывают важность и правильность чистоты, поскольку Бог чист. Мне не нужно спрашивать, хорошо ли то или иное действие, так как если что-то подобно Богу, оно действительно хорошо, если же оно не соответствует Богу — плохо.

Бритни смотрела на Шебтая отсутствующим взглядом.

— Да, хорошо, я вижу, как все это важно для вас, потому что вы иудеи. Но какое это имеет отношение ко мне?

— Самое непосредственное! — воскликнул Шебтай. — Это имеет отношение к тебе уже потому, что если твои поступки не отражают Божьей природы, Его характера, тогда ты не имеешь преимущества Божьей защиты и провидения.

Она смотрела на него, недоуменно моргая. Шебтай положил одну руку под другую и погладил бороду.

— Ты ведь хочешь однажды выйти замуж, да?

Она кивнула.

— Дал ли Бог заповеди о любви, интимных отношениях и браке?

Она снова кивнула.

— Хорошо. Он сказал: «Не прелюбодействуй». Почему? Потому что Он хочет украсть у нас радость? Нет, потому что любовь мужа и жены должна быть чистой, незапятнанной, и она должна быть верной, храниться только друг для друга. Это Божий стандарт для нас, потому что Он таков. Он чист, верен, и Он хочет, чтобы мы знали, какое доверие и близость может расцвести в чистых отношениях.

Бритни поняла, что краснеет. *Шебтай слышал ее беседу с Джейсоном? Может быть, он знает ее историю?*

— Видишь, Бритни, Божьи заповеди рассчитаны не на то, чтобы красть нашу радость или разочаровывать нас, — продолжал мягким голосом, — они отражают Его характер и обогащают нас.

Она кивнула. Глаза ее снова стали наполняться влагой. Она посмотрела в глаза Шебтаю и увидела в них понимание и сострадание. Они оба встали. Она заплакала, и он обнял ее.

* * *

— Нет! — Маври стоял перед гигантской консолью компьютера и экраном в лаборатории РЭЙД'а, визжа и топая ножками, как темпераментный двухлетка, уронивший стаканчик с мороженым. — Нет! Нет! Нет!

— Ты можешь в любой момент перестать кричать над моим ухом, уважаемый, — прорычал Рэтсбэйн, стуча по клавиатуре и уткнув взгляд в экран.

— У тебя *нет* ушей, ты, несчастное насекомое!

— У меня есть уши, просто ты не можешь их видеть... Подумать только, ведь ты испортил, ты все испортил своей некомпетентностью!

Рэтсбэйн посмотрел на экран.

— Не вижу, в чем проблема. Все, что тебе нужно сделать — это запихнуть кота обратно в мешок! — закричал Маври. Очки подпрыгивали на нем, как ковбой на лошади. — *Можешь* ты сделать это?

— Запихнуть кота обратно в мешок? — Рэтсбэйн почесал свою скользкую муравьиную маковку. — О чем ты говоришь? Какого кота?

— Ты дал этому противному старикашке выпустить кота из мешка, слабоумный болван! Ты дал ему закинуть удочку! Ты дал ему выбить почву из-под наших ног!

— Хм? — Черные, как смоль, и глубокие, как бездна, глаза Рэтсбэйна смотрелись как глазные прорези в маске для праздника хэллоуин.

Маври сердито зыркнул на Рэтсбэйна сквозь свои очки в черной оправе. Выпрямившись и вытянув шею из-под панциря, который был прикреплен к его спине, он открыл свой черепаший клюв и зловеще зарычал.

— Вся наша стратегия рухнет, если эти ненавистные людишки увидят, откуда берется абсолютная истина. Если они поймут, что истина не зависит от их мнений, но только от личности Врага, то этим они подрежут нам крылья.

— О да, мы можем заставить их судить свои поступки и мысли в соответствии со своими идеями и представлениями. Мы даже можем заставлять их сравнивать между собой поступки, но стоит им увидеть, что истина проистекает от Врага, как свет распространяется от свечи, и тогда мы... мы погибли!

Челюсти Рэтсбэйна расплылись в унылой гримасе. Он громко сглотнул.

— Что мы будем делать? — спросил он с несчастным видом.

— Идем в обход! — скомандовал Маври, надвигая на нос очки и пододвигаясь к клавиатуре.

— Делать в точности то, что я тебе говорю!

По ту сторону рассказа: ступени истины

Бритни Марш размышляет над тем, что было правильно, а что нет во взаимоотношениях с Мэттом.

Она пытается понять, где же то, что должно принести ей счастье, ощущение полноты и удовлетворения. Но все это она пытается определить сама. Она действует, как бейсболист, который без биты принимает мяч от подающего и наносит удар по нему рукой.

Есть ответ для Бритни. Есть четыре простых, но необязательно легких шага, которые она должна предпринять. На самом деле, эти четыре шага необходимы для каждого из нас, если мы стремимся принимать правильные решения и осуществлять правильный выбор в нашей жизни:

1. Обдумай решение.
2. Соотнеси его с Богом.
3. Доверься Божьему руководству.
4. Ожидай Божьей помощи и обеспечения.

ОБДУМАЙ РЕШЕНИЕ. Бритни приняла жесткое решение, порвав отношения с Мэттом. Но задолго до этого она уже приняла ряд «маленьких», почти незаметных решений. Когда она встречалась с Мэттом, который был неверующим — это был **ее** выбор. Перед тем как впервые позволить Мэтту поцеловать себя, она стояла перед выбором. И когда их отношения перешли порог поцелуев, она опять-таки принимала решение **сама**.

Оглядываясь назад, Бритни не осознавала, что незаметно принимала решения, которые, как внутренние перекрестки в душе, завели ее на неверную дорогу. Но первый шаг, для того чтобы принимать правильные решения в жизни для Бритни и всех нас, заключается в том, чтобы рассмотреть каждое решение, как потенциально хорошее или плохое. Но рассматривать необходимо не в соответствии с тем, что мы сами думаем на этот счет, а лишь в соответствии с объективным стандартом добра и зла.

СООТНЕСИ ЕГО С БОГОМ. Как мы можем узнать, является ли какой-либо поступок или представление верным или неверным?

Сопоставляя его с Богом. Он, и только Он определяет, что хорошо, а что плохо.

Предположим, мы с вами поспорили по поводу длины бревна, которое я срубил. Я измерил его и сказал, что его длина один метр. Вы измерили его своей линейкой и объявили, что его длина не достигает одного метра. Как определить, кто из нас прав? Устроить голосование? Бросить монетку? Может быть, лучше обратимся к более совершенному стандарту измерений?

И, вы знаете, действительно существует совершенный стандарт для таких измерений. Он находится в Севре, во Франции, в штабе Международного бюро мер и весов. Это бюро утверждает и хранит международные стандарты геометрических измерений. Чтобы узнать правду, нам нужно всего лишь подвергнуть обсуждаемый объект испытанию, сравнить его с оригиналом, то есть со стандартом.

Толковый словарь Вебстера определяет *истину* как «соответствие оригиналу или стандарту».

Как мы измеряем геометрические величины, так же должны мы поступать и при определении правильного и неправильного. Для определения истины в области морали мы должны задаться вопросом: а соответствует ли это оригиналу, *стандарту*? И Маври знал, что сравни Бритни свои поступки со стандартом Бога, она узнала бы истину и получила бы ответ. Ведь само понимание о наличии в мире добра и зла обусловлено тем, что существует Творец, Бог Яхве — праведный Бог.

Причина нашего предположения о существовании таких понятий, как «справедливость» и «несправедливость» состоит в том, что наш Создатель — справедливый Бог. Почему любовь — добродетель, а ненависть — порок? Потому что Бог, Который сотворил нас, есть Бог любви. Почему честность — добро, а обман — зло? Потому что Бог честен. Почему целомудрие — этично, а беспорядочные связи — проявление безнравственности? По причине того, что Бог чист. Бог и только Он один устанавливает совершенный стандарт истины. Он определяет, что есть добро *для всех людей, всегда и везде*. Но все же абсолютная истина — это не то, что Бог выбирает, а это то, кем Он является. Такая истина объективна, поскольку Бог существует независимо от нас. Она универсальна, потому что Бог превыше всех. Она неизменна, поскольку Бог вечен. Абсолютная истина абсолютна по той причине, что она исходит от оригинала — от Стандарта.

И если Бритни искренне желает узнать, правильно ли они поступали с Мэттом (в конце концов, ведь они любили друг друга, помните?), то она должна сопоставить свои поступки с Богом. Но как это сделать?

Если бы нам с вами дали задание по физике: определить, какое трение быстрее замедляет движение объекта — трение качения или трение скольжения, как бы мы ответили этот вопрос? Мы бы провели эксперимент. Например, мы бы сели в машину, проехали по пустой парковочной площадке со скоростью тридцать пять миль в час, и в какой-то, заранее оговоренный момент, нажали бы на педаль тормоза. Затем мы вернулись бы на первоначальную позицию, развили ту же скорость и на том же месте нажали бы тормоз со всей силой, но при этом позволяя колесам крутиться. Сравнивая каждый раз расстояние,

пройденное автомобилем до остановки, мы узнаем, что трение качения останавливает объект быстрее, чем трение скольжения.

Но к какому сравнению мы можем прибегнуть, чтобы выяснить, правильны или неправильны добрые интимные отношения между двумя любящими друг друга людьми? Мы можем воспользоваться образцом, который предлагает нам Бог для того, чтобы рассказать людям, мужчинам и женщинам, об истине. В десяти заповедях Бог показывал людям, что хорошо и что плохо (Фактически, Он начал с одной заповеди — «Не ешь с древа познания добра и зла»). Мы можем сравнить наши поступки и мысли с Божьими повелениями, Его *предписаниями*, то есть с тем, о чем Он сказал нам в Писании. Его произнесенное Слово (Писание) указывает на универсальные моральные принципы, которые, в свою очередь, происходят от Самой Личности Бога — Его природы и характера.

Предписание

Немногие люди осознают, что предписания — правила, постановления, законы Писания — всего лишь первая ступень навстречу пониманию основ нравственности. По библейским понятиям, например, сексуальной безнравственностью считаются все внебрачные (включая секс до брака) интимные отношения. Бог ясно показал Свой стандарт через закон: сексуальные отношения вне брака — это плохо.

Предписание ясно призывает:

«Воздерживаться от блуда» (*Деян. 15:29*).

«Бегайте блуда» (*1 Кор. 6:18*).

«Не станем блудодействовать» (*1 Кор. 10:8*).

«А блуд... не должны даже именоваться у вас, как прилично святым» (*Еф. 5:3*).

«Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту...» (*Кол. 3:5*).

«Ибо воля Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда» (*1 Фес. 4:3*).

Но закон или предписания Господа не являются просто длинным списком «можно» и «нельзя», в подробностях расписывающим добро и зло. Они также указывают на важные моральные принципы. Библия говорит нам, что закон ведет нас за руку, как ребенка в школу, к более глубокому пониманию вещей.

Принцип

Принцип — это норма или стандарт, применимый к нескольким типам ситуаций. Чтобы уяснить разницу между принципом и предписанием, подумайте, что принцип — это представление или выражение фундаментальной истины, на которой основано предписание.

Божий закон, запрещающий сексуальное аморальное поведение, не продиктован стремлением подавить свободу Бритни или лишить ее радости.

За «негативной» заповедью стоит позитивный принцип. В сущности, библейская заповедь «бежать блуда», по крайней мере основана на трех позитивных принципах: любви, чистоты и верности.

Библейский стандарт интимных отношений — это стандарт любви. Потому что заповеди: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства», «не пожелай» и все остальные заповеди, какие только есть, суммируются в одно целое, а именно: «люби ближнего, как самого себя». Любовь не причинит вреда ближнему; поэтому любовь — это исполнение закона (*Рим.13:9,10*).

Согласно Библии, любовь является реальностью, когда счастье, здоровье и духовное развитие другого человека важны для тебя в равной мере, как и твои собственные. Когда Слово Божье запечатлеет заповедь «люби ближнего, как самого себя», тогда она не повелевает нам любить ближнего больше, чем себя. Мы должны любить Бога больше, чем мы любим себя, но ближнего мы должны любить так же, как себя.

Проблема же Бритни в том, что у нее неверное представление о любви. В ее понимании любовь — самый величайший определяющий фактор в принятии решения вступать ли в половые отношения. Она поверила, что ее любовь к Мэтту оправдывает ее сексуальные отношения с ним; она думала, что поскольку она любит его, то не грех выразить эту любовь на физическом уровне. Ее ошибка заключается в том, что она принимала за любовь то, что является современной подделкой под истинную любовь. Истинная любовь, по Божьему определению, устанавливает четкие границы секса. Принцип истинной любви требует от нас, чтобы счастье, здоровье и духовное развитие другого человека были бы важны для нас не менее чем наше собственное благополучие, прежде чем любовь оправдает вступление в сексуальные отношения.

Обращаясь к аудитории, я часто говорю, что «любовь оправдывает это». Это утверждение неизменно встречается с удивленными взглядами, особенно со стороны более зрелой части аудитории. И я тут же продолжаю, пытаюсь объяснить принцип «истинной любви».

— Вы думаете, — говорю я, — что истинная любовь обязательно приводит к интимности?

— Вы ожидаете, что она выльется в близость и взаимную связь, скрепляющую двух любящих людей?

Аудитория обязательно отвечает кивками одобрения.

— Вы думаете, — продолжаю я, — что истинная любовь отдается и доверяется? Такая любовь, которая поглощает вас и заявляет обещать: «Буду любить тебя, несмотря ни на что»?!

Снова кивают головы, и студенты тепло улыбаются в знак согласия.

— Вы представляете подлинную любовь, — говорю я, — безопасной и надежной, верной и не имеющей конца?

Все без исключения соглашаются с таким принципом «истинной любви». Допустим, что для подобной любви необходимо надежное ограждение, защита и забота.

Отрывок из Библии (*Еф. 5:28*) еще лучше помогает нам в понимании библейского принципа любви: *«Так должны мужья любить своих жен, как свои тела: любящий свою жену любит самого*

себя». Что значит любить свое тело по Писанию? Следующий стих поясняет: *«Ибо никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее, как и Господь Церковь»*. Слово «питает» — значит «обеспечивать», а «греет» — «защищать».

Видите, Божий принцип любви означает обеспечивать и защищать счастье, здоровье и духовное развитие другого человека так же, как вы заботитесь о себе.

Библейский стандарт секса — стандарт чистоты:

«Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» (Евр. 13:4). Божий стандарт секса предписывает сохранять чистоту и приличие половых взаимоотношений. Бог сотворил секс для наслаждения мужа и жены, для размножения (*Быт. 1:28*), ради духовного единения (*Быт. 2:24*) и для восстановления сил (*Прит. 5:18,19*). Он задуман для того, чтобы образовать неразрывное кольцо, совершенный союз: девушка и юноша, вступающие в исключительно особые отношения. Это кольцо, этот союз, может быть разрушен еще до свадьбы, если один или оба партнера не хранили в чистоте «супружеское ложе», то есть не откладывали секс до брака, когда он может быть действительно «чистым».

Библейский стандарт секса — это также стандарт верности.

«Любовь встретится с верностью» (Пс. 84:11). Это означает, что библейский стандарт секса требует посвящения двух людей для того, чтобы оставаться верными друг другу. Если акт любви должен привести к эмоциональной, физической и духовной близости, как того желает Бритни, то для этого потребуются верность и посвящение. Вот почему брак является центральным фактором в библейском понимании сексуальных отношений, поскольку он скрепляет двух людей воедино в пожизненном посвящении друг другу.

Во время лекционных поездок я часто задаю вопрос молодым людям, пригласившим меня в университетский городок, или после выступления в церкви:

— Храните ли вы верность своей жене? Неженатые ребята отвечают: «Джош, я ведь не состою в браке». Тогда я говорю им, что не нужно быть женатым для того, чтобы хранить верность своему будущему спутнику. Пожизненное посвящение хранить чистоту и быть порядочным по отношению к вашему спутнику призывает вас к верности еще до того, как вы его (или ее) встретите.

Божье предписание касательно человеческой сексуальности основано на библейских принципах любви, чистоты и верности. Эти принципы, в свою очередь, отражают личность Самого Бога.

Личность

Бесполезное дело — знать, в чем заключаются Божьи предписания, и в то же время не знать Личности, от Которой они происходят. Например, Брайан знает, что говорится в Божьем Законе, но не видит смысла в его применении, так как все принципы Закона построены на характере Бога. Конечная цель Бога в каждом предписании — привести людей к познанию Его Самого.

Шебтай знает об этой последовательности. Его рассказы и объяснения иудейских церемоний и законов раскрывают характер Бога. В Библии сказано, что после того как Бог говорил с Моисеем *«лицем к лицу, как бы кто говорил с другом своим»* (Исх. 33:11), Моисей помолился: *«Если я приобрел благоволение в очах Твоих, то молю: открой мне путь Твой, дабы я познал Тебя...»* (Исх. 33:13). Знание Божьих путей — понимание Его законов и стоящих за ними принципов — знакомит нас непосредственно с Богом.

Верность Шебтая в выполнении всех деталей иудейских постановлений, касающихся предметов одежды, приготовления пищи и ее употребления, форм поклонения и молитвы и так далее, постоянно помогает ему помнить о качествах Бога, о том, каков Он. Для него предписания, наставления и моральные нормы Закона Божьего представляют ценную возможность постигать тайну вечного Творца и дают ответ на вопрос, зачем Он вообще дал нам Свой Закон.

Божий Закон не является «вещью в себе» (он обращен к нам). Некоторые Его заповеди описательны (иллюстративны), другие несут практическую функцию, но все они были и являются выражением Его характера. Царь Давид оставил предписание:

«Закон Господа совершен, укрепляет душу;

Откровение Господа верно, умудряет простых.

Повеления Господа праведны, веселят сердце;

Заповедь Господа светла, просвещает очи.

Страх Господень чист, пребывает вовек.

Суды Господни — истина, все праведны» (Пс. 18:8–10).

Обратим внимание на слова Давида, которые он использует для описания Божьего Закона: «совершен», «истина», «светла», «чист» и «праведны». Почему закон обладает такими качествами? Потому что это качества, исходящие от Законодателя — Самого Бога. В конечном счете, как видите, истина не заключается в заповедях, она заключается в Боге. Если бы Закон исчез с лица земли, истина не прекратила бы свое существование, и если не было бы людей, готовых признать принцип, то истина не стала бы менее «истинной», потому что истина — это часть личности Бога, Который вечен.

Следовательно, принципы любви, чистоты и верности, справедливы, поскольку они от Бога и они отражают Его природу и характер. Мы должны сравнивать наши взгляды и деяния с Ним, Оригиналom.

Бог есть любовь. *«Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь. Любовь Божия к нам открылась в том, что Бог послал в мир Единородного Сына Своего, чтобы мы получили жизнь через Него»* (1 Ин. 4:8,9). Любовь — это не то, что Бог делает, а то, чем Он является. И счастье, здоровье и духовное развитие других является для Него более важным, чем забота о Себе, что свойственно Его природе. Вот что и побудило Его послать Своего Сына пострадать и умереть за нас. Божья любовь всегда защищает и заботится о нас.

Бог чист. *«И всякий, имеющий сию надежду на Него, очищает себя так, как Он (Бог) чист»* (1 Иоан. 3:3). Бог постоянно стремился приобщить людей к Своей природе чистоты: он требовал использовать чистое золото при строительстве скинии; Он повелел использовать при отправлении богослужения чистый фимиам. Он требовал приносить в жертву чистых животных. Он велел людям иметь чистые сердца (Мат.

5:8), чистое благочестие (*Иак. 1:27*) и чистые взаимоотношения (*1 Тим. 5:2*). Как сказал пророк Аввакум, Божья чистота такова, что даже «чистым очам Твоим не свойственно глядеть на злодеяния» (*Авв. 1:13*).

Бог верен. «Итак, знай, что Господь, Бог твой, есть Бог, — говорил Моисей израильтянам, — Бог верный, Который хранит завет Свой и милость к любящим Его и сохраняющим заповеди Его до тысячи родов» (*Втор. 7:9*). Вот так верность! Бог хранит завет Свой до тысячи поколений. Как говорил Апостол Павел Тимофею, даже «...если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» (*2 Тим. 2:13*). Другими словами, Бог не может быть неверным, так как верность — это не то, что Он соблюдает, но это то, Кто Он есть. Он не может «Себя отречься», не может противоречить Своему естеству, не может быть кем-то другим, Кем Он не является.

Добродетель чистоты любви, сексуальной чистоты и верности согласно Библии, зиждется на естестве и характере Бога. Бритни только начинает понимать, почему ее взаимоотношения с Мэттом не соответствовали Божьему характеру. Их сексуальная связь не была наполнена любовью, поскольку они недостаточно заботились о счастье, здоровье и духовном развитии друг друга. В их половых отношениях не было чистоты, потому что они имели место не там, где предназначил им быть Бог, и не для того, для чего Он их задумал. Эти отношения также не соответствовали стандарту верности, потому что начались вне особого — на всю жизнь — посвящения брачного завета.

Ее интимная связь была, следовательно, незаконной. Не только из-за несогласия родителей или потому что лидер ее молодежной команды сказал, что это предосудительно, но потому, что это было нарушение Божьего постановления о вступлении в сексуальные отношения. Интимные отношения возможны лишь в рамках супружеского союза, верного и чистого, полного любви.

Теперь мы можем сказать, что принцип чистоты — библейской любви, сексуальной чистоты и верности — относится ко всем людям, всегда и везде.

Рисунок.

Предписание.	Принцип.
Личность.	
«Беги блуда»	Божий стандарт
секса Бог есть любовь.	
(1 Кор. 6:18) основан на любви,	
чис- Он чист и верен.	
тоте и верности (внутри	
брачных отношений).	

Бритни смогла бы понять, что их поведение было безнравственно, если бы она сперва обдумала каждое свое решение в отдельности. У нее был выбор между тем, что объективно хорошо или плохо, независимо от ее собственных чувств или мнений, через сопоставление ощущений и поступков с Богом.

Но определение решения как абсолютно верного или неправильного не исчерпывает всего того, что мы должны знать. Есть два еще более жизненно важных шага, которые мы должны предпринять.

7. Водоем в Вади Идеид

Наступил четверг. Джейсон стоял в сгущающихся вечерних сумерках у входа в женскую палатку. Он окликнул Бритни.

— Заходи, — ответила Бритни.

— Вот уж нет, — сказал Джейсон, смеясь. — Я подожду тебя здесь. Доран может быть здесь поблизости.

Бритни тут же показалась в «дверях» палатки.

— Ты ведь идешь? — спросил Джейсон.

— Да, — ответила она. — Я уже одела купальник. Когда нам нужно идти?

— Ави сказала Филиппу, что мы встречаемся в восемь пятнадцать за общей палаткой. У нас есть полчаса. Дарсел идет?

— Нет. Она сказала, что хочет остаться и написать несколько писем.

— Да, наверное, и мне не мешало бы этим заняться. — Он сделал паузу. — Но не сейчас. Кстати, ты не видала Брайана?

— Нет, а что?

Джейсон пожал плечами.

— Тогда нас всего четверо: ты, я, Филипп и Ави. — *«Всего две пары, — подумал он. — Отлично.»*

— Хорошо, — сказала Бритни. — До встречи в восемь пятнадцать.

Когда Бритни подошла к общей палатке, Филипп и Джейсон уже стояли там в ожидании. Молодые люди были в шортах, футболках и теннисных кроссовках на босую ногу. Бритни одела костюм поверх закрытого купальника. Вскоре после Бритни пришла Ави в раздельном купальнике и с полотенцем через плечо. Она держала в руке фонарь размером с фару автомобиля.

— Тихо, — предупредила Ави. Она включила и выключила фонарь, чтобы проверить, как он работает.

— Чтобы выйти из лагеря, нам придется пройти мимо нескольких палаток. Поэтому — никаких разговоров до того, как я скажу, что мы в безопасности.

Они вышли из лагеря незамеченными, а затем спустились с горы. Солнце садилось на западном вечернем небосклоне. Каждый камешек, каждый выделяющийся предмет в обширной пустыне внизу казался как бы выгравированным острыми тенями. Пока они осторожно направлялись из лагеря по крутой тропе, Бритни обратила внимание на большой одинокий камень, стоявший вдоль дороги.

— Это уже второй, — сказала она, показывая на прямоугольный валун, стоящий на узкой части. — Что это? — спросила она у Ави.

Ави, не замедляя шаг, ответила Бритни:

— Это *менгир*, — сказала она. — Отец рассказывал, что такие камни находятся здесь, возможно, уже четыре или более тысяч лет.

— Так что это? — повторила Бритни. — Это просто скалы? Такое впечатление, что они поставлены сюда для какой-то цели.

— Да, это так... — начала Ави, но ее перебил Джейсон.

— Да, на той стороне ставили знак «Следующая остановка через пятьсот миль».

— Отец думает, что эти *менгиры* обозначали места, где люди делали остановку на пути в Хар Карком. Вероятно, это были места для отдыха и молитв.

— Подожди секунду, — сказал Джейсон. Группа остановилась. Становилось все темнее. — Ты только что напомнила мне... Твой отец, когда вывозил нас из аэропорта, делал остановку где-то посреди непроглядной глуши, выходил из машины, стоял там какое-то время и затем возвращался, не говоря ни слова. Ты не знаешь, что это все значило?

Ави кивнула с серьезным выражением на лице.

— Во время Шестидневной войны там погиб его друг. Отец был с ним. С тех пор всегда, проезжая мимо того места, он поминает своего друга молитвой.

Они молча продолжили свой путь. При приближении к водоему темнота уже вступила в свои права. Полная луна освещала им путь, роняя вокруг свой тусклый свет. Джейсон шел рядом с Бритни и время от времени брал ее за руку или клал ей руку на плечо, когда они шли в окружении скал или через сухой овраг. Захватывало дух от одного только прикосновения к ней, и он с радостью заметил, что она не отталкивала его.

Он пристально наблюдал за Бритни по пути, тяготясь своим бессилием направить их отношения в иное русло, но он напоминал себе, что у них в запасе есть еще пять недель. Чем больше времени она была вдали от Мэтта и рядом с ним, тем больше были его шансы заполнить пустоту, образовавшуюся после разрыва с Мэттом.

Он представлял себя с Бритни держащимися за руки, как они вместе смеются и целуются. Ему так хотелось рассказать ей прямо сейчас о своих чувствах, но он заставлял себя быть терпеливым. *«Пять недель — большой срок, — твердил он про себя, — всякое может случиться».*

Ави включила фонарь и повела группу под отвесными скалами в западной долине вдоль подножия горы.

— Эти водоемы (они по-еврейски называются *гевим*) снабжаются водой из **Вади Идеид** — ручья, который образуется с приходом дождей. Но вода собирается в лужи, и поскольку скала, которая окружает их, достаточно высокая, то вода остается в скважине даже во время засухи.

— Место, куда мы идем, это *оазис*? — спросил Филипп.

— Нет, это всего лишь водоем, скважина. В оазисе больше воды и растительности. Мы уже почти пришли.

— Откуда ты узнала про это место? — спросил Филипп.

— Папа показал мне его два или три года назад. Он сказал мне, чтобы я никогда не ходила сюда без него. И это первый раз, когда я иду сюда с кем-то другим.

Филипп вздохнул.

— Все, что я могу сказать — сочувствую тебе, — сказал он, взяв ее за руку.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю, каково это. Мой отец также помешан на правилах, как и твой. Я знаю, как противно бывает жить с отцом, который постоянно говорит тебе о том, что ты *не должен* делать, куда ты *не должен* ходить и с кем тебе *не следует* общаться. Он сжал ей руку и

одарил сочувствующим взглядом. — Поверь мне, я знаю *в точности* то, через что ты проходишь.

Они осторожно шли по сухому дну ручья. Ави улыбалась и с восторгом посматривала на Филиппа.

— Да ведь мой отец совсем не такой! — воскликнула она. — Я знаю, что отец любит меня, и я его тоже. И я не хочу, чтобы он был другим. С тех пор, как умерла мама, отцу пришлось воспитывать меня одному, и, возможно, он не все делал правильно. Но я всегда знала, что он говорит мне о правилах для моего же блага, чтобы дать мне лучшее и оградить от плохого. Он часто говорит это, но я думаю, что это само собой разумеется. — Она склонила голову, чтобы посмотреть в лицо Филиппу.

— Ты считаешь, что правила твоего отца плохи?

Филипп пожал плечами и фыркнул. Его внимание как будто было приковано к лежащей впереди дороге.

— Если бы я только мог сказать то же про своего отца... — задумчиво сказал он.

Вдруг к Филиппу подошел Джейсон. Неумело пытаясь идти с ним в шаг, он что-то шептал ему на ухо. Затем он снова пристроился к Бритни и наблюдал за тем, как Филипп шепотом передает сообщение Ави.

— Что случилось? — спросила Бритни.

— Да, ничего, — невозмутимо ответил Джейсон.

Мгновение спустя они уже стояли около водоема. Бритни села на каменистую почву у берега водоема и начала развязывать шнурки кроссовок. Филипп и Джейсон скинули свои кроссовки, сняли рубашки и стремительно бросились в воду. Увидев ныряющих Джейсона и Филиппа Бритни расхохоталась.

«*Будет весело*», — подумала она. Ей давно не было так легко и хорошо с парнем, ведь с Мэттом они, кроме страсти да чувства вины, мало что испытывали в последние несколько месяцев.

— Подождать тебя? — спросила Ави.

— Нет, иди, — ответила Бритни, улыбаясь. — У меня шнурок запутался. Я буду через минуту.

Ави сняла свою обувь и с шумом, плеском и брызгами окунулась в воду. Она подплыла к Филиппу и Джейсону, которые кричали и плескались как дети в первый день летнего лагеря.

Бритни как раз развязала узел, когда ее позвал Джейсон. Она посмотрела на водоем.

Трое ее друзей стояли, выстроившись в ряд по пояс в воде. Каждый из них держал в поднятой руке какой-то предмет. Бритни пыталась разглядеть сквозь темноту фигуры своих друзей.

— Прыгай! — закричал Джейсон. — Скидывай одежду! Мы купаемся нагишом! — Они помахали вещами, которые держали в руках и захохотали.

Бритни раскрыла рот, и, несмотря на то, что никого поблизости не было, покраснела до корней волос. Она стояла и напряженно всматривалась в темноту. Наверное, они шутят!

— Давай! — кричали они. — Мы ждем!

Бритни посмотрела на оставленную ими обувь, стоящую неподалеку на каменистой земле. Немного подумав, она быстро

завязала свои кроссовки, встала и побежала обратно в лагерь той же дорогой, по которой они сюда пришли.

— Бритни! — закричал Джейсон. Он увидел на фоне звездного неба, как она бежит в сторону лагеря. Опустив руку, в которой он держал свою футболку, и повернувшись к Ави, размахивающей в воздухе полотенцем, удивленно спросил, — что она делает?

Филипп, который тоже участвовал в небольшой шалости, придуманной Джейсоном, и махал своей рубашкой в воздухе, ответил:

— Она чокнулась, побежала обратно в лагерь.

— Нет! — воскликнул Джейсон. Он перевел свой взгляд с Филиппа на Ави. — Она не станет этого делать. Зачем?

— А ты ожидал, что она будет плавать голой? — спросил Филипп.

— Нет! — снова воскликнул Джейсон. — Конечно, нет. Я просто думал, что мы немного посмеемся, а потом скажем ей о нашей шутке. Я не думал, что она убежит.

Джейсон еще раз позвал Бритни и, не получив ответа, быстро поплыл к берегу. За ним последовали Ави и Филипп. На берегу они встряхнулись, и, натываясь в лунном свете то на тощий куст, то на большой валун, между которыми они одевались, быстро натянули обувь на мокрые ноги.

— Быстрее! Быстрее! — нетерпеливо подгонял Джейсон. — Мы ее не догоним! Он корил себя за происшедшее. Этот вечер был идеальной возможностью изменить ход отношений с Бритни, и он все испортил, как обычно. С внезапной болью он вспомнил, как она говорила ему, что пытается прекратить отношения, которые стали слишком «близкими», и вот, теперь она будет думать, что Джейсон хотел специально заманить ее голой в пруд! Он ощутил слабость и подумал, как было бы хорошо повернуть вспять события последних десяти минут.

— Подожди минуту, я не могу надеть кроссовку. — Филипп скакал на одной ноге, потом ухватился за руку Ави для равновесия.

— Так мы никогда не найдем Бритни, — сказал Джейсон. — У тебя, кажется, был фонарик?

— Он должен быть где-то здесь поблизости. — Ави стала напряженно разглядывать темную землю. Шагнув в сторону большого овального утеса напротив куста, она через секунду зажгла свет.

— По крайней мере, у нас есть свет, — сказал Филипп.

— Да уж, — бросил в ответ Джейсон. — А у Бритни его нет.

Бритни в растерянности бежала прочь от водоема по уже пройденному ею пути.

«Не могу им поверить, — думала она, — никто ничего не говорил насчет такого времяпрепровождения».

Лунный свет разбрасывал четкие тени на дороге, и она все время удивлялась, почему на пути к водоему тропа была не совсем такой, как сейчас. Она начала задыхаться из-за трудности движения вверх по склону на пути в лагерь.

— Не могу им поверить, — произнесла она вслух. Звук ее голоса в этом причудливом затмении пустыни казался умиротворяющим. — Джейсон, бывало, делал глупости, но чтобы он был способен на такое... Это просто нехорошо, они должны понимать, что это плохо!

Она остановилась. Что-то рядом с ней зашевелилось. Она услышала звук, как будто кто-то или что-то пнуло камешек. Что-то двигалось там, в той темноте, в ночи. Она напряженно вгляделась в тени от утесов и валунов, которые были разбросаны там и тут по каменной пустыне.

У нее не было никакого представления о том, какие животные обитают на этой суровой земле. Она вспомнила о существе, которое проскользнуло перед ней несколько дней назад в лагере между палатками, и подумала, как хорошо было бы сейчас оказаться в своей палатке и спокойно спать.

Она пыталась сдерживать свое волнение и напряженно вслушивалась в ночную тишину. Наконец она успокоилась, облизала губы и, восстановив дыхание, весело зашагала по тропе.

Внезапно она снова остановилась. Ей послышался другой звук, на этот раз совершенно не похожий на звуки, издаваемые животными. Она застыла и на мгновение, которое показалось ей десятью минутами, задержала дыхание, пока выдох не вырвался на свободу. Вздохнув полной грудью, она вновь прислушалась.

Все-таки ей удалось различить, раздававшийся впереди нее и, возможно, немного справа, какой-то шум. Ей показалось, что это был приглушенный голос или шепот. Она стала осторожно пробираться навстречу звуку, забыв про темноту и опасности, занимавшие ее мысли всего лишь несколько секунд тому назад.

Дорога впереди нее делала поворот. Бритни пошла по ней дальше. Звук был прерывистым, и ей приходилось часто останавливаться. Постояв несколько мгновений в неподвижности, она затем продолжала осторожно идти в направлении шума.

Бритни сошла с тропы и вскоре наткнулась на два небольших вьющихся дерева акации, растущих около сухого оврага пустыни. Между деревьями стояла машина.

Она приблизилась на расстояние примерно десяти метров от автомобиля и замерла. В окнах она смогла различить силуэты двух людей. Бритни понимала, что в таком положении ей трудно остаться незамеченной. Пятясь назад, она споткнулась о камень, который хрустнул под подошвой ее ботинка.

Оба человека в машине обернулись в ее сторону. Бритни быстро нырнула обратно, пытаясь укрыться за утесами в окружение теней. Пока два озадаченных лица в машине всматривались в ночную темноту, она стояла в полной неподвижности. Через некоторое время люди в машине вернулись к прерванному разговору. А Бритни прокралась обратно на тропу. Она узнала обоих пассажиров: это были Брайан Роудс и Сюзен Аренс, та девушка, с которой они недавно познакомились.

Найдя вновь дорогу, ведущую в лагерь, Бритни стала быстрым шагом подниматься вверх по склону. Мысли ее больше не вращались вокруг ее воображаемых опасностей или подозрительных звуков: она думала о Брайане. Она не могла поверить, что это был Брайан. Сюзен слишком молода для него. Все это было как-то нелепо. И откуда у него машина? Мама Сюзен, конечно, работает здесь археологом, но она, уж точно не пустила бы Брайана с Сюзен на лихую прогулку по пустыне. *«Сюзен, должно быть, нашла ключи от машины, — сообразила она, — и все же в это так трудно поверить!»*

Вернувшись в лагерь, Бритни почувствовала, что немного вспотела от трудной пробежки по горной тропе на прохладном ночном воздухе. От такой неожиданной физической перегрузки боль в икрах уже давала о себе знать. Она тихо и незаметно прокралась через спящий лагерь к своей палатке.

Открыв завесу-дверь, она прошла на цыпочках мимо пустой кровати и остановилась. Свет полной луны озарял убранство палатки бледным сиянием. Она немного постояла в тишине перед койкой Дарсел, наблюдая за спокойным дыханием спящей подруги. Наконец она подошла к своей постели. Забравшись под одеяло, Бритни стала размышлять над событиями вечера. Джейсон повел себя благородно, когда она рассказала ему про Мэтта. Она уже начала верить, что Джейсон другой и то, что ожидал от нее Мэтт, было требованием, лишенным оснований. Но теперь, после всего происшедшего на озере и ее нечаянного столкновения с Брайаном в компании Сюзен, может быть, она была права? Возможно, она была наивной, надеясь, что какой-нибудь парень будет любить ее за человеческие качества, а не за то, что он мог бы получить от нее какое-то удовлетворение. Может быть, она поступала несправедливо, рассчитывая, что Мэтт будет ждать четыре или пять лет того, что другие девушки могут предложить ему прямо сейчас?

Она заставила себя закрыть глаза и очень хотела забыть об этой ночи, забыть обо всем на свете.

Джейсон, Ави и Филипп уже давно разошлись по своим палаткам, когда в лагерь въехал автомобиль миссис Арнс, за рулем которого был Брайан. Подъезжая к россыпи из залитых лунным светом палаток, он выключил фары. Брайан резко нажал на тормоз около палатки Сюзен, и тяжелая машина еще несколько метров двигалась юзом по грязной и усыпанной гравием земле. Дотянувшись до того места, где сидела Сюзен, молодой человек запечатлел на ее губах продолжительный прощальный поцелуй.

Сюзен выскочила из автомобиля и через мгновение беззвучно проникла в свою палатку, а Брайан поехал на окраину лагеря, где находилась стоянка машин.

Внезапно прямо перед ним на узкой каменистой тропе возникла человеческая фигура. Брайан резко затормозил, и автомобиль остановился на расстоянии нескольких сантиметров от затененной фигуры солдата. Брайан начал вглядываться широко раскрытыми глазами через ветровое стекло: силуэт в униформе целился прямо в него из ружья.

— Выходите, — сказал мужчина. — Медленно выходите.

8. Арест

В субботу в Хар Каркоме было тихо до семи часов утра. Несмотря на то, что всего лишь несколько человек из персонала и волонтеров, подобно Шебтаю Левиту, соблюдали законы иудаизма субботу, тем не менее, здесь чтити: экскаваторные работы приостанавливались, у всего штата работников был выходной день.

В субботний день волонтеры заботились о себе сами. Обед не готовился, но для тех, кто остался в лагере, была открыта кухня.

Большинство местных жителей уезжали на субботу домой. Многие ездили в выходной день на экскурсии по памятным местам. От всех, правда, требовалось возвращаться не позднее девяти часов вечера, поскольку сигнал отбоя звучал каждый день недели в одно и то же время.

Когда Джейсон и Филипп зашли в общую палатку, Бритни и Дарсел ели завтрак из кукурузных хлопьев и козьего молока (неотъемлемый признак жизни в лагере, к которому Бритни все еще не могла привыкнуть). Мальчишки пробубнили слова приветствия девушкам и в полусонном состоянии проследовали на кухню.

Вернувшись к столу, они уселись напротив Дарсел и Бритни. Джейсон очень хотел поговорить с Бритни по поводу вчерашнего и попросить прощения, но не знал, рассказала ли она о случившемся Дарсел, и боялся еще сильнее испортить свои отношения с Бритни, заставив ее своим разговором снова почувствовать себя неловко. После своей странной ночной шутки он решил, что если до этого и была какая-то надежда занять место Мэтта в сердце Бритни, то теперь эта надежда была полностью потеряна. Он посмотрел на Бритни, ища на ее лице поддержки, и не нашел. Она даже не смотрела в его сторону.

Вдруг Филипп уперся локтями на стол и, наклонившись над своей тарелкой, заговорщически прошептал, обращаясь к Дарсел и Бритни:

— Слыхали о Брайане?

Бритни нервно заерзала на расшатанной скамейке. Она не пыталась скрыть свое раздражение по отношению к Джейсону и Филиппу, но вопрос Филиппа все же привлек ее внимание.

Неужели он знает о Брайане с Сюзен? Она взглянула на Дарсел и потом снова на парней.

— Нет, — сказала она жестко. — А что?

— Сегодня ночью его арестовали. Думаю, один из охранников поймал его после отбоя. Он, кстати, разъезжал по лагерю на машине.

— Он был один? — быстро спросила Бритни.

— Ну да, — ответил Филипп. — Почему ты спрашиваешь об этом?

Во время разговора Джейсону было по-настоящему нелегко. Бритни все еще не разговаривала с ним, а обращалась исключительно к Филиппу.

Не ответив на вопрос Филиппа, Бритни спросила, что с ним собираются делать.

В ответ Филипп пожал плечами и засунул в рот полную ложку каши.

— Не знаю, — промямлил он, пережевывая еду. — Возможно, ему просто сделают замечание. Может быть, и не одно.

Беседа приостановилась, когда в общую палатку вошел Брайан. Он прошествовал на кухню, ни на кого не глядя. Минуту спустя он вышел с тарелкой каши и стаканом апельсинового сока. Выбрав стол в дальнем углу палатки, он сел спиной ко всем. Дарсел взяла свои столовые приборы, быстро шепнула несколько слов остальным и пошла к столу Брайана, чтобы присоединиться к его одинокой трапезе.

Как только Дарсел ушла, Джейсон нагнулся к Бритни.

— Послушай, насчет вчерашней ночи...

Бритни покраснела.

— Забудь об этом, хорошо? — она не смотрела ни на Джейсона, ни на Филиппа.

— Нет, послушай, мы на самом деле не купались без одежды.

Она подняла глаза и осторожно взглянула на Джейсона.

— Это была всего лишь шутка, и все, — сказал он. — Мы размахивали рубашками...

— А Ави своим полотенцем, — вмешался Филипп.

— Я бы не дал тебе... — он протянул руку через стол и взял ее тонкую ладонь. Бритни не отстранила руки.

— Это была моя идея, и я чувствую себя ужасно. Это была просто глупость.

Бритни и Джейсон смотрели друг на друга, не отводя глаз.

— Прости, что я все испортил, Бритни, — сказал Джейсон после длительной паузы. Он хотел сказать больше. Он хотел бы рассказать, как ему тяжело, и почему ему тяжело... сказать о том, что он хотел быть для нее больше, чем просто другом.

— Я не хотел поставить тебя в неловкое положение или рассердить. Такой уж у меня скверный характер.

Она снова покраснела, на этот раз застенчиво улыбаясь.

— Все хорошо, — сказала она и опустила глаза. — В любом случае, я не должна была так испытывать судьбу... с двумя замечаниями, которые уже заработала.

Она немного помолчала.

— А вы сами вернулись ночью к себе в палатку благополучно? Вас не поймали?

— Нет, — отвечал Филипп.

— И теперь мы должны помалкивать об этом, — прошептал Джейсон.

— Особенно я, — сказала Бритни. — Помните, у меня два замечания. Еще одно, и меня здесь не будет.

— Итак, мы просто должны держать рот на замке по поводу вчерашнего, и все будет в порядке. Согласны? — Джейсон посмотрел на Бритни, которая одобрительно кивнула, и перевел взгляд на Филиппа.

Суббота в Хар Каркоме подходила к концу, когда коричневый джип с грохотом въехал в лагерь, подняв за собой столб пыли, который повис в воздухе после того, как машина остановилась. Человек с вьющимися волосами и в солнечных очках вышел со стороны пассажирского сиденья. Солдат-израильтянин, который вел машину, с ловкостью занял позицию боевой готовности, и вместе они направились к жилищу руководителя раскопок.

Несколько минут спустя они показались снова и прошествовали к палатке, в которой жили Филипп, Джейсон и Брайан.

Когда трое мужчин вошли внутрь, они застали Брайана и Филиппа лежащими на кроватях. Джейсон сидел на краю постели Брайана, играя в карманную видеоигру.

— Батарейки садятся, — сказал Джейсон Брайану, который склонился над своей игрой. Когда зашли трое мужчин, он удивленно уставился на них.

— Брайан, — обратился Шейбтай. — Эти люди хотели бы задать тебе несколько вопросов.

Брайан поднял голову.

— Зачем? — спросил он. — Что происходит?

— Извольте пройти вместе с нами, — сказал человек в солнечных очках. Шебтай протянул руку, как будто пытаясь удержать мужчин от дальнейшего проникновения в палатку. Он громко вздохнул.

— Этой ночью в Мицпе Рамон произошло одно событие. Было совершено нападение на бакалейную лавку арабской семьи. Стены были разукрашены антиарабскими лозунгами. Было замечено, что совершивший это скрылся на одной из наших машин.

Трое ребят удивленно переглянулись.

— Итак, — сказал Брайан, — Какое отношение это имеет ко мне?

— Доран доложил мне, что ты в эту ночь поздно вернулся в лагерь... на одной из этих машин.

Брайан сел и спустил ноги на пол. Яркая краска волной поднималась у него вверх от затылка.

— Вы думаете, что это сделал я?

Трое израильтян и трое юношей-американцев в молчании смотрели друг на друга. Солдат тихо встал. Его ружье свешивалось с плеча в строго вертикальном положении, указывая дулом в крышу палатки.

Брайан прервал тишину криком негодования.

— Это ложь!

— Вы пойдете со мной, — отрезал человек в солнечных очках.

Солдат взял ружье в обе руки. Дуло по-прежнему смотрело вверх, но движение выглядело угрожающим.

Шебтай повернулся в сторону двоих мужчин.

— Минуту, — твердо сказал он. — Нет причины...

— Это вопрос национальной безопасности, — громко ответил человек.

— Вы не можете входить в мой лагерь и арестовывать одного из моих волонтеров!

— Я ничего не делал! — вскрикнул Брайан, на что Шебтай и его оппонент не обратили внимания, горячо споря.

— Да что вы все не можете выслушать меня? — Он обернулся к Филиппу и Джейсону. — Скажите же вы им, что не я это сделал!

Филипп и Джейсон растерянно смотрели на Брайана. Шебтай и чиновник в солнечных очках говорили на иврите, причем оба одновременно.

— Не могу поверить, что это происходит наяву, — сказал Брайан. — Это сумасшествие! Это место какое-то ненормальное.

Он повернулся к Филиппу и Джейсону и начал как будто оправдываться перед ними.

— Не делал я этого. Все, что я сделал, это... — он остановился на полупhrазе.

— Подождите! Я могу это доказать! — внезапно на лице Брайана изобразилось озарение. Он встал и громко прервал двух спорящих израильтян.

— Я могу доказать, что это сделал не я.

Трое мужчин пристально посмотрели на Брайана.

Он старался рассуждать спокойно, но голос его дрожал от внутреннего напряжения.

— Я действительно выезжал на машине в эту ночь, но я не подъезжал и близко к тому месту, о котором вы говорите. Я был вместе с девушкой, — он метнул быстрый взгляд на Джейсона и Филиппа. — Сюзен Аренс. Все, что вам нужно, это поговорить с ней.

Шебтай по-английски заговорил с человеком с вьющимися волосами и пояснил, что мать Сюзен — это специалист в области древней истории. Она работает на раскопках. Тот кивнул. Шебтай и Брайан повели солдата и чиновника к палатке Сюзен Аренс. Филипп и Джейсон пошли за ними.

Шебтай представил чиновника матери Сюзен по-еврейски, затем объяснил ситуацию и передал ей слова Брайана о том, что накануне вечером он находился в компании ее дочери.

Миссис Аренс позвала Сюзен. Та в один миг появилась у входа в палатку, как будто уже знала обо всем.

Ее мать быстро заговорила с ней по-итальянски. Брайан и все остальные наблюдали, как глаза четырнадцатилетней Сюзен становились все шире. Она отвечала матери шквалом слов и жестов. С тех пор как она вышла из палатки, она ни разу не посмотрела на Брайана. Несколько мгновений спустя поток ее слов иссяк, и, замолчав, она скрестила руки на груди.

Миссис Аренс повернулась к Шебтаю.

— Сюзен говорит, что знает юношу, — сказала она, кивая головой на Брайана. — Она говорит, что, когда она была в Мицпе Рамон, этот юноша рассердился, когда ээ... торговцы последовали призыву к полуденной молитве.

— Это так? — спросил человек в солнечных очках Шебтая.

— Она говорит, — продолжала миссис Аренс, обращаясь к Шебтаю, — что вы должны были предостеречь его, чтобы он не совершил какой-нибудь глупости.

— Это так? — требовал ответа чиновник.

Шебтай вздохнул.

— Да, это так. — Он посмотрел на миссис Аренс. — Но вы не сказали, была ли она с молодым человеком в эту ночь...

Миссис Аренс обратила на свою дочь строгий взгляд и заговорила с ней по-итальянски. Сюзен не сводила глаз с лица матери. Она ответила одним единственным словом, которое было понятно каждому без перевода.

— Нет, — тихо сказала она.

— Что! — запротестовал Брайан. — Она лжет! — он шагнул в сторону Сюзен. Шебтай крепко держал его за руку. — Ну, скажи же правду, Сюзен! Они хотят меня арестовать!

— Вас не арестуют, — сказал израильский чиновник без каких-либо эмоций, переводя взгляд из-под темных очков в сторону Шебтая. — Вас вышлют обратно в вашу страну, — произнес он, не смотря на Брайана.

— Вы не должны *делать* это, — возразил Брайан. — Я ни в чем не виноват, — настаивал он. Голос его сел до хрипоты.

Все стояли в молчании, пока Шебтай не обратился к Брайану. На его лице выразилась боль. Джейсон и Филипп, затаив дыхание, наблюдали за развитием событий.

— Я ничего не могу поделать. Ты соберешь свои вещи, — сказал Шебтай, смотря на Брайана, — и поедешь обратно домой в понедельник рано утром.

Брайан вытянул руки вперед, вверх ладонями, как нищий, просящий подаяния. Он буркнул что-то несколько раз, как будто страстно пытаясь объяснить то, что не подлежит описанию словами.

Наконец он смог заговорить.

— Я не делал этого, — сказал он. — Я и близко не подъезжал к тому месту в эту ночь. — Он бросил умоляющий взгляд на Сюзен, но она нырнула к себе в палатку, а за ней и ее мать.

9. Тест из вариантов ответов

Брайан вернулся в свою палатку упаковывать вещи, в то время как Джейсон и Филипп побежали к палатке Бритни и Дарсел, чтобы рассказать девушкам о случившемся. Они встали у палатки, настойчиво требуя их появления на улице. Вскоре вышла Дарсел, а за ней, немного погодя, и Бритни. Судя по всему, она была разбужена их криком.

Когда юноши рассказывали шокирующую новость о визите израильского солдата и служащего, о Сюзен и ее матери, лицо Дарсел приняло озабоченное выражение. Бритни побледнела и закрыла рукой рот.

— Ведь ты, правда, не думаешь, что это дело его рук? — спросил Филипп. Ему плохо удавалось скрывать свой восторг при мысли о причастности Брайана к происшедшему.

— Нет, — тихо ответила Дарсел. — Он не стал бы.

— Я согласен с Дарсел, — сказал Джейсон. — Я имею в виду, что Брайан не может решиться на такое.

— Ты думаешь, он действительно был с той девчонкой? — спросил Филипп.

— Но это ведь не настолько важно, правда? — сказал Джейсон. — Он находился вне территории лагеря в машине после отбоя. Если девчонка не вступится за него, он пропал.

— Как Брайан на все это отреагировал? — спросила Дарсел.

— Ничего. Думаю, нормально. Могло бы быть хуже. — Джейсон улыбнулся. — Никого не обозвал неумытым язычником или безбожным невеждой.

— Я рад тому, что он уезжает, — резко сказал Филипп. Остальные посмотрели на него с удивлением. — Конечно, мне жаль, что все так вышло, но он начал действовать мне на нервы. Я имею в виду, что он рассказывал вчера на раскопках какому-то африканцу-пижону о том, что тот потерял и идет в ад без Иисуса.

— Что ж, Филипп... — начала Дарсел, но Филипп оборвал ее.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, Дарсел. Он говорил об Иисусе, — сказал Филипп саркастически-приторным тоном. — Ситуации вышла просто нелепая. И тот африканский тип определенно не хотел все это слушать.

— Должен признаться, что атмосфера стала бы здесь куда приятней, если бы Брайан уехал.

Бритни повернулась, и, не говоря никому ни слова, нырнула к себе в палатку.

— Не могу поверить вам двоим! — воскликнула Дарсел. — Я хочу разыскать Шебтая. Может быть, есть еще возможность исправить все это безобразие.

— Это хорошая идея, — сказал Джейсон — Я пойду тоже. — Он обратился к Филиппу. — А ты как?

Филипп покачал головой.

— А я помогу Брайану собрать свои вещички. — Он довольно улыбнулся.

Бритни скинула босоножки и свернулась калачиком на своей постели. Она повернула лицо к дальней стене палатки и уткнулась взглядом в полосы на поблекшей материи. Весть о беде Брайана поразила ее. Она была единственным человеком, кроме Брайана и Сюзен, которая знала правду о том, куда ездил Брайан и что делал в ту ночь. Но никто не подозревал о том, что она могла об этом знать.

«Но я ничего не могу сказать, — размышляла она, — потому что, если я признаюсь, что видела Брайана и Сюзен в машине у подножия горы, то должна буду признать и то, что была за территорией лагеря после сигнала отбоя. Это будет мое третье замечание, и меня отправят домой вместо Брайана.

Но те два замечания были глупостью, — заметила она в свою защиту, — в том не было моей вины».

Она закрыла глаза и обхватила руками голову. *«По крайней мере, это ведь Брайан, — утешала она себя. — Я бы действительно расстроилась, окажись на его месте Джейсон или даже Филипп. Но Брайан — такая заноза и вполне заслуживает, чтобы его отправили домой. — Она вспомнила о поведении Брайана на самолете и в Мицпе Рамон. — И неудивительно, что его подозревают во всем этом деле в бакалейной лавке».*

Она начала вспоминать события прошедшей ночи: прогулка на водоем с Ави, Филиппом и Джейсоном, ее смущение при мысли о том, что они купаются без одежды, бегство в лагерь вверх по горе, машина, в которой она увидела Брайана и Сюзен. Их лица в лунном свете, всматривающиеся в ее сторону...

«В каком-то смысле, он виноват во всем этом. Он не должен был быть там, вместе с Сюзен на переднем сиденье. Она слишком мала для него. Он, видимо, просто хотел погулять с ней, поскольку не мог заполучить Ави».

Она вынула подушку из-под головы и прижала ее к груди.

«Кроме того, если бы я рассказала кому-нибудь о том, что я знаю, то поставила бы в затруднительное положение не только себя. Заодно пришлось бы выдать и Ави с Филиппом и Джейсона, у всех них тогда были бы неприятности. Выдать тайну своих друзей — разве это хорошо?»

Она сделала кувырок и села на краю постели. *«И не в тюрьму же его собираются посадить, Бритни! — твердила сама себе. Она откашлялась, как будто собираясь заговорить. — Он всего лишь поедет домой. Это не будет трагедией ни для кого. Возможно, я своим молчанием окажу добрую услугу всем, включая Брайана. Наверняка, его и без этого отправили бы раньше срока домой».*

— Все, что тебе нужно сделать, — произнесла она вслух, оглядываясь вокруг себя для уверенности, что никто не слышит, — так это держать рот на замке и ждать, пока все это закончится.

Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула. Голос, звучащий в ее голове, настойчиво убеждал: «Ты поступаешь правильно, Бритни Марш».

Она улыбнулась с тайным чувством удовлетворения.

* * *

— Превосходно! — демон-очкарик Маври почесал свою черепашую головку и зафыркал от восторга. Он поглаживал стоящий перед ним на командной консоли замысловатый аппарат словно это был мурлыкающий кот.

Челюсти Рэтсбэйна расплылись в отвратительной ухмылке. Наблюдая за работой начальника, он говорил себе, что Маври не сделал ничего такого, что сам Рэтсбэйн не сделал бы так же или даже лучше.

— Она клюнула, — сказал Маври, гикая в ликовании. — Она клюнула, как глупая рыбешка хватая наживку на крючке рыбака!

Маври вдруг встал со своего кресла на колесах и отобрал управление командным пультом у Рэтсбэйна.

Величественным взмахом он показал Рэтсбэйну на кресло.

— Можешь возвратиться в свою позицию, демон Рэтсбэйн, — торжественно заявил он.

Рэтсбэйна слегка передернуло от отвратительного поведения своего начальника, ему очень хотелось заехать ему прямо в глаз. Плавно вписавшись в кресло, он расположил свои тонкие лягушачьи перепонки на клавиатуре.

— Даже *ты* не смогла помешать на этот раз, — сказал Маври. — Я устроил все со своей привычной гениальностью. — Он ткнул пальцем в изображение Бритни Марш на экране. — Угрожающие рассказы того старого типа уже начали действовать на нее... но я очень мило перевернул все вверх тормашками, так сказать. — Он покачал головой с чувством самоудовлетворения. — Я добился того, чтобы она ориентировалась на свои эгоистичные интересы, а не на то, что правильно и неправильно... или даже на то, что хорошо для нее в перспективе будущего. — Маври не улыбался, но глаза его искрились от удовольствия. — Она пляшет под мою дудку.

Рэтсбэйн быстро набрал команду, и изображение Бритни на экране расплылось, а затем плавно перешло в изображение Дарсел и Джейсона, идущих вместе в направлении палатки Шебтая и Ави.

— Эти двое по-прежнему опасны, — заметил Маври.

— Расскажи мне об этом, — сказал Рэтсбэйн. Его визгливый голос выдавал досаду. — Они были *жалом во плоти* для меня со времен восстания в Весткасле. — Он издал истошный пискливый рык, увидев изображение на экране.

— Мой отвратительный помощник, вот тебе урок, — сказал Маври. — Начиная с этого момента, мы должны сделать так, чтобы они думали только о себе, и затем заставить их рассуждать о том, что хорошо и что плохо, руководствуясь собственными эгоистичными интересами и удовольствиями.

Он оперся своей чешуйчатой лапой на стол и устремил взгляд в экран.

— Включи других двоих, — скомандовал он Рэтсбэйну, — я посмотрю, как у них дела.

Краски на экране слились в одно пятно, затем воспроизвели фигуры Филиппа и Брайана, которые вместе пытались закрыть молнию переполненного чемодана Брайана.

— Эти двое, — сказал Маври, — хорошо послужат моим целям. *Весьма хорошо*. Ни один из них не имеет и понятия, как отличить добро от зла. Филипп сопротивлялся атакам Врага действительно неплохо. — Он замахнулся рукой на изображения на экране, словно пытался прихлопнуть комара. — Да и Брайан видит свои отношения с Врагом лишь, в свете соблюдения всяких «можно» и «нельзя». Маловероятно, что он в ближайшем будущем узнает истину.

— Хе-хе, — закудахтал Рэтсбэйн, — Хе-хе-хе.

Маври шлепнул своего помощника по затылку.

— Ты что, снова смотришь кабельное телевидение?

По ту сторону рассказа: доверься Божьему руководству

Бритни снова в переделке. В самом деле, как будто ей не хватает проблем и без этого! Она стоит перед выбором: держать рот на замке и позволить Брайану понести наказание за то, в чем он вовсе не виноват. Или она может рассказать правду, что освободит Брайана от ложных обвинений, но у других ее друзей из-за этого будут неприятности. В этом случае серьезные последствия грозят ей самой, так как третье замечание неизбежно означает отправку домой.

Бритни не знает, какой из вариантов правильный. Верно ли допустить, чтобы Брайана обвиняли в поступке, к которому он не имеет никакого отношения? Правильно ли навлечь неприятности на Джейсона, Филиппа и Ави? Разве вообще может быть добрым делом втягивание своих друзей в неприятности? Неужели это плохо — просто промолчать?

Снова Бритни пытается самостоятельно решить вопрос о том, как правильно поступить, оценивая ситуацию и мысленно подбирая наиболее легкий и выгодный вариант.

Все это, конечно, происходит по подстрекательству Рэтсбэйна и Маври, потому что они знают, что могло бы произойти, если бы Бритни пришла к решению, основанному на тех принципах, которыми с ней поделился Шебтай. Они знают, что сопоставление ее поступков и взглядов с Богом не только помогло бы ей найти правильный выход в сложившейся ситуации.

ДОВЕРЬСЯ БОЖЬЕМУ РУКОВОДСТВУ. Бритни старается оправдать свое молчание в ситуации с Брайаном. Ведь, как она полагает, вполне допустимо ничего не говорить и позволить, чтобы Брайана обвиняли за происшествие в городе. Голос в ее сознании убеждал: *«Ты поступаешь правильно, Бритни Марш»*.

Но правильно: хранить молчание или все-таки нужно все рассказать? Вместо того чтобы сравнить свои намерения и поступки с тем, что говорит Бог, она просто решает молчать в угоду своему

субъективному представлению, поэтому ей кажется, что молчание вполне оправданно.

И до тех пор, пока она будет пытаться разрешать нравственные вопросы сама по себе, ей невозможно будет положиться на Божье руководство в данной ситуации. У нее необъективное восприятие. Ее эгоистичные интересы заслоняют истину.

Чтобы довериться Божьему руководству, Бритни нужно отвернуться от своего эгоизма и принять Бога в качестве своего стандарта. Для этого ей в первую очередь нужно задать себе вопрос: «Какие предписания или заповеди Божьи соотносятся с моей ситуацией?».

Явившись Моисею на горе Синай, Бог дал нам некоторые очень конкретные повеления:

Не крадите.

Не лгите.

Не обманывайте друг друга.

Не клянитесь ложно...

Не обижай ближнего твоего и не грабительствуй (*Лев. 19:11-13*).

С помощью заповедей Бог достаточно ясно показал людям, — вам, мне и Бритни, что обман является злом.

Божьи заповеди против обмана заключают в себе позитивный принцип. Он как зонт во время дождя, служащий для защиты каждого, кто не преступает опасную черту.

Конечно же, мы говорим о принципе честности — качестве, говорящем о правдивости, «прозрачности» и надежности. Честность во многих случаях определяется тем, что она не будет делать.

Честность не завладеет чужим имуществом с помощью обмана. «Не обманывайтесь, — предупреждал Апостол Павел, — ...хищники (от слова “хищение” — Примеч. переводчика) Царства Божия не наследуют» (1 Кор.6:10).

Честность не станет красть. Цель честного человека «не красть, но оказывать всю добрую верность» (Тит. 2:10).

Честность не солжет. «Посему, — говорит Библия, — отвергнув ложь, говорите истину каждый ближнему своему» (Еф. 4:25).

Бритни полагает, что нет ничего предосудительного в том, чтобы промолчать и не сказать правду о Брайане. И, безусловно, в Писании не найдешь фрагмента, гласящего: «О Брайане не умолчи». Но притом, принцип честности включает в себя «прозрачность» и прямоту. Если Бритни сравнит свои действия с Божьим принципом честности, то поймет, что ее молчание прячет истину и фактически является одной из форм обмана.

Но принцип честности не является ценным сам по себе. Он ценен тем, что происходит от естества и характера Бога.

Честность хороша (и нечестность плоха) постольку, поскольку Бог истинен. Истина — это не просто то, что Бог делает или чем Он располагает, но это Его сущность.

В пустыне Хорив Моисей воспевал Бога: «Он твердыня; совершенны дела Его... Бог верен, и нет неправды в Нем; Он праведен и истинен» (*Втор. 32:4*).

Бог является Богом истины и в Нем нет никакой лжи. Из этого следует, что Его естество называет честность добром, а нечестность, обман и ложь — злом.

РИСУНОК. Личность.

Бог честен.

Принцип.

Честность.

Предписание.

«Не лги, не кради, не обманывай» (*Исх. 20:15,16 и Лев. 19:11–13*)

Если Бритни увидит Бога таким, какой Он есть, правдивым и истинным по Своей природе, то она поймет, что обман в ее ситуации неприемлем, а только честность должна иметь место. Честность существует не для закона, который гласит: «говори все, что знаешь», но для Бога истины, Который требует ясности и прямооты от всех людей, всегда и везде.

10. Происшествие в горах

Бритни достала расческу из пыльного чемодана. Проведя ею по волосам, она забрала распущенные пряди в крошечный хвостик и закрепила его цветной заколкой.

«Хорошо было бы искупаться, — подумала она. — В конце-то концов».

Бритни подумала, что из всех лишений жизни в Хар Каркоме — изнуряющий труд, жара, палатки, пыль, питание (которое, казалось, состояло в основном из помидоров и огурцов) — самым худшим был недостаток воды для умывания, из-за чего проживающим в лагере приходилось принимать душ только один раз в неделю.

«Не верится, что у меня могут быть такие грязные волосы», — подумала она.

У входа в палатку появилась Дарсел. Она кивнула головой, показывая на юг.

— Шейтай готов взять нас на обещанную пешую прогулку. Ты готова?

Бритни кивнула.

— Конечно. — Она бросила расческу на чемодан и протянула руки за кроссовками. Она машинально повернула их кверху подошвой и потрясла — привычка, которую она приобрела за последние несколько дней после того, как услышала рассказы о местных скорпионах, которые зачастую находили себе укрытие в обуви.

Завязывая шнурки, она спросила, поможет ли Шейтай Брайану, и затем встала на ноги.

Лицо Дарсел омрачилось. Она покачала головой.

— Если Брайан не сможет доказать свою непричастность к инциденту, то Шейтай ничем не сможет ему помочь.

Бритни уставилась в пол.

— Очень плохо.

— Да, — согласилась Дарсел. — Я пыталась уговорить Брайана пойти вместе с нами, но так и не смогла. Он сильно расстроен.

В общей палатке Бритни и Дарсел встретили Джейсона и Филиппа; несколько минут спустя появились Шебтай с Ави. Все шестеро траурно-печальным тоном обсуждали ситуацию с Брайаном.

Это продолжалось до тех пор, пока Дарсел не подошла к Шебтаю и сказала:

— Если мы хотим вернуться до наступления темноты, то не пора ли нам отправиться?

Шебтай улыбнулся.

— Об этом беспокоиться не стоит. — Он поднял глаза к небу, хлопнул в ладоши один раз и призвал всех следовать за ним.

Дарсел шла ровно в шаг с Шебтаем. Джейсон и Бритни пошли рядом, а Филипп нежно сжал ладонь Ави в своей руке и шел, слегка отстав от остальных.

— Вы уже знаете о многих сокровищах Хар Каркома, — сказал Шебтай, когда они подбирались к вершине горы, напоминающей по своей форме ломоть хлеба. — Вы видели образцы религиозного наскального художества, некоторым из них четыре или пять тысяч лет, и это свидетельствует о том, что это место было почитаемым уже многие-многие годы.

— Это, — продолжал он, показывая на грубый вертикальный столб из камня, подобный тому, на который обратила внимание Бритни в предыдущую ночь, — *менгир*. — Он произнес это слово так быстро, что его можно было бы спутать со словом «банкир». Они подошли к каменному монолиту. Шебтай встал рядом с ним, продолжая свой рассказ.

— По-видимому, он означал, что в этом месте был перевалочный пункт для тех, кто поднимался в гору для поклонения Богу. Поскольку этот менгир, скорее всего, последний на пути к вершине горы, то он мог обозначать границу, или черту, которую рядовые верующие не имели права пересекать.

Шебтай приложил правую руку к груди и оперся на левый локоть. Он прикрыл указательным пальцем рот, затем продолжил.

— В Писании есть история — сказал он (глаза его блестели, голос был напряжен и звучал на целую октаву ниже), — когда дети Израиля собрались на горе Синай, Бог повелел Моисею провести границу вокруг горы, чтобы народ не мог грешить, вступая на святую гору. Помните?

Никто не ответил. Все с напряженным вниманием смотрели на Шебтая.

Шебтай пожал плечами. Именно этот камень мог обозначать такую границу. Он повернулся и продолжил взбираться вверх по крутому склону. Продвигаясь все выше, Шебтай, казалось, что-то или кого-то искал. Он сосредоточенно всматривался вдаль, отчего все его лицо покрылось морщинками.

На протяжении всего пути в группе воцарилось молчаливо-задумчивое настроение, прерываемое рассказами Шебтая. Окружавшая обстановка таинственности озвучивала каждый их шаг эхом вниз, на просторной бурой равнине южного Негева. Наконец, на гребне горы Шебтай остановился и опустил взгляд на обширное пространство грязи и скал. Садящееся солнце окрасило западный небосклон палитрой багрового и розового тонов. Пустынные пики центрального Негева, очертания которых производили резкий контраст на фоне низкого

света уходящего дня, возникли по другую сторону от путешествующей группы.

Бритни, Дарсел, Джейсон, Филипп и Ави сбились в тесный кружок вокруг своего руководителя и внимательно следили за его взглядом.

После некоторого молчания Шебтай сделал глубокий вдох, как будто ему жаль было нарушать тишину. Он показал на выделявшийся участок пустыни. Тень на земле вокруг этого участка отличалась от окружающей его повсюду грязи, свидетельствуя тем самым, что здесь производили раскопки.

— Это «Место № 52», — сказал он, — там около десяти лет назад проводили раскопки.

Группа старшекласников с интересом посмотрела на замечательное разнообразие скал, возвышавшихся на небольшом расстоянии от основания горы, на которой они стояли.

— Трудно разглядеть с такой высоты, — сказал Шебтай, — но все же, если вы посмотрите внимательно, то увидите композицию: двенадцать столбов, сгруппированных подле некоего сооружения.

Дарсел и Джейсон кивнули. Филипп хмыкнул.

— Постройка не являлась домом, она вмещала своего рода помост и внутренний двор, и, как мы полагаем, не была крытой. — Шебтай выдержал паузу.

— Вероятно, это был своеобразный алтарь.

— Как скиния? — спросила Дарсел.

— Писание гласит, что после того, как Моисей принял Закон от Бога на горе Синай, он построил алтарь у подножья горы и поставил двенадцать священных столбов, которые символизировали двенадцать колен израилевых.

— Это была скиния? — громче повторила Дарсел.

Шебтай покачал головой.

— Возможно, предшественник скинии. — Он напряженно смотрел на группу ребят. Рыжеволосая Ави улыбалась, смотря на него, как если бы они с отцом хранили общий секрет.

— Сразу же после того, как он построил жертвенник и поставил двенадцать каменных столбов, Моисей вернулся на гору и принял от Бога наставления о построении скинии.

— Вы хотите сказать... — начал Джейсон и остановился на полуфразе, отводя взгляд, от «Места № 52» и поворачиваясь лицом, к Шебтаю Левиту. — Вы хотите сказать, что это и есть гора Синай?

Шебтай в ответ пристально посмотрел на Джейсона, не меняя выражения своего лица.

— Позвольте мне показать вам еще кое-что, — сказал он, — идите сюда.

Шебтай повел их вдоль каменистой вершины горы. Западный небосклон поменял окраску на смесь приглушенных серого и бурого цветов. Он остановился у скопления камней к востоку от Хар Каркома.

Филипп, Бритни, Джейсон и Дарсел — все смогли различить очертания разрытого небольшого храма с поднятой платформой в центре внутреннего двора, во многом похожие на «Место № 52», с той лишь разницей, что те развалины находились почти на самой высокой точке горы.

— Когда Бог направлял Моисея в проектировании скинии, Он повторял одну и ту же фразу: «Как тебе было показано на горе». Многие думают, что Бог мог показать Моисею видение готовой скинии, или даже мог запечатлеть схему на скрижали. Также, возможно, Бог показал Моисею реальную, физическую модель... когда тот находился на горе.

— Ну, это уж *слишком*, — в благоговейном трепете прошептал Джейсон.

Шебтай, ни слова не говоря, быстро взобрался на величественно возвышавшееся место, которое находилось в пятидесяти футах от развалин храма. Когда группа подошла к нему поближе то, все, что ранее выглядело нагромождением скал, оказалось сплошной обнаженной породой с угловой трещиной размером и ростом с одноместную палатку.

— Ух ты! — воскликнула Бритни, голос ее был едва слышен.

Глаза Шебтая заблестели; его седовато-черные густые брови нависли над его глазами как две кущи, затеняя их, но исходявшие из глубины души искорки озаряли его взор.

— Когда Моисей попросил Бога показать ему Свою славу, — говорил он, — Бог ответил: «Ты не можешь увидеть Мое лицо, ибо никто из смертных людей не может увидеть Меня и остаться живым. Но ты встанешь рядом со Мной на скале, и когда Моя слава будет проходить мимо, то Я помещу тебя в расщелину горы и закрою тебя Моей рукой, пока не пройду. Затем Я отниму руку Мою, и ты увидишь Меня со спины, но лицо Мое увидеть нельзя».

— Я бывал на разных горах в этой стране, — продолжал Шебтай, — но никогда не видел подобной формации.

— Это на самом деле гора Синай, — спросил Филипп, — где Моисей получил десять заповедей?

— Если это гора Божья, то для иудея это самое святое место из всех возможных, потому что Закон в большей степени, чем земля израильская, чем Храм, чем что-либо другое, сделал из нас народ. Именно в Законе Бог Израилев открыл Себя, выразил Себя всем людям, потому что Закон происходит из Его естества.

Глаза Шебтая широко раскрылись в воодушевлении. Он переводил взгляд с Дарсел на Бритни, потом с Джейсона на Филиппа.

— Понимаете ли вы, что это означает? — Не просто для древнего племени, но нам, живущим сегодня? — Ответом на его вопрос стали любопытные взгляды всей группы. Он набрал воздуха.

— Когда вы идете к врачу, что вы ожидаете от него?

Первым заговорил Джейсон.

— Чтобы я мог узнать, что со мной происходит.

— И, наверное, чтобы выписал рецепт для лечения, — добавила Дарсел.

Шебтай улыбнулся.

— Именно это и сделал Бог, — громко и оживленно сказал он, хлопнув руками. — Закон — это Божий рецепт для нас! Он говорит, что именно с нами «не так», а что — в порядке... и Он делает это тем, что показывает нам, каков Он. Закон учит нас, что верность хороша, потому что она подобна Самому Богу, Он — Верный. Закон учит нас, что чистота хороша, поскольку Он чист. Закон учит нас, что то, что подобно Богу — Богу Торы, Богу, Который открыл Себя в Законе — то

хорошо, а что не подобно Ему — плохо. Он обратил взгляд к скалистой вершине горы, и глаза его заблестели от наполнивших их слез.

— Какая же это должна быть честь — быть частью того великого сонма людей, которые впервые обрели Закон от Самого Бога.

Молодежь снова приумолкла и стояла на горе так же недвижимо и безмолвно, как охранявшие гору камни *менгиры*. Каждое их чувство, их самые души, казалось, ожили для этого необыкновенного места, к которому их привел Шейбтай. Все они, даже Филипп, ощутили, что стоят на святой земле.

Нежданный ветер поднял пыль на холме вокруг них. Наконец, Шейбтай прервал тишину. Он улыбнулся и поднял лицо к небу.

— Мы можем побыть здесь пятнадцать минут, если вы хотите... подумать или помолиться... если хотите.

* * *

— Как это могло произойти? — зеленая морда Маври угрожающе побагровела. — Стоит мне на какую-то секунду отвернуться, и этот старый тип уже тут, как тут, снова твердит о том, как Закон являет Врага в качестве стандарта для определения добра и зла! Да что с тобой?

Пока Маври рвал и метал, Рэтсбэйн яростно молотил по клавиатуре и, не отрываясь, защищал себя от зловещего потока обвинений, исходящего от Маври.

— Я думал о 9745, — пояснил он, вызвав изображение Брайана на экране монитора. — Когда я проверял данные на остальных, они уже оказались на горе с разговором о Моисее, — он плюнул на пол лаборатории, — и об обретении Закона. — Он снова плюнул два раза.

— Ты хоть что-нибудь *сделал*? — завопил Маври.

— Конечно, сделал, — ответил Рэтсбэйн, продолжая барабанить по клавишам. — Но ничего не срабатывает, — проворчал он пискливым голосом.

Маври зарычал от досады.

— Это все потому, что ты по-прежнему балуешься с искушением, пытаешься заставить их совершить *один* проступок, или другой. Играешь в палочки! — заорал он, выпрямившись и подняв руки подобно дирижеру, готовому вести концерт. — Но концерт веду я!

Он отгеснил Рэтсбэйна подальше от клавиатуры и начал печатать с видимой легкостью, болтая за работой, как ведущий аукциона.

— Даже если им и представили истину, даже если они и начнут осознавать, что Враг — Источник истины, даже если они и узнают, как отличить добро от зла, у нас по-прежнему остается несколько трюков в запасе.

— Но, — вставил Рэтсбэйн, — если они посмотрят на естество и характер Врага, как на источник истины, то они установят с Ним Суперсвязь и будут получать силу от Самого Духа Врага!

— Да, муравьиная морда, — согласился Маври, перебирая клавиши, как будто играл на рояле. — Но если бы мы могли отвлечь их и удержать от правильного выбора, то тем самым мы могли бы

подорвать их Суперсвязь! Потому что даже после того, как они обнаружили истину, они все же должны *посвятить* себя истине! Вот тут-то мы и можем устроить хорошенькое показательное выступление!

— Bravo, маэстро, — ухмыльнулся Рэтсбэйн, — Итак, что нам предстоит сделать?

— Во-первых, — монотонно забубнил тот, как будто обращаясь к самому себе, — я отправляю сообщение по электронной почте в подсекцию стихийных бедствий № 6491, чтобы они вызвали внезапную бурю в пустыне.

Мутантский клюв Рэтсбэйна издал писк удивления. Рэтсбэйн с неохотой вынужден был признать, что впечатлен.

— Ты это можешь сделать?

— Это поможет, — продолжал Маври, не обращая внимания на своего помощника, — отвлечь их от несносного лепета о Законе и Всевластном Владыке Вселенной. По крайней мере, я использую страх, чтобы стереть из памяти большую часть из того, что сказал им старый тип.

Глаза Рэтсбэйна вдруг заискрились, челюсть распахнулась в гротескной усмешке.

— Как ты назвал Его?

— Кого?

— Врага.

— Я назвал Его... — внезапно Маври понял свою ошибку. Он говорил о Враге, используя запрещенные имена, которые не следовало произносить демону Ада.

— Не отвлекай меня, болтун, — зарычал он. — У меня уйма дел, если я только хочу свести на нет нанесенный *тобой* урон.

Он повернул лицо к консоли и начал нервно бить по клавишам.

Ударяя по клавишам, он уголками глаз наблюдал за улыбающейся физиономией Рэтсбэйна. В это время изображение группы людей на горе в одно мгновение окружила рамка из загадочных шкал с отметками для измерения красных и синих столбиков различной длины и ширины.

— Далее, я добиваюсь, чтобы 8744, — продолжал он, указывая на изображение Бритни на экране, — прельстилась немедленной выгодой от принятия неверного решения... и напугалась неприятными последствиями от принятия правильного решения.

— О чем ты толкуешь? — проквакал Рэтсбэйн. — Тупейший из демонов ада знает, что никакой выгоды в принятии противозаконных решений не может быть!

— *Немедленная* выгода, лягушачьи мозги, — огрызнулся Маври, — я сказал, *немедленная* выгода.

По ту сторону рассказа: Ожидай Божьей помощи и обеспечения

Сеть ресторанов быстрого питания рекламировала свои гамбургеры, обещая всем, что можно в приобретении их «идти своим путем, получить все сразу».

Они не наивны: они знают девиз, который привлечет множество людей, потому что большинство из нас хотят идти своим путем, иметь все сразу, здесь и сейчас!

Маври тоже осведомлен об этом. Он знает, что даже умение отличить добро от зла в соответствии с Божьим характером и естеством не является гарантией того, что мы *выберем* добро. Битва не заканчивается, когда мы научились *различать*, что есть хорошо — мы должны *поступать* хорошо, посвящая себя Божьему руководству.

Но Маври знает, что многие неправильные решения обладают немедленной выгодой, в то время, как правильные решения предполагают результаты более «дальнего» действия. Грех часто заворачивают в привлекательную, броскую упаковку, которая несет в себе и обещание мгновенного вознаграждения. Правильные решения, с другой стороны, часто требуют отложить сиюминутные удовольствия ради лучших, но долгосрочных в исполнении результатов.

Бритни билась над этим вопросом в ее отношениях с Мэттом. Вдобавок к физическому давлению, вызванному бушующими гормонами, она ощущает глубокую эмоциональную потребность быть любимой, желанной для мужчины. Отношения с Мэттом приобретали все больший накал, и она встретила с выбором: наслаждаться энергией секса (что включает в себе немедленное удовольствие), или оставить секс до брачной близости (что более ценно, несмотря на то, что это потребует принять в расчет время).

Бритни только сейчас начинает понимать, что удовольствие от принятия неправильных решений также мимолетно, как и сиюминутно.

Бритни стоит перед подобным выбором также и в связи с той информацией, которой она обладает по делу Брайана. Если она решит «держать рот на замке», то его отправят домой, а она сможет остаться. Если же она решится рассказать о том, что ей известно, то Брайан будет оправдан, но ее отправят домой. Первая из двух возможностей, само собой, сулит Бритни моментальную выгоду. Вторая является менее привлекательной ввиду ближайших последствий, но зато содержит в себе устойчивую ценность для будущего.

Задача ада, без сомнения, заключается в том, чтобы заострить внимание Бритни — и наше с вами — на эгоистичных интересах и сиюминутной выгоде, чтобы мы приняли недостойное решение, приукрасив и оправдав его. Если мы так поступаем, то даем возможность демонам ада помешать нам сполна осознать и испытать несравненные преимущества принятия справедливых решений.

Ожидай Божьей помощи и обеспечения

Помните, Бог дал нам Свои заповеди ради нашего собственного блага (*Втор.10:12-13*) — они исходят из полного любви побуждения Бога постоянно защищать нас и обеспечивать. Чем больше Бритни — и мы с вами — верим в добрые, любящие побуждения Бога, тем более мы пожелаем довериться Его руководству. К примеру, Божий стандарт честности ограждает нас и служит нам на пользу в столь многих ситуациях.

Божественный стандарт честности защищает нас от чувства вины и позволяет иметь чистую совесть. Нечестный человек всегда оглядывается по сторонам, но молодой человек или девушка, которые следуют стандарту честности Бога, знают преимущество «невинных рук и чистого сердца» (*Пс.23:4*).

Стандарт честности Бога хранит нас от позора и обеспечивает чувство удовлетворения. Каждый, кто когда-либо был уличен во лжи

или обмане, знает замешательство и стыд, которые часто становятся ценой нечестности. Такие люди обкрадывают себя самих чувством удовлетворения, которое приходит от хорошей оценки, заслуженного поощрения, или усилением заработанной победы.

Божественный стандарт честности ограждает нас от цикла лжи и способствует сохранению хорошей репутации. Ложь подобна лозунгу на упаковке известной марки чипсов: «Спорим, что не обойдешься одной пачкой?»; потому, как очень трудно остановиться после всего лишь одной. Мелкая ложь порождает большую ложь, и небольшой обман ведет к крупному обману. Но человек, который привык говорить правду, даже, когда она ему или ей чего-то стоит, зарабатывает себе доброе имя за свою неподкупную правдивость, что «лучше серебра и золота» (Прит.22:1).

Божественный стандарт честности ограждает нас от крушения взаимоотношений и способствует отношениям доверия. Пятнадцатилетняя девушка однажды сказала мне: «Никогда больше не буду доверять моей матери». Я спросил: «Почему?» «Два года назад я спросила маму, откладывали ли они секс до брака, и она сказала, что да, они ждали. На днях я нашла ее дневник и прочитала его, и обнаружила, что на самом деле они не ждали. Я узнала, что она меня обманула». Такие разбитые взаимоотношения часто являются результатом нечестности. Элемент доверия для взаимоотношений незаменим. Крепкое основание доверия улучшит и обогатит качество всех ваших взаимоотношений и дадут вам то, что невозможно купить за деньги, и чего никогда не добьешься обманным путем.

Рэтсбэйн и Маври не хотят допустить, чтобы Бритни увидела все эти преимущества защиты и обеспечения от Бога, потому что они бесконечно убедительны. Эти преимущества представляют собой веские причины для того, чтобы сказать «нет» ее эгоистичным интересам, и сказать «да» полным любви заповедям Бога. Враг Бога будет изо всех сил стараться удержать ее от понимания Божьего стандарта в отношении сексуальных отношений.

Божественный стандарт интимных отношений оберегает от чувства вины и предусматривает духовное вознаграждение. Когда мы преступаем Божий стандарт добра и зла, тогда мы неизменно страдаем от чувства вины. Чистая совесть — это благословения, независимо от того, достигнута эта чистота послушанием или через прощение после согрешения как результат искреннего покаяния.

Божественный стандарт сексуальных отношений ограждает от незапланированной беременности и обеспечивает здоровые условия для воспитания ребенка. Каждый день в Америке 2795 девушек-подростков беременеют и 1106 делают аборт. На девушку-подростка, ставшую матерью, оказывается сильнейшее давление, не говоря уже о трудности воспитания новорожденного без заботы отца. Самая лучшая среда для ребенка — полная семья, там, где он может ощутить домашний уют, где мужчина и женщина любят друг друга особой любовью и посвятили себя друг другу на всю жизнь.

Божественный стандарт интимных отношений защищает от венерических заболеваний и служит для сохранения душевного спокойствия. Каждый день в Америке 4219 подростков заражаются заболеваниями, передающимися половым путем, многие из которых не поддаются излечению средствами современной медицины. Это

ужасный факт. Но ни один из этих недугов не был зарегистрирован у взаимно верных друг другу супругов, которые вступили в половые отношения здоровыми. Почему? Потому что божественный стандарт сексуального поведения защищает от венерических заболеваний.

Божественный стандарт интимных отношений защищает от сексуальной неверности и приносит доверие. Сексуальная активность до брака может послужить мощной отрицательной силой в браке, способствовать чувству ненадежности и недоверию. «Если он не мог контролировать себя до брака, — рассуждает жена, — то, как я могу рассчитывать, что он будет контролировать себя в браке?» «Она играла в любовь до того, как встретила меня, — размышляет муж, — так что же остановит ее от подобного поведения сейчас?» Сексуальная чистота и верность, наоборот, способствуют чувству безопасности и обеспечивают атмосферу доверия.

Божественный стандарт интимных отношений защищает от эмоциональных потрясений и приводит к истинной близости. Страсть в сексе очень часто путают с настоящей любовью. Истинная любовь, где двое преданно заботятся и защищают друг друга, сохраняя чистоту и верность, создана для того, чтобы вылиться в несравненные интимные, близкие и крепкие взаимоотношения. Секс — это динамит, он способен либо разорвать отношения, либо (если пользоваться им в соответствии с инструкцией Бога) открыть новые глубины единства, интимности и доверия.

Когда Бог говорит «нет», тем самым Он хочет позаботиться о нас наперед и защитить нас. Не видя этого, Бритни Марш страдает, чего и добиваются Рэтсбэйн и Маври. Они замышляют удержать ее, и всех нас, от того, чтобы мы увидели за истиной личность Бога, поскольку Его-то они и боятся больше всего.

11. Внезапный гром

Молодежь положительно откликнулась на предложение Шебтая помолиться на горе. Каждый отправился в поисках уединенного места, где можно было бы побыть наедине со своими мыслями. Спускаясь по склону, ведущему от ущелья, каменного укрытия на самой вершине горы, Бритни слегка поскользнулась. Оправившись, она стала осторожно пробираться по вьющейся каменистой дороге. Она хотела провести некоторое время в одиночестве на краю горы, на скалистом крутом выступе, обращенном к «месту № 52».

Дарсел выбрала место около ущелья. Филипп и Ави медленно шли по дорожке, ведущей к лагерю. Оба молчали. Филипп думал об отце и о тех проблемах, которые привели его сюда. Они с Ави держались за руки, но девушка не нарушала его размышления.

Он завидовал отношениям Ави и ее отца. Он наблюдал за ними и видел, как они относятся друг к другу. Он заметил, что она вела себя совершенно по-иному, не так, как он со своим отцом. Шебтай не пытался причинить ей боль или разозлить своими правилами. Филипп пытался догадаться: было ли это так, потому что Шебтай не такой

человек, как его отец или потому, что Ави другая, не такая, как он. А может быть, то и другое вместе.

Когда группа разошлась в разных направлениях, Джейсон стоял в нерешительности рядом с Шебтаем. Он смотрел на Бритни, как она повернулась, чтобы уйти от остальных в поиске укромного местечка. Он надеялся провести эти несколько тихих минут вместе с ней, но вероятно, судя по ее поведению, она совершенно забыла о нем. Он был уверен, что она еще находится под впечатлением происшествия на озере. Весь этот день она вела себя немного отстраненно, и он мечтал о том, чтобы вернуть ее расположение.

Бритни обогнула скалистый обрыв и исчезла из поля зрения Джейсона. Он опустил глаза. Когда он снова их поднял, то встретил взгляд Шебтая.

Руководитель раскопок улыбнулся.

— Привлекательная девушка, — сказал он.

На лице Джейсона отразилась безнадежность.

— Но она не знает о твоих чувствах, — сказал Шебтай, пристально глядя на Джейсона.

Джейсон пожал плечами и уставился в землю. Он был уверен, что Шебтай никогда не смог бы понять его переживаний, понять, как он боится быть отверженным, понять его отчаянное желание быть принятым.

— Как ты думаешь, что она ответит, если ты будешь откровенен с ней? — спросил Шебтай.

— Не знаю, — ответил Джейсон. Он помолчал с минуту. — Она, скорее всего, скажет, что мы можем быть просто друзьями.

— И это изменит сегодняшнее положение дел?

Джейсон посмотрел на Шебтая. Улыбка исчезла с его лица, но глаза выражали теплую заботу.

Бритни снова споткнулась, из-под ее ноги выкатился камень. Она отпрянула назад и прокралась к выбранному месту на выступе. Камень сорвался с края обрыва вниз, туда, где простиралась пустынная равнина. Сердце Бритни учащенно забило, она подумала, что надо быть более осторожной. Медленно встав, она отряхнула брюки и прислонилась к скале. Она смотрела на ту вершину, откуда Шебтай показывал древний жертвенник и двенадцать стоящих рядом каменных столбов. Она вспоминала его слова. Каково же это должно было быть, когда впервые был дан Закон. Бог внезапно сошел с небес и явил — бум! — что есть добро и зло?!

Сильный ветер растрепал ее темно-русые волосы и развеял их по лицу, пока она всматривалась в пространство внизу. Она подняла руку и закрепила волосы сбоку. Она представила себе множество палаток, которые раскинулись на милю в южном направлении. Посмотрев на запад, она представила себе целое море палаток, бивачных костров и площадок с пасущимися козами и израильский народ, ожидавший возвращения Моисея с горы Синай. Она представила, как люди прекращают свою работу и молитвы, чтобы посмотреть на гору, услышав раскаты грома на отдаленной вершине. *«Так это и есть Божий голос? — должно быть, вопрошали они. — Престол Его — на той вершине? Или Он обитает в облаке, которое окружает Его?»* Она в изумлении раскрыла рот, ощущая таинственную силу этого места, которое Шебтай назвал «особенным».

Когда она взглянула на западную долину Хар Каркома, ее созерцание мгновенно прекратилось. Глаза расширились. Она сделала резкий вдох.

Ей вдруг показалось, что небеса обрушились, темные тучи замаячили в мрачных сумерках уходящего дня. Она не могла разглядеть пиков центрального Негева, которые, как она знала, должны там находиться, и широких равнин долины внизу. Казалось, будто до туч можно было дотянуться рукой и они подступают все ближе с каждой секундой.

Вдруг она громко вскрикнула. Вспышка белого света рассекла темноту как удар штыка, и оглушительный треск сотряс, кажется, саму гору под ее ногами. Облака теперь полностью окружили ее, ветер усилился. Она забыла все свои недавние фантазии.

Бритни закрыла голову руками. Ветер вот-вот готов был сорвать ее с горы, она стала пятиться прочь от опасного края тропы, огибавшей гору. Ветер прижал ее к скале. Она сощурила глаза из-за клубящейся пыли и порывистого ветра.

Панический страх, как нож, пронзил ее грудь и горло. Она повернулась, чтобы бежать назад. Она нырнула в вихрь и стала искать ту тропу, по которой совсем недавно спускалась, но густой туман окутал дорогу. Бритни испугалась, что не сможет выбраться и что, оступившись, полетит навстречу своей смерти с крутого склона горы. В смятении она подумала, что никогда еще не видела молнию так близко. Она боялась, что следующий удар настигнет ее.

Она сделала один единственный шаг и споткнулась о камень, который поранил лодыжку и отбросил ее вперед, в грязь и на камни. Остановив руками падение, она ощутила резкую боль. Поднявшись на ноги, она перевернула ладони и увидела на них мутную, темную смесь грязи и крови. Колени жгло от боли, и не было сомнения, что они тоже кровоточили, но она не стала осматривать их. Она задыхалась и была вне себя от ужаса.

Впереди вспыхнул свет, осветив один лишь туман вокруг нее. Следующий удар грозы вызвал у Бритни хриплый вопль. Она поднялась на ноги и вернулась к своему месту у скалы. В этот момент оглушающий звук позади нее похожий на шум вертолета буквально сотряс скалы.

Когда она двигалась по направлению шума, ослепительный свет пронзил окружающий ее туман. Она вжалась в отвесную горную стену, боясь двигаться, боясь оставаться неподвижной, боясь открыть глаза и боясь закрыть их. Она протянула свои ладони к свету, пытаясь разглядеть его источник, но не могла.

«Откуда идет свет?» — подумала она, упорно разыскивая глазами его источник. Неожиданно свет окрасился в яркие оттенки желтого, затем зеленого, и наконец синего цветов, а потом исчез так же быстро, как и появился. Он как будто бы вихрем унесся в небо, как дым от костра рассеивается среди ветвей деревьев. Оглушительный шум прекратился. Ветер затих. Она почувствовала, что ее охватывает сильный озноб, как если бы ее медленно погружали в ледяную реку.

Она открыла рот, чтобы закричать, но не смогла издать ни звука. Парализующий страх приковал ее к горе. «*Боже, я умираю?*» — думала она. На какое-то мгновение ветер и рев бури прекратились, но вскоре все возобновилось с новой силой. Сердце Бритни бешено

забилось, когда ветер снова стал беспощадно проникать сквозь футболку, пронизывая холодом до корней волос.

За несколько мгновений до того, как темные тучи обволокли гору, Шебтай почувствовал неладное. Буря разразилась неожиданно. Шебтай с Джейсоном позвали остальных. Ветер и туман не успели помешать всем быстро собраться.

Шебтай направил ребят в узкий переход, где сухое днище ручья проделало неглубокую расщелину в скале. Он велел им прижаться к земле в тесном пространстве, там они должны были ожидать прекращения бури.

— Здесь нет Бритни! — заорал Джейсон на Шебтая, как будто в этом была его вина.

— Я знаю, — ответил тот.

— Мы не можем оставить ее там! — глаза Джейсона расширились и ярко светились, несмотря на штормовую мглу. Он встал.

— Мы должны найти ее!

— Ты останешься здесь! — зарычал Шебтай. — Я сам пойду.

Темнота уже полностью окутала Бритни словно плащ. Липкая мгла часто рассекалась частыми вспышками молнии, за которыми следовали грозные раскаты, сотрясавшие всю гору. Бритни вдруг поняла, что громко взывает к Богу:

— О, Боже! Помоги мне! Пожалуйста, помоги мне!

Ее губы дрожали, голова кружилась, она чувствовала себя невероятно уставшей, как если бы из нее внезапно выкачали все силы. Она решила просто сесть или лечь на землю и надеяться, что кто-нибудь отыщет ее.

Вдруг что-то коснулось ее щеки. Подняв руку к лицу, она почувствовала каплю влаги. Затем еще одну и еще. Начался дождь.

Ее руки распухли от ран и ссадин. Она попыталась осмотреть порезы, но темнота была слишком густой. Бритни догадывалась, что кожа на ее руках содрана. Слезы подкатывались к глазам, рыдания спазмами перехватывали горло, но усилием воли она подавляла их. В отчаянной решимости она встала на четвереньки и поползла сквозь тьму, убеждая себя, что безопаснее проделывать путь на четвереньках медленно, но с меньшим риском сделать неудачный шаг, который мог бы отправить ее в стремительный полет с обрыва крутой горы. Так она пыталась найти обратный путь по тропе, чтобы присоединиться к остальным.

Она ползла очень осторожно, преодолевая боль и мысленно молилась. Сильный ливень сплошным потоком хлестал по скалам, по спине, плечам и голове Бритни. Но она не обращала на это внимания. Через какое-то время, показавшееся девушке вечностью, Бритни доползла по небольшому склону туда, где запомнила углубление, напоминающее шатер, образовавшееся в скале, которую показывал Шебтай. Карабкаясь и лавируя, она добралась до низкого укрытия. Попробовав заползти в углубление вперед головой, она поняла, что не сможет развернуться в таком тесном пространстве. Она вылезла назад, развернулась и опустилась в углубление.

В окружающей мгле бесновалась буря, и в ущелье между скал непрерывным грохотом гремели ее отголоски. Бритни дрожала от страха. Каждая вспышка молнии и раскат грома заставляли ее сильно

вздрагивать, один раз она сильно ударилась головой о каменную крышу своего временного приюта.

— Останови же это все, Боже! — закричала она. — Останови!

Она заплакала. Давно подступавшие слезы полились ручьем.

— Бог, Ты можешь все! Ты можешь остановить бурю прямо сейчас!

Но вспышки света и удары грома как будто бы смеялись над ее молитвой. Земля, казалось, содрогалась и вздрагивала. Бритни боялась, что ее каменное укрытие не выдержит и рухнет на нее. Она не знала, что делать: втиснуться глубже в тесное пространство или попытаться вылезти. Вдобавок она чувствовала себя прикованной к этой горе, не способной даже пошевелить пальцем, тем более сделать что-то еще.

«Наверное, так Бог встретился с Моисеем на вершине горы. В буре!» Она пришла в испуг от мысли, что Бог присутствует на горе.

— Я не хочу встретиться с Тобой так, Боже, потому что я не... я не... Мне нужно кое-что сделать. Исправить кое-что.

Внезапно тьма сгустилась так сильно, что казалась осязаемой, густой и черной, как использованное машинное масло. Она отпрянула назад в свое убежище и начала обращаться к Богу так, как никогда прежде.

— О, Боже, — прошептала она несколько раз, как будто бесполезно сейчас было пытаться выразить все, что она чувствовала и о чем думала.

— О, Боже, — повторила она. Ее губы беззвучно произносили слова. — Я знаю, что Ты сильнее всего, что существует. Ты можешь потрясти эту гору, как детскую погремушку. Если бы Ты хотел, то мог бы примять ее, как блин. Ты — самая великая сила из существующих. Ты свят, и Ты истинен. Ты являешься всем тем, что говорил о Тебе Шейбтай; и я... я была такой глупой... и я неправа во многих вещах.

Ветер приутих, а затем прекратился вовсе. Бритни продолжала молиться. Жуткая тишина окутала гору. Шли долгие минуты. Казалось, время остановилось.

Бритни покрылась испариной и дрожала, но теперь уже не от страха и холода. Ее била дрожь от сознания того, что нечто непостижимое произошло с нею, и не просто от впечатления, произведенного бурей и светом и от всего прочего, но из-за того, что она ощущала внутри. Она чувствовала себя, как фотограф, который пытался сфокусировать фотокамеру в густом тумане, но вот туман рассеялся, и все кажется гораздо более ясным. Теперь она увидела и поняла, почему она была неправа.

* * *

Душераздирающий вопль зазвучал эхом в лаборатории РЭЙД'а, где Маври и Рэтсбэйн стояли плечом к плечу, исступленно дергая рычаги управления большого командного центра.

— Не-е-е-ет! — вопил Маври. — Не-е-е-ет! Этого не может быть!

Он в неистовстве стучал по клавишам и крутил ручки.

— Еще как может, — вставил Рэтсбэйн, также неистово управляя различными механизмами. На консоли быстро мигали лампочки, многие из них показывали перегрузку или опасную

«красную зону». Некоторые лампочки предупреждения, по-видимому, уже перегорели; одни из них слабо мерцали, другие полностью погасли.

— Нет, с ней я еще не закончил! — клятвенно заявлял Маври. Его черепашьи коготки цокали по мощной клавиатуре в быстром темпе. В процессе работы он наизусть излагал линию своей стратегии.

— Тебе уже почти шестнадцать, — тянул он нараспев, — ты уже не маленькая девочка. Ты уже достаточно взрослая, чтобы решать сама. Не дай Ему говорить тебе, что нужно делать. Если ты сдашься Врагу, у тебя больше не будет радости во всей твоей жизни! Подумай о том, что тебе придется делать... подумай, чего тебе это будет стоить... подумай о последствиях.

Рэтсбэйн перестал барабанить по клавиатуре. Он выпрямил свою лягушачью спину и уставился своими выпуклыми черными глазами на огромный экран, который занимал большую часть лаборатории РЭЙД'а.

— Что ты делаешь? — зарычал Маври на своего помощника. — Открой веритракторы на полную мощность!

Рэтсбэйн не отвечал. Он продолжал в оцепенении смотреть на экран, как заколдованный.

— Ты разве меня не слышал? Мне нужно больше мощности! — орал Маври, по-прежнему отстукивая дробь по клавишам.

— Слишком поздно, — пробормотал Рэтсбэйн.

Маври повернул свою голову и со злобой посмотрел на своего замершего помощника. Увидев направление его взгляда, он посмотрел на экран.

Голубоватая дымка повисла в воздухе над фигурой Бритни Марш, распростертой в укрытии в скале. Пока Рэтсбэйн наблюдал за ней, туман как бы рассеялся и превратился в две отчетливые формы.

— Что это? — спросил Маври тихим сиплым голосом.

— Бригадиры — ответил Рэтсбэйн. — Это танцующие ангелы-воины. Это *танец победы!*

— Слишком поздно, Маври, — сказал Рэтсбэйн глухим, лишенным каких-либо эмоций голосом. — Мы опоздали. Она сдается Врагу. Он наполняет ее Своим присутствием... и силой. Все кончено.

— Маври с ужасом взирал, как дым сгущался в две мощные фигуры ангелов в блестящих бело-голубых одеждах, танцующих и сияющих в воздухе над каменным укрытием, в котором лежала Бритни.

* * *

Бритни подняла голову и утерла с глаз слезы от нахлынувших чувств. Она выползла из своего тесного помещения, встала на ноги и отряхнула одежду. Гора оказалась совсем не тронутой бурей. Луна светила в ясном небе, едва заметные полосы облаков проплывали в вышине над тем местом, где стояла Бритни.

Она услышала голос Шебтая, который звал ее. Подбежав к ней, он обнял ее своими большими руками. Она спрятала лицо на груди. Все эмоции прошедшего часа потоком хлынули наружу.

Позже она услышала и другие голоса. Обернувшись, она посмотрела на Джейсона, который бежал к ней навстречу. Она обняла его, а остальные столпились вокруг них.

— С тобой все в порядке, дорогая? — спросила Дарсел.

— Ты где была? — сказал Филипп.

Бритни вытерла слезы облегчения с глаз и рассказала о своем переживании. Она рассказала о том, как ее настигла буря на горном склоне над «местом № 52», как шум неотвратно приближался и как в туман проник свет. О том, как она ползла до укрытия и выжидала там окончания бури. Они задавали ей вопросы, по большей части касательно таинственного света, и она старалась отвечать поточнее, но, в конце концов, пожала плечами.

— Послушайте, ребята, я не могу вам объяснить этого. Я не знаю, что это было...

— Это, вероятно, был вертолет, — предположил Филипп. — Так ведь, Шебтай?

Тот в ответ пожал плечами.

— Если в той буре летал вертолет, то его пилот находился в гораздо большей опасности, чем мы с вами.

— Шаровая молния! — предположил Джейсон, прищелкнув пальцами.

— Не знаю, Джейсон, возможно, и так, — ответила Бритни. — Но я знаю одну вещь: со мной там был Бог, и за время бури я поняла то, что давно должна была понять.

Лицо Бритни засветилось. Джейсон подумал, какая же красивая она сейчас, и о том, как он переживал за нее, когда случилось это ненастье.

— Нам нужно возвращаться в лагерь, — прервав их разговор, объявил Шебтай. — Я пойду впереди, — он отечески улыбнулся Бритни. — Отныне все должны держаться вместе.

Группа возвращалась в лагерь. Вдруг Джейсон взял Бритни за руку и отвел ее в сторону.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказал он.

— Мы не должны отставать от остальных, — предупредила Бритни.

— Я знаю, но мне нужно кое-что тебе сказать.

Она откинула волосы с лица и стала внимательно слушать Джейсона. Они шли, понемногу отставая от группы.

Он решительно вздохнул и начал медленно говорить:

— Я никогда не мог... я всегда, боялся, что ли, говорить людям о своих чувствах, открываться людям, что ли... особенно девушкам. — Его грудь колебалась от неровного дыхания, как будто он испытывал физическую боль.

Бритни заметила на его лице страдание. Она протянула руку и дотронулась до его плеча.

— Успокойся, Джейсон. Все в порядке. Я очень хотела бы узнать о твоих чувствах, — мягко сказала она. Их глаза встретились, и тогда он немного успокоился.

Он продолжил свою речь уже более спокойно. Хотя его прерывистое дыхание, напоминающее дыхание спринтера, который пытается говорить после забега, мешало ему.

Я просто никогда не верил, что люди могут принять меня таким, какой я есть, — продолжал он. — Даже мои родители. Нет, я думаю, они любят меня, но они не готовы оставить свои дела для того, чтобы выслушать меня или что-нибудь в этом роде... У нас все хорошо до тех пор, пока я что-нибудь не натворю и пока я не мешаю им. Ты понимаешь?

Группа впереди уже полностью исчезла из виду. Они подходили к лагерю. Джейсон и Бритни шли вдвоем по горной тропе.

— Наверное, это все кажется чепухой, да? — помолчав, спросил он.

Она не отнимала своей руки.

— Это совсем не кажется чепухой, Джейсон. Продолжай.

— Так вот, понимаешь, я думаю, именно поэтому я всегда опасался по-настоящему открываться кому-либо или честно признаваться в своих чувствах. Потому что боялся, что если не буду постоянно шутить или дурачиться, то у людей не найдется времени для меня, они просто не захотят тратить время на общение со мной. Но там — он кивнул в сторону горы, — я осознал, что некоторые вещи слишком важны, и я решил быть с тобой честным, а там — будь что будет.

Бритни улыбнулась и слегка сжала руку Джейсона. Тот продолжал все оживленнее и быстрее, как снежный ком, набирающий скорость при спуске со склона. Он рассказал Бритни о своем чувстве к ней. Он рассказал, как он почувствовал, что она отнеслась к нему с доверием, когда они разговаривали в палатке. О том, как он хотел, чтобы она тогда посмотрела на него по-другому и нашла в нем больше, чем просто друга.

Он заметил, что когда говорил, она, не отрываясь, смотрела в его глаза.

Придя в лагерь, Джейсон и Бритни остановились на пыльной дороге, которая на две части разделяла палаточное поселение, повернувшись лицом друг к другу.— Вот, — закончил он. — Я все сказал. — Он улыбнулся и немного боязливо посмотрел Бритни в глаза.

Она подошла к нему ближе. Он весь сжался, ожидая в ответ что-то наподобие: «Ты мне нравишься... как друг».

— Джейсон, ты был таким хорошим другом для меня. Мне с тобой так хорошо! Ты всегда рядом, когда я нуждаюсь в тебе, и ты такой парень, которого могла бы полюбить любая девушка. Но...

Джейсон вздохнул, пытаясь скрыть свою боль.

— Но? — спросил он.

— Я просто не пойму, почему ты не сказал об этом раньше? — спросила Бритни с сожалением, смешанным с радостным восторгом. — Я думаю, что никогда и не представляла себе, что ты можешь серьезно относиться ко мне. Мне всегда казалось, что ты хочешь быть просто моим знакомым. Я даже не подозревала, что ты можешь думать обо мне как о...

Глаза Джейсона широко раскрылись. Он внимательно вглядывался в ее лицо. Было видно, как каждый мускул его тела находился в напряженном внимании. В этот момент он напоминал новобранца в учебной роте.

Бритни перевела взгляд на пуговицы рубашки Джейсона.

— Я имею в виду, ты всегда был тем парнем, о котором я мечтала и с которым давно хотела дружить... Ты настоящий христианин, и у тебя твердый характер. Но я никогда не думала, что смогу понравиться тебе. — Она пожала плечами. — И особенно сейчас, после истории с Мэттом, я представить себе не могла, что ты можешь испытывать ко мне что-то серьезное.

Джейсон стоял, как вкопанный, не веря своим ушам. Они смотрели друг на друга в раскаленной от их признаний тишине.

Наконец она подняла глаза и застенчиво улыбнулась.

— Как мне хотелось бы, чтобы ты сказал все это гораздо раньше, — вздохнула она.

Джейсон кивнул в ответ.

— Мне тоже.

Они долго смотрели друг на друга. Она дотянулась до его губ и слегка поцеловала его.

— Спокойной ночи, Джейсон. — сказала она. — Увидимся утром.

По ту сторону рассказа: чьи правила важнее?

Довольно кстати уединилась Бритни с Богом на горе! И она осознала кое-что важное в тех вопросах выбора, в которых испытывала затруднения.

Она увидела, как ее понимание добра и зла свелось в конечном счете к борьбе между ее собственным представлением о жизни и жизненными путями, которые предлагал ей Бог. Настоящий вопрос заключался не в том, *что хорошо и что плохо?* Но *чье представление о добре и зле я приму? Чьи правила станут определяющими?*

ОБДУМАЙТЕ РЕШЕНИЕ. В Эдемском саду, на горе Синай, через Иисуса Христа, в словах Священного Писания Бог открыл абсолютные стандарты добра и зла, которые отражают Его природу. Он постановил, что честность хорошо, а нечестность — зло. Он постановил также, что сексуальные отношения в браке достойны уважения, а секс вне брака — это бесчестье. Справедливость Он утвердил как добродетель, а несправедливость назвал пороком.

Вам в жизни приходится принимать массу различных решений, но самое важное ваше решение — чье представление добра и зла вы выберете.

СООТНЕСИТЕ С БОГОМ. Следующий шаг — сравнить отношение или действие, задав следующий вопрос: «А что Бог говорит на этот счет?» Это не предмет выяснения: «Правильно ли это для меня?», но определение мнения Бога.

Однако многие из окружающих нас людей испытывают неудобство, когда узнают о мнении Бога по отношению к той или иной ситуации. По греховной природе наши пути не являются путями Бога, и поэтому наша тенденция такова, чтобы всегда объяснять и оправдывать наш собственный путь в жизни, считая его верным. Но поступая таким образом, мы обманываемся, убеждая себя, что плохое хорошо и что хорошее по каким-то причинам не подходит нам.

Когда вы принимаете решение сопоставить свои взгляды и поступки с принципами Бога и с тем, что Он говорит, то вы признаете

этим, что Бог существует. Вы соглашаетесь с тем, что Он — Праведный Судья, что Он один решает, что этично, а что аморально... и делает это лишь потому, что является Богом. Его естество служит определителем добра и зла: поступки и взгляды, не отражающие Его естества, нельзя считать верными.

Когда вы отказываетесь от фантазии о «собственном праве» решать, что хорошо и что плохо, вы ПРИЗНАЕТЕ, что Бог имеет всю власть, и только Он один, имеет такое право.

ДОВЕРЬТЕСЬ БОЖЬЕМУ РУКОВОДСТВУ. Довериться Божьему руководству легче на словах, чем на деле. Во-первых, как мы только что заметили, нам «неудобно» сравнивать наши пути с тем, что предлагает нам БОГ. Всем людям всегда крайне сложно признаться в своей неправоте. Вот почему призыв «реши сам свои проблемы» кажется нам таким привлекательным — он позволяет оправдывать наши неверные взгляды и плохие поступки.

Но, во-вторых, даже когда мы, на самом деле, осознаем наш эгоизм и греховность, довериться руководству Бога в реальности оказывается очень трудно, порой кажется совершенно нереально.

Практически, невозможно устоять на Божьем пути своими усилиями. Но Бог обещал наполнить нас Своей силой для жизни в соответствии с Его путями, когда мы подчинимся Ему как Господину и Спасителю наших жизней.

Сделать это можно так:

1. *Обратитесь от своих эгоистичных путей и исповедуйте свой грех (1 Иоан.1:9).* Обратитесь к Нему и признайтесь, что пытались делать все в жизни «по-своему», шли своим путем. Вы должны согласиться с тем, что этот путь неверен. Когда вы искренне покаетесь и отвернетесь от греха, вы сможете с уверенностью рассчитывать на Божье полное и свободное прощение.

2. *Предоставьте Богу управлять вашей жизнью.* Если у Бога планеты кружатся на своих орбитах, реки уверенно впадают в моря, времена года неизменно сменяются одно другим, то неужели вы думаете, что Бог испортит вашу жизнь, если вы доверитесь Ему? Он с закрытыми глазами может очистить и наполнить радостью вашу душу при условии, что вы позволите Ему это сделать. Если вы не просили Бога о спасении, то самая простая, искренне сказанная молитва, подобная той, которая приведена ниже, может направить вашу жизнь навстречу любви и свету Бога:

«Господь Иисус, я хочу лично знать тебя. Благодарю Тебя за то, что Ты умер на кресте за мои грехи. Я открываю дверь моей жизни и принимаю Тебя, как своего Спасителя и Господа. Благодарю, что Ты простил мои грехи и дал мне вечную жизнь. Я отдаю в Твои руки управление своей жизнью! Сделай меня таким человеком, каким Ты хочешь меня видеть. Аминь!»

3. *Ожидайте, что Бог наполнит вас и будет вести посредством Своего Духа.* Бог призывает нас откликнуться на Его любовь, предоставив Ему быть Господином нашей жизни и исполнить нас Своим Духом — Святым Духом. Быть наполненным Духом означает, что Он направляет нашу жизнь и дает нам Свою силу противостоять искушению, ободриться, принимать правильные решения и справляться с повседневными жизненными ситуациями. Что мы должны сделать, чтобы наполниться Святым Духом?

Мы должны представить каждую область нашей жизни Богу (*Рим. 12:1, 2*). Мы должны попросить Бога помочь нам отдать Ему каждую сферу нашей жизни: занятия, друзей, стремления и так далее и поведать Ему о нашем желании полагаться на Него во всем.

Далее, мы должны попросить Духа Святого наполнить нас. Бог повелевает нам быть исполненными Святым Духом (*Еф. 5:18*). Просить о наполнении — это конкретный шаг послушания Ему.

Наконец, мы должны верить, что Он наполняет нас, когда мы Его просим об этом. Святой Дух — это свободный Дар, Который можно принять. Бог обещал ответить на нашу просьбу, когда мы молимся и выражаем наше желание быть наполненными (*1 Иоан. 5:14,15*).

Молитва, выражающая ваше желание быть исполненным Святым Духом, может звучать примерно так:

«Дорогой Отец, я нуждаюсь в Тебе. Я признаюсь, что сам руководил своей жизнью. Я согрешил против Тебя. Пожалуйста, прости меня. Я благодарен Тебе, что Ты прости мои грехи, искупив их смертью Христа на кресте. Иисус, я прошу Тебя занять место на троне моей жизни. Наполни меня Святым Духом, как Ты обещал в Слове Своем, если я прошу с верой. Благодарю, что Ты взял на Себя руководство моей жизнью и за то, что исполнил меня Духом Святым».

4. *Продолжайте ходить в силе Духа.* Верить Богу в том, что Он исполнит нас Своим Духом не означает, что мы никогда больше не оступимся от недостатка веры или от непослушания. Однако мы сможем жить более осмысленно день за днем, пребывая в силе Божьего Духа.

И когда мы падаем, то снова должны сразу исповедать наш грех и обратиться к Богу. Мы вновь должны предоставить Ему право управлять нашей жизнью.

Мы должны укреплять нашу веру через изучение Божьего Слова и молитву (*Рим. 10:17*).

И также мы должны быть готовы к духовному противостоянию миру (*1 Иоан. 2:15-17*), плоти (*Гал. 5:16-21*) и сатане (*1 Пет. 5:8,9*) и смотреть на это противостояние в уповании на помощь Божьего Духа, действующего в нас и через нас.

ОЖИДАЙТЕ БОЖЬЕЙ ПОМОЩИ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ. Когда мы со смирением ПРИЗНАЕМ власть Бога и искренне ПОДЧИНИМСЯ Его любящему руководству, тогда мы сможем не только ясно увидеть различия между добром и злом, но также увидим и намерения Бога, полные любви. В этом, четвертом, шаге мы должны поблагодарить Бога за Его защиту и обеспечение. Это не значит, что все будет в жизни гладко. На самом деле, Слово Божье говорит, что мы можем и пострадать из-за праведности. Но такое страдание предполагает великую награду. Жизнь в гармонии с Божьей волей и жизнь Духа Святого в нас приносят много духовных благословений: свободу от вины, чистую совесть, радость от свидетельства о Христе, и, что наиболее важно, любовь Бога. Кроме того, когда мы послушны Богу, мы имеем благословения в физическом, эмоциональном, психологическом аспектах жизни и в плане взаимоотношений с другими людьми. Несмотря на то что обеспечение и защита от Бога не должны служить главным мотивом нашего повиновения Ему, все это,

несомненно, является мощным подкреплением для нас, чтобы выбирать добро и отвергать зло.

12. Последствия

— Никогда! — орал Маври, бегая по центру управления. — Никогда еще мой дивизион не страдал от такого бедствия! — он смотрел вокруг себя на это разорение: оборванные провода качались, свешиваясь со стен и потолка как раненые змеи, клубы черного дыма поднимались от управляющей консоли, разноцветные жидкости медленно капали из разбитых колб и сосудов на полки, столы и пол лаборатории. Разбитый шланг, болтающийся на потолке, издавал настойчивый и зловеще-шипящий звук.

Рэтсбэйн, который уже давно потерял свои щупальца от подобных случаев выпадения радиоактивных осадков, медленно выполз из-под консоли. Он с трудом встал на свои лягушачьи лапы и с усилием поднял муравьиную головку.

— Да-а-а, невероятный случай, — протянул он, изгибая туловище, чтобы размять спину. Выпадение радиоактивных осадков, произведенное действием молитв Бритни, длилось долго и сказалось значительными убытками для всей службы контрразведки.

— Быстро, — рявкнул Маври. — Пошел вон отсюда, — сказал он, показывая на дверь лаборатории, которая вела в другие отделения РЭЙД'а, — и заодно найди мне монитор, который еще работает.

— Что!?! — завизжал Рэтсбэйн.

— У нас все еще есть шанс, — пробубнил Маври. Он подполз к консоли управления комплексом и начал быстро отсоединять поврежденные провода и компоненты, оставляя на месте аппаратуру, которой удалось избежать повреждения.

— Все кончено! — вскричал Рэтсбэйн. — Ты разве не видишь этого?

— Пока это не кончится, еще не кончено, — был ответ Маври, скручивающего оборванные провода. — Конечно, она сдалась Всевластному Владыке, и мы ничего не можем с этим поделать. Но она еще не открыла правду Седой Бороде. Она еще не действует в соответствии с истиной. Значит, у нас есть время. Все, что мне нужно сделать, — это использовать остальных, чтобы удержать ее от дальнейших шагов. А теперь принеси-ка мне то, что нужно, да побыстрее! — заорал он.

— Если бы ты спросил меня, — промямлил Рэтсбэйн, — я бы сказал, что твоя стратегия провалилась.

— Никто тебя не спрашивает, — рявкнул в ответ Маври.

* * *

На следующее утро Бритни была в общей палатке раньше остальных. Темнота все еще окутывала лагерь, когда она поспешно приготовила себе завтрак и села в ожидании остальных.

Ави появилась несколькими минутами раньше четырех часов и сразу же принялась за работу на кухне. Она непринужденно разговаривала с Бритни, которая помогала ей выставлять посуду с едой

и приборы на стол. Когда они заканчивали приготовления, подспели Джейсон и Филипп.

Бритни схватила Ави за руку и повела ее за собой, чтобы предупредить мальчишек.

— Ребята, мне нужно сказать вам нечто важное, — сказала Бритни с загадочной настойчивостью в голосе. Она подвела группу к столу, стоявшему в углу и села рядом с Джейсоном напротив Филиппа и Ави.

— Что происходит? — спросил Джейсон, заинтригованный тоном Бритни, но еще не понимающий, предстоит ли ему радоваться или огорчаться. Филипп зевнул во весь рот, правда, прикрывшись рукой.

— Где Брайан? — спросила Бритни.

— Брайан? — эхом отозвался Джейсон. — Он сказал, что не пойдет завтракать. Я думаю, он не спал ночью. Наверное, Шебтай повезет его в аэропорт через несколько часов. А что вообще происходит? В чем дело?

Бритни набрала воздуха и начала медленно и методично рассказывать, что произошло ночью в ту пятницу. Она рассказала им, как услышала голос Сюзен Аренс, возвращаясь с водоема и то, как увидела Брайана и Сюзен в машине. Она объяснила им, что когда Брайана обвинили в хулиганском нападении на арабскую бакалейную лавку, она знала, что он невиновен, но не хотела говорить об этом, поскольку ее честность могла обернуться против нее.

— После вчерашней бури я много думала обо всем, — сказала она неторопливо и как бы в размышлении. — Мы с Дарсел ночью обсудили некоторые вещи. И я начала понимать, что все время пыталась делать все сама и по-своему. Я на самом деле просто игнорировала Бога во многом, и отвергала то, что Он считает правильным. Я пыталась заменить собственным решением то, что мне показывал Бог, — нервничая, она облизывала губы, — но в эту ночь я поняла, что практически не слушалась Его. Я увидела, что мне необходимо просто подчиниться Ему и делать то, что Он называет правильным, а не то, что я считаю таковым.

— И теперь, — сказала она решительно, — мне просто нужно рассказать обо всем Шебтаю. — Она опустила взгляд на свои дрожащие руки.

— Я постараюсь, ребята, не навлечь на вас неприятности, — сказала она, не поднимая глаз, — но я больше не собираюсь лгать.

Джейсон уставился на нее с открытым ртом и широко раскрытыми глазами.

— Но Бритни, у тебя же два замечания! — воскликнул он.

— Я помню, — ответила она.

— А если тебя отправят домой? — спросил Филипп.

Бритни посмотрела на Джейсона. Ее глаза наполнились слезами. Она снова опустила глаза на свои руки, лежавшие на столе. Ее охватила дрожь. Она крепко сжала губы.

Джейсон повернулся к Бритни. Он положил левую руку на стол и сжал ее запястье правой рукой.

— Ты не должна это делать, — сказал он.

Она посмотрела на него глазами, полными слез.

— Я должна, — прошептала она.

— Но... — он задыхался от боли душевного страдания, — ты *не* должна. — Он пытался подобрать слова, соответствующие его мыслям. *«А как же насчет нас? — хотел он сказать. — Мы только наладили наши отношения. Еще почти четыре недели впереди, Бритни, но если ты скажешь Шебтаю, то тебе придется уехать. И что тогда?»*

Ничего не сказав, он положил свою левую руку на ее сцепленные пальцы и продолжал держать ее запястье правой рукой.

— Послушай, Бритни, — сказал Джейсон, понизив голос. — Брайан уже упаковал свои вещи. Он полностью готов к отъезду. Тебе не нужно ничего говорить.

Она моргнула. В ее влажных глазах была видна боль.

— Он был для всех нас проблемой и ничем больше, Бритни, — умолял ее Джейсон. — И теперь, когда они с Сюзен порвали отношения он, вероятно, в любом случае не захотел бы остаться.

Она закрыла глаза.

— Нет, ты посмотри на меня, Бритни. Ну, посмотри на меня! — упрасивал ее Джейсон. Она открыла глаза. Он замолчал, и они смотрели друг на друга. На их лицах отразилась целая гамма чувств.

— Никто же не просит тебя лгать, — вступил в разговор Филипп. — И ты не можешь ведь солгать, не открывая рот, правда?

— Вы говорите мне то, в чем я все время убеждала себя сама, — начала она, но Филипп перебил ее, не дав закончить фразу.

— И ты была права, — сказал он. — Послушай, разве ты не видишь, какое замечательное лето ты проведешь, если просто позволишь всему произойти? Ави, я, ты и Джейсон... Нам вместе будет так здорово. Выдав себя, ты испортишь все не только себе и Джейсону, но и нам с Ави.

Бритни закрыла глаза на мгновение и открыла их, чтобы посмотреть на своих друзей. Она изучала их лица и видела в них не только озабоченность своим положением, но и заботу о ней.

Ави протянула руку через стол и положила свою руку на ее сжатые ладони.

— Я знаю, что ты должна делать то, что считаешь правильным, — сказала Ави, — но, сказав отцу, ты не только перечеркнешь нашу радость, но и причинишь ему боль. Он, безусловно, будет огорчен тем, что сделала я, но и твоим поступком тоже. Ты ему нравишься, Бритни. Ему тяжело будет отправлять тебя домой.

Бритни отодвинула скамейку назад и встала, глядя на своих друзей. Она боролась с наполнявшими ее чувствами. Ей трудно было начать.

— Мне тоже будет больно, Ави... И я не могу выразить тебе, насколько, — сказала она и остановилась. Ее губы дрожали. — Но мне не нужно делать то, что кажется правильным для меня. Я должна поступать так, как хочет Бог. Мне так хотелось бы объяснить это все вам, ребята. Но я и сама только начинаю это понимать. Я знаю, что Бог верен и честен, и знаю, что я не была такой раньше. Поэтому я была не права.

Она медленно подошла к двери общей палатки и снова обернувшись, посмотрела на своих друзей. Они смотрели на нее так, как будто она добровольно шла на эшафот.

Дверь за ней закрылась, а Филипп, Ави и Джейсон сидели, не двигаясь, как будто были прикованы. Все молчали, погружившись в свои мысли.

Джейсон чувствовал неприятную слабость. Он проигрывал в памяти события прошедшей ночи и вспоминал свой безудержный оптимизм, который он испытывал от тех опьяняющих мгновений. Он вспоминал слова Бритни: «Ты как раз тот парень, которого я искала, Джейсон, и с которым давно хотела дружить... Настоящий христианин с твердым характером». Слова повторялись как эхо в его ушах. *«Если честно признаться, не очень-то я проявил характер сегодня утром... Просил ее солгать, думая только о своем счастье».* Он обратил свой затуманенный взгляд на Филиппа и Ави, которые сидели безмолвно наблюдая за ним.

«Да... Неплохой способ начать взаимоотношения, — корил он мысленно себя. — Если я хочу, чтобы сейчас она солгала ради меня, то почему бы однажды ей не обмануть и меня?» Он понял, что она могла подумать о том же, но как быть в отношении его самого. Если он просил ее солгать сейчас, то будет ли она доверять ему потом? Поверит ли она, что он не будет впоследствии обманывать ее?

Он с шумом выдохнул, как будто играл на невидимой трубе.

— Бритни права, — сказал он Филиппу и Ави. — Не имеет значения — скажет она или промолчит. Все равно это будет ложь. Она показала пример нам троим, выбрав правильное решение. Не знаю, как вы, а я считаю, что она поступила здорово. — Он встал. — И мне стыдно, что я отпускаю ее одну объясняться с Шебтаем!

Он направился к двери.

— Джейсон, — крикнула Ави, вставая. — Подожди. Я тоже пойду.

— Подождите секунду, — сказал Филипп. Он по-прежнему сидел за столом, смотря вверх на Джейсона и Ави. — А как насчет меня?

— Насчет тебя? — отозвался Джейсон.

— Вы идете с Бритни рассказать Шебтаю о прошлой ночи. — Его слова звучали утвердительно. — Это означает, что я тоже должен пойти.

— Ты не должен, — сказал Джейсон.

Филипп закатил вверх глаза. На его лице появилось выражение отвращения и досады. Наконец он вздохнул и решительно встал.

— Нет должен, — сказал он.

Они прошли через ворота площадки и чуть не были сбиты несущимся джипом, который резко затормозил перед общей палаткой, разбрызгивая вокруг камни и грязь.

Израильский служащий, который вчера принес в лагерь новость об акте вандализма, совершенном в Мицпе Рамон, выскочил из джипа и встал перед ними в позе «руки в боки». Солдат все еще сидел за рулем джипа.

— Где доктор Левит? — резко спросил служащий. — Я должен встретиться с ним. Срочно.

По ту сторону рассказа: Даниил

Много лет назад на глазах у юного принца его страну завоевала чужеземная армия. Чужеземцы взяли его в плен и отвезли за сотни верст от дома в некий город, где его приказали подготовить к королевской службе. От принца требовалось выучить язык и литературу народа-завоевателя. Ежедневно ему предоставлялась великолепная еда и вино.

Однако принц был иудеем и соблюдал строгие требования в отношении выбора пищи и ее приготовления. Он объяснил свое затруднение начальнику при дворе.

— Хотел бы я помочь тебе, — сказал сановник, — но задача моя в том, чтобы ты был крепок и здоров; король буквально снимет с меня голову, если ты ослабнешь или хотя бы осунешься.

Тогда принц предложил ему и остальным иудеям, которых готовили к придворной службе, следующий выход из этого затруднения:

— Сделай так, — сказал он. — В течение десяти дней давай мне и моим друзьям только овощи для еды и только воду для питья. Затем сравни наш внешний вид с внешностью молодых людей, которые едят пищу с царского стола. Если мы не будем выглядеть такими же здоровыми, тогда поступай с нами, как решишь.

В конце испытательного периода юный принц и его друзья выглядели более здоровыми и упитанными, нежели мужчины, которые питались ветчиной и яйцами. Принц и его товарищи твердо стояли за свои убеждения и вскоре стали наиболее ценными советниками короля.

Звали молодого принца Даниил, и рассказ о нем записан в Ветхом Завете. Он был доверенным советником нескольких царей, и вся его жизнь наполнена удивительными событиями, когда он отстаивал истину перед лицом большой опасности (например, однажды его бросили в яму с голодными львами).

Даниил стоял за истину, не считаясь с ценой. Он решил поступать правильно, поскольку был уверен, что Божьи заповеди (происходящие из Его естества) — истинны. Он осознавал, что правильные решения в будущем, обязательно принесут добрые плоды.

Бритни наконец поняла, что ложь, независимо от того, чем ее можно оправдать, является прегрешением, то есть нарушением Божьей заповеди и принципа честности. Теперь Бритни знает, что нечестность является злом, поскольку противоречит естеству Бога, который истинен, и своей ложью, в какой бы то ни было форме, она оскорбляет Его.

И, что важно, она не только нашла верное решение вопроса «как правильно поступить?», но она начала действовать в соответствии с этим решением. Это сложная ситуация, безусловно, не будет первой и последней в ее жизни. Бритни, подобно всем нам, будет каждый день сталкиваться с необходимостью выбирать между добром и злом. Каждый день она будет встречаться с возможностью применить на практике «четыре закона»: **обдумай решение, соотнеси его с Божьим Словом, доверься Божьему руководству и ожидай Божьей помощи.**

Стоять за истину это не все равно, что получить паспорт или аттестат зрелости — это вы делаете один раз и потом забываете. Стоять за истину — это образ жизни, совершенно новый способ

мыслить и выбирать. Это решение, которое вы принимаете день за днем, минута за минутой, решение **обдумать, соотнести, довериться** и **ожидать**. Это абсолютно новый образ жизни во взаимоотношениях с нашим Богом-Творцом.

Конечно, это может показаться невероятным. В конце концов, кто следует истине каждый день? Кто поступает правильно каждую минуту жизни? Никто не совершенен, кроме Иисуса, а Он и есть ключ к жизни в истине. Помните, Он сказал: *«Я есмь путь и истина и жизнь» (Иоан. 14:6)*. Истина жива! Если вы доверились Иисусу Христу, как Спасителю и Господу, то Истина живет внутри вас. Потому что, как мы уже говорили, стоять за истину — вопрос не правил и законов, но взаимоотношений... Личных взаимоотношений с (и постоянная зависимость *от*) самой Истиной!

Чтобы помочь вам принимать правильные решения в вашем уникальном жизненном путешествии, мы разработали *Рабочую тетрадь* в серии *«Добро вместо зла»* под названием *«Твое освобождение для принятия верных решений»*. Выделите двадцать минут в день для себя, Бога и вашей *Рабочей тетради «Добро вместо зла»* и научитесь по-новому мыслить и строить взаимоотношения с Богом, по-новому принимать решения в жизни. Поговорите со своим молодежным лидером о *Рабочей тетради «Твое освобождение для принятия верных решений»* и пусть к занятиям подключится вся ваша молодежная компания.

Я призываю вас никогда больше не думать о Божьих заповедях, как о серии указаний «Делай это и не делай то», «Можно и нельзя». Рассматривайте их, как Божий способ показать Свою природу и характер, смотрите на них, как на полное любви стремление Бога защищать и обеспечивать вас. Стойте за истину, пускай Истина живет в вас, и поделитесь истиной с другими.

13. Финальное испытание Бритни

Бритни стояла перед палаткой Шебтая. Утреннее солнце окрасило восточную часть неба в радостный розовый цвет раннего утра. Руководитель раскопок был в джинсах и рубашке с короткими рукавами.

Бритни пересказала свою историю Шебтаю, не упоминая имен Филиппа, Ави и Джейсона, хотя и понимала, что он непременно узнает, с кем она была в пятницу вечером. Также она объяснила, что не сказала обо всем раньше из-за ситуации с ее двумя замечаниями, и в мельчайших подробностях поведала о том, как буря на горе послужила ее духовной перемене.

Слушая рассказ Бритни, Шебтай становился все печальней, его лицо помрачнело. В уголках глаз появились морщинки от испытываемой им боли.

— Мне... мне так трудно в это поверить, — сказал он, когда она закончила. — Скажи, ты не выдумываешь все это просто для того, чтобы защитить Брайана?

Она отрицательно тряхнула головой.

— Нет, я так и не думал, — грустно сказал Шебтай. — Ты знаешь, властям для доказательства понадобится нечто большее, чем то, что ты сказала. — Он сделал паузу. — Ты готова сказать им, кто был с тобой в ту ночь?

В ответ на вопрос Шебтая, неожиданно раздался голос Джейсона, который вместе с Филиппом и Ави подошел к своему руководителю.

— Ей не нужно говорить, — сказал он. — Потому что она ходила купаться с нами. — Джейсон подошел к Бритни и дружески обнял ее за плечи. Филипп и Ави стояли за ней, держась за руки.

— Доктор Левит! — прорычал израильский служащий, пришедший за друзьями Бритни. — Мне нужно поговорить с вами.

Шебтай отвел взгляд от Бритни и остальных и на мгновение взглянул на мужчину.

— Через одну минуту, — ответил он, снова посмотрев на Бритни. — Значит, это правда, — сказал он ей.

— Доктор Левит! — повторил человек со вьющимися волосами.

— Через одну минуту, я же сказал, — произнес он тихо, но резко.

— Бритни, — начал он, протягивая руку к ее подбородку, как если бы собирался потрепать его. Держа ее подбородок указательным и большим пальцами, он сказал:

— Я хочу, чтобы ты понимала, к чему ведут твои слова. У тебя уже два замечания.

— Да, — прошептала Бритни, наморщив лоб и крепко сжав губы.

Морщинки в углах глаз Шебтая углубились.

— Мне так жаль, — сказал он. — Мне так жаль. — Он убрал руку. — Если бы я только мог чем-то помочь...

Бритни кивнула, не отводя глаз от Шебтая.

— Я знаю, — прошептала она.

— Доктор Левит! — настаивал офицер. — Я вынужден настаивать...

— Что такое? — твердо спросил Шебтай.

— Молодой американец может не уезжать. Поступила новая информация, полностью оправдывающая его. — Он вытащил свои затемненные очки из кармана рубашки и надел их.

— У вас есть волонтер по имени Давид? — спросил он. — Иудей из эфиопов?

Шебтай бросил быстрый взгляд на Бритни, потом на остальных. Углы его рта приподнялись в иронической улыбке. Он кивнул.

— Я должен арестовать его, — сказал человек в очках.

* * *

Маври отвернулся от монохромного монитора, за которым работал и зыркнул на Рэтсбэйна.

— Считаю тебя непосредственным виновником происшедшего, — пронзительно пропищал он. — Это ты во всем виноват!

— Я?! — рыкнул в ответ Рэтсбэйн. — Как так — я?! Меня и близко не было у пульта управления, когда девчонка дала отпор своим

друзьям. Я не работал на клавиатуре, когда она говорила правду старику! И я не имею абсолютно никакого отношения к тому, что остальные решили ее поддержать! Это все *твоя* зловонная стратегия, которая и привела к случившемуся, — говорил он, смотря по сторонам на разрушенную лабораторию. — Не вали со своей больной головы на *мою здоровую!*

Маври шлепнул Рэтсбэйна по затылку.

— Нет, буду! Потому что это ты дал ей понять, что делает решения хорошими и плохими... нет, что еще важнее, кто устанавливает подобные вещи. Ты допустил, чтобы Седая Борода болтал дальше о Враге и Законе. Если бы не ты, я бы смог удержать ее, чтобы она не сдалась Врагу! Я смог бы удержать ее от влияния на друзей с помощью своего новоприобретенного чистосердечия!

— Да ты вообще понимаешь, что ты натворил? Ты можешь хотя бы на секунду представить, что эти дети смогут сделать?! Если они узнают и поймут Личность Истины и начнут стоять за Нее на виду у остальных своих друзей, знакомых и их семей?! Знаешь ли ты, где мы все окажемся, если они начнут признавать моральный авторитет Всевластного Правителя вселенной и подчинят свою волю Ему? *Знаешь?*

Внезапно Маври отвлек шум у тайного входа в лабораторию РЭЙД'а. Он повернул голову и увидел двух гигантских демонов, у каждого из которых был торс гориллы и рогатая голова носорога. Они снесли дверь своими толстыми лапами и, наступив на нее, предстали перед Маври и Рэтсбэйном, громко дыша и дико размахивая кожаными лапами в столбе поднятой ими пыли.

Рэтсбэйн ударил Маври по его черепашьей голове так, что очки его начальника полетели на пол. Маври оглянулся на Рэтсбэйна, но только на этот раз демон с муравьиной головкой был невольно агрессивен.

— Ты, высокомерный мелкий грубиян! — кричал он на директора РЕЙД'а. — Тупые мозги! Ничтожество! — Рэтсбэйн, будучи выше ростом, чем Маври, склонился над ним и прижал его к стене.

— Думаешь, ты знаешь больше всех, да?! — кричал он, пока гориллы-носороги наблюдали в ожидании. — Ты считаешь, что ты этаким великий демон, не так ли? Что ж, у меня для тебя новость: ты проиграл! Эти детины-демоны только что услышали, как ты говорил о Враге, употребляя неподобающие эпитеты. — Он показал на двух зверей, запах от которых наполнил уже всю лабораторию. Они махали маленькими подслушивающими устройствами, которые сжимали в своих лапах.

Маври перевел взгляд с Рэтсбэйна на двух детин, и затем снова на него.

— Ты подслушивал в моей лаборатории? — тон его голоса повысился до патетического завывания.

— Совершенно верно, мелкий адский урод, — заметил Рэтсбэйн зловещим полусшепотом, подставив руку под консоль и вытаскивая устройство размером с зажигалку для сигарет. Он коварно помахал маленьким микрофончиком перед мордой Маври.

Гориллы-носороги схватили Маври под руки и подняли его черепашью фигурку в воздух. Его ноги беспомощно качались вниз.

— Вы не можете этого делать! — кричал он. Лишившись своих круглых очков, он сощурил черепаший глаза на Рэтсбэйна. — Ты специально подорвал всю мою стратегию, так? Ты намеренно смотрел сквозь пальцы на этих несчастных детей из Весткасла, да? Ты хотел провалить мой план, чтобы захватить руководство РЭЙД'ом, так?

— Уберите его отсюда, — прорычал Рэтсбэйн. Он долго смотрел вслед двух зверей-детин и их пленника после того, как они скрылись за дверью.

— Ты ошибаешься, черепаший мозги, — с горечью нашептывал он, разговаривая с самим собой. — Не проваливал я твоей стратегии. Детишки сами сделали это. Я просто терпеливо ждал, чтобы поживиться на результатах! — Он швырнул на пол подслушивающее устройство и раздавил его своей перепончатой ступней.

Прослушивание апартаментов своих коллег не было необычным явлением среди адских демонических структур. Работа в команде была рассчитана только на те случаи, когда независимый доступ к работе был невозможен. Обычно каждый демон в аду работал сам на себя. От одной мысли о том, как решения детей пришлись кстати для выполнения его двусмысленного плана, Рэтсбэйн причмокнул в демоническом восторге. Затем он поднял покрытую пылью муравьиную голову и зыркнул стеклянными глазами по лаборатории, оценивая убытки дня.

— Большая уборка мне здесь предстоит, — сказал он. Его слова отскакивали эхом от испачканных стен пустой лаборатории.

* * *

Заплаканная Бритни стояла рядом с машиной, пока Шебтай складывал ее чемоданы в багажник автомобиля. Она пробыла в Хар Каркоме меньше трех недель, но время пролетело, и она так много сделала и столь многому научилась.

Она повернулась к Ави и крепко обняла свою подругу-израильтянку.

— Ребят я увижу через месяц с небольшим, — сказала она, всхлипывая. — Но тебя, не знаю, увижу ли когда-нибудь снова. — Они крепко обнялись.

— Будем держать связь, — сказала Ави, тоже плача. — Папа говорил что-то насчет поездки в Соединенные Штаты на долгий срок. Возможно, мы как-нибудь заедем в Весткасл и тогда увидимся.

— Бритни, — позвали сзади.

Она освободила Ави от объятий и обернулась. Филипп стоял рядом с ней, держа что-то в руках.

— Вот, — сказал он и положил два похожих предмета в ее руки.

Она посмотрела на них. Он вручил ей две крошечные бутылки с ликером, которые он украл в самолете. Она бросила на него озадаченный, почти брезгливый взгляд. Ну и шутки!

— Я никогда не собирался пить это или что-нибудь подобное, — прошептал он. — Мне совсем не нравится этот напиток.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала с ними? — спросила она.

Он пожал плечами.

— Я думал, что ты могла бы просто вернуть их.

Она улыбнулась и засунула бутылки в карман.

Затем они быстро обнялись. Бритни увидела через плечо Филиппа, как к группе провожающих присоединился Брайан.

— Я просто хотел сказать спасибо, за то, что ты сделала — сказал он, не улыбаясь. Он откашлялся. — Его взгляд перемещался от своих кроссовок к ее лицу и обратно.

— Ты не должен благодарить меня, Брайан, — сказала она. — Нужно было сказать правду. Прости, что ждала так долго. — Удивительное чувство облегчения наполнило ее. В этот миг она знала без сомнения, что если бы позволила Брайану уехать из Хар Каркома и вернуться домой, то была бы неопишимо несчастной на протяжении всего оставшегося времени их пребывания в лагере.

Она улыбнулась сквозь слезы и шагнула вперед, чтобы обнять Брайана.

Шебтай завел мотор автомобиля. Бритни забралась в машину, внезапно осознав, что время отъезда наступило. Она посмотрела на Джейсона. Свет утреннего солнца блестел на его коротких светлых волосах. Он казался гораздо более высоким, чем раньше. В ее глазах появились слезы. Бритни улыбнулась, что было нелегко, и обвила руками шею Джейсона.

— Мне так хочется, чтобы ты осталась, — сказал он.

— Мне тоже, — ответила она. Бритни слегка отстранилась и посмотрела в его голубые глаза. Они пристально смотрели друг другу в глаза, как будто читая мысли. Наконец она снова обняла его и поцеловала. — Приезжай скорее домой, Джейсон, — мягко сказала она. От ее прощальной улыбки сердце Джейсона наполнилось сладкой болью надежды.

Через несколько минут они с Шебтаем уже выезжали по каменистой грязной тропе из Хар Каркома на двухрядное шоссе, которое должно было привести их в международный аэропорт в Тель-Авиве.

Несколько миль Бритни и Шебтай ехали по неровной дороге, не проронив ни слова. Она смотрела сквозь запыленное ветровое стекло машины и размышляла о своем решении сказать правду и о тех странных событиях, которые подтолкнули ее к тому, чтобы довериться Богу, не только как Судье добра и зла, но и как абсолютному авторитету во всех решениях, которые ей предстоит принять в жизни. Она вспомнила свою маму, Пенни Марш, как она пыталась помочь ей понять, что если что-либо противоречит или оскорбляет Божью природу, значит это неверно, неправильно. Она вспомнила мамины слова: «Бритни, Бог — это стандарт». Раз за разом она повторяла ей, что она должна сравнивать свои поступки и себя саму с Ним, а не с каким-нибудь самодельным представлением о добре и зле.

«Я полагала, что знаю все это, когда приехала в Хар Карком, — подумала она про себя. — Но потребовалась буря на горе, чтобы я смогла понять на самом деле, что Бог дал Свой Закон — Свое Слово, Свое полное откровение, даже Христа — не только для того, чтобы мы могли отличить добро от зла, но чтобы мы могли познать Его, потому, что только Он — Источник знаний».

Автомобиль наскочил на большой ухаб так, что Бритни подбросило в воздух. Она приземлилась на сиденье, сильно ударившись. Шебтай бросил на нее сочувственный взгляд, но она оставалась глубоко погруженной в свои мысли.

«Бог хочет, чтобы я знала и слушалась Его, — она покачала головой. — Нет, не только это. Чтобы сделать меня счастливой, — она удовлетворенно улыбнулась. — Да. Потому что Он любит меня».

Она обернулась назад и посмотрела на отдаляющиеся очертания Хар Каркома, которые теперь казались чуть-чуть больше, чем холмы в окрестностях Весткасла.

Посмотрев вперед, она увидела ленту асфальтированной дороги, простиравшейся впереди них. Несколько минут спустя Шебтай вывел машину на асфальт и повернул на север.

— Вы так и не ответили на вопрос Дарсел, — неожиданно сказала Бритни.

Выражение лица Шебтая не изменилось.

— Какой вопрос?

— Вы на самом деле считаете, что Хар Карком — это и есть гора Синай, где Моисей встретился с Богом и получил десять заповедей? — Она чуть не добавила: *«и скрылся в ущелье скалы?»*

Он не отвечал так долго, что Бритни стала подозревать, что он не услышал ее вопроса, или, возможно, рассердился. В конце концов, не сводя глаз с дороги, он заговорил.

— Я не знаю, — сказал он, вздохнув. — А почему ты спрашиваешь?

Бритни вспомнила, как стояла у обрыва горы и смотрела на равнину внизу, представляя множество шатров, которые растянулись на многих миль вперед. Она раздумывала над тем фактом, что прошедшей ночью она спустилась с горы с предписаниями Бога, хотя и записанных не на каменных скрижалях, как у Моисея, но запечатленных в ее сердце. Она пожала плечами.

— Было бы неплохо, если бы это было так, — сказала она.

— Это было бы открытием века, — серьезно ответил Шебтай.

Они проехали мимо большого грузовика коричневого цвета, битком наполненного израильскими солдатами, одетыми в бурые хаки.

Шебтай откашлялся.

— Этим утром Давид признался в совершении преступления.

Бритни слышала слова Шебтая, но ей понадобилось некоторое время для того, чтобы понять, что он говорил о молодом иудее, который на самом деле совершил то, в чем обвиняли Брайана.

— Похоже, юный Давид имеет категоричные взгляды по отношению к арабам, живущим в Израиле. Некто из Мицпы Рамон в итоге выдал его властям.

Бритни кивнула. На ее лице показалась ироничная улыбка. Если бы она тогда промолчала хотя бы пять минут... Ведь Брайана оправдали бы в любом случае.

— Мне очень жаль, что все закончилось именно так, — сказал Шебтай.

Бритни прислонилась головой к спинке сиденья и повернула лицо к Шебтаю.

— Не жалеете, — сказала она, улыбаясь. — Я не жалею. Нисколько.

Обложка

В чем секрет принятия верных решений?

В своей жизни вы встречаетесь с множеством трудных ситуаций, как первостепенных, так и незначительных, которые могут иметь серьезные последствия. Как замечательно было бы обладать секретной истиной, которая всякий раз гарантировала бы принятие самого верного решения? Студентка старшего класса Бритни Марш находится на пути к этой истине.

Но в темных комнатах ада рыщет Рэтсбэйн, демон, намеревающийся удержать эту истину в тайне. Он знает, что, если Бритни и ее друзья обнаружат истину о принятии верных решений, то он потеряет свою способность контролировать из жизнь. Таким образом, Рэтсбэйн и другие злодеи-демоны стали истребителями Истины, предназначенными для того, чтобы удерживать в тайне секрет.

Джош МакДауэлл совместно с Бобом Хостетлером помогут вам узнать истину о принятии правильных решений. Они раскроют перед вами глубины библейской мудрости и приведут толкование захватывающей истории Бритни и ее друзей в разделах под названием «По ту сторону рассказа». Вам предложат темы для рассуждения:

что делает «хорошее» хорошим всегда;
почему неправильные решения так часто кажутся верными;
как процесс из четырех шагов гарантирует принятие правильного решения.

Иисус сказал: «...познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Иоан. 8:32). Познайте истину и будьте свободными для принятия правильных решений.